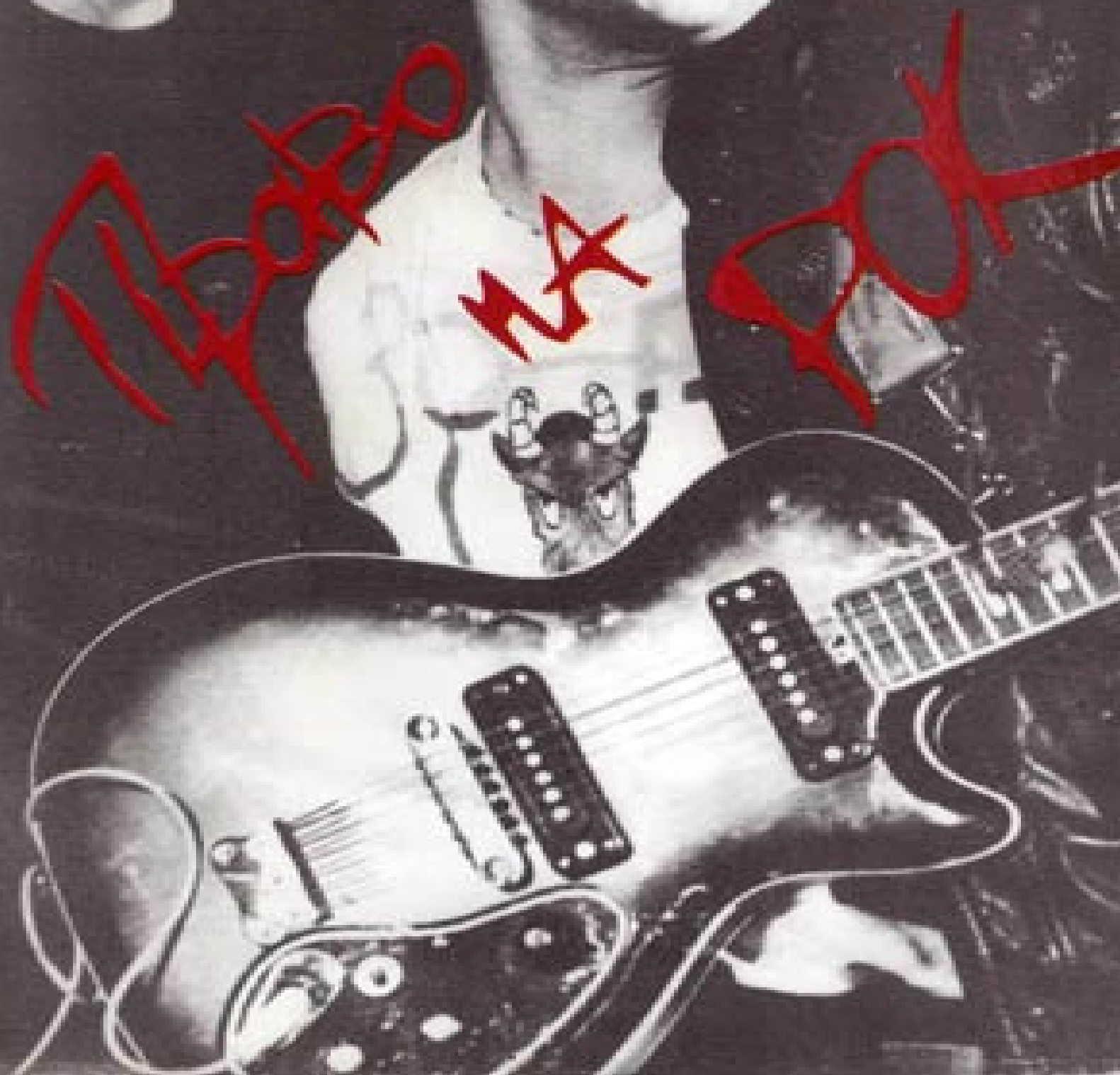

МАЙК:

3
00
ПАРК

-
- [Алексей Рыбин](#)
- [Михаил Науменко](#)
- [Галина Флорентьевна Науменко](#)
- [Михаил Науменко](#)
- [А. Рыбин](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [Вокально-инструментальная группировка им. Чака Берри. «Рокси»N2, 1978.](#)
- [«Рок-н-ролл». «Рокси» N3, 1978.](#)
- [Борис Гребенщиков](#)
- [МАЙК «Рокси»N3, 1978.](#)
- [Вячеслав Зорин](#)
- [РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ МАЙКА «СЛАДКАЯ Н И ДРУГИЕ» «Рокси» N4, 1980.](#)
- [ИНТЕРВЬЮ С МАЙКОМ. «Рокси» N4, 19...](#)
- [Илья Смирнов](#)
- [Дядюшка Ко \(Артем Троицкий\).](#)
- [М.НАУМЕНКО «ЗООПАРК». «ЗЕРКАЛО», АПРЕЛЬ 1982, МОСКВА.](#)
- [ПРОКОП СУРОВЫЙ](#)
- [ИЗ СТАТЬИ «ВЕСЕННЯЯ ОПЕРА», УХО» 4, МОСКВА 1983](#)
- [Интервью с Пашей Краевым.](#)
- [Владик Шебагиов](#)
- [ИГОРЬ «ПАНКЕР» ГУДКОВ,](#)
- [РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ «ЗООПАРК», «УЕЗДНЫЙ ГОРОД N». «Рокси» N6, К.Кич.](#)
- [РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ «БЕЛАЯ ПОЛОСА» Студия «АНТРОП», «Рокси» N8, ЯНВАРЬ 1985.](#)
- [ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ. 1984 А.Морозов, М.Садчиков, В.Добрынин](#)
- [Алек Зандер. «Это только рок-н-ролл». Интервью с Михаилом Науменко и Александром Петровичем Донских.](#)
- [ПРЕССА](#)
- [МИХАИЛ НАУМЕНКО. «Рок 80-х». «Рокси» N16, 1991](#)
- [АРТЕМ ТРОИЦКИЙ. 23.03.93.](#)
- [МИХАИЛ «ФАН» ВАСИЛЬЕВ. 09.11.92.](#)
- [АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ. Март 1993 г.](#)

- [ИЗ ИНТЕРВЬЮ А.ЛИПНИЦКОГО С АНДРЕЕМ ТРОПИЛЛО
02.02.91. «Рокси» N 16, 1991.](#)
 - [Коля Васин](#)
 - [Александр Липницкий.](#)
 - [Василий Соловьев](#)
 - [Наталья Науменко](#)
 - [М НАУМЕНКО. ХРАНИТЕЛЬ ОГНЯ](#)
-

Алексей Рыбин

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга - не история рок-группы «Зоопарк», не хроника концертов и студийных записей, не описание приключений бесшабашных рокеров в стране победившего социализма. Нам не хотелось писать об этой, на самом деле крайне интересной и занятой, но, по сути, внешней стороне дела. Уважаемый нами Артем Троицкий и еще ряд журналистов и писателей уже довольно полно изложили большинство конкретных событий, происшествий и приключений рок-н-ролльщиков в России. Нам, в первую очередь, хотелось зафиксировать все то, что мы помним о Майке, как о личности, о конфликте рокера с обществом (тьфу-ты, патетика-то какая...), о Майке-поэте, Майке-человеке. Жизнь Майка - трагедия, трагедия наша общая, Б.Г. сказал по этому поводу, что проиграли в результате все-таки мы, поскольку лишили себя удовольствия общения с Майком, но об этом впереди.

Заранее приносим извинения за обилие лирических отступлений, но это показалось нам необходимым, ибо в наш технократический век хочется кроме сухих фактов чего-нибудь человеческого и доброго. А лирики сейчас очень не хватает, и читайте, пожалуйста, тексты Майка, его ранние рассказы, читайте наши комментарии - это не Набоков и не Чейз, но, может быть, это будет, все-таки, кому-то интересно, тем более, что все ниже следующее - чистая правда, начиная от слонов на крыше, о которых пишет Майк в рассказе «Заварное молоко», до описания его коммунальной квартиры и количества выпиваемого за один присест сухого вина. Новое поколение, по слухам, выбравшее «Пепси» и свободно перемещающееся из Петербурга в Питтсбург и из Новосибирска в Нью-Йорк, никогда не сможет уже превратить Михайловский сад в Вудсток, а «Сайгон» в Пен-клуб. Да и нет уже «Сайгона», может быть, и хорошо, что нет - всему свое время. И жизнь прекрасна, по-прежнему, жить стало лучше, жить стало по-другому.

К сожалению, мы не смогли, да и не стали пытаться даже вместить в эту книгу воспоминания ВСЕХ людей, которые знали Майка, общались с ним, приносили ему свои песни и портвейн, выступали с ним на одной сцене и сидели у него в гостях, ибо имя им - легион. Поэтому, убедительно просим читателя не считать данное произведение полным и законченным - все, что закончено - мертво, а мы еще, слава Богу, живы так же, как и

музыка Майка.

Книга эта может показаться странной, поскольку трудно определить как ее жанр, так и авторскую позицию и вообще цель написания. Цель нам самим не ясна, так как лучшая память о Майке - это его песни, а они выходят на пластинках; воспитывать кого-либо мы тоже не собирались, да и Майк сам этого не терпел, коммерческая сторона дела здесь, как и вообще в роке (пока он остается роком) просто-напросто отсутствует как явление. Единственное, что заставило нас оторваться от игры на гитаре, чтения Стивена Кинга или Джойса - Любовь. Любовь к этому человеку и попытка еще раз пообщаться с ним так, как мы это делали много лет - без вранья, просто и весело, серьезно и честно.

Михаил Науменко

РАССКАЗ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Я проснулся в два часа дня с мрачной мыслью о том, что к четырем мне надо быть в студии. Контракт с «Мелодией» обязывал меня выпустить последний в этом году сингл не позже, чем к 12 ноября. Откладывать дальше некуда.

А вообще, я ужасно устал. Год выдался чертовски напряженным: сначала гастроли по Австралии вместе с «Керосиновым Контактom», долгая, вымотавшая все нервы, работа над очередной долгоиграющей, затем ряд не очень удачных концертов здесь, в Ленинграде, с новой, ни к черту негодной группой, опять гастроли, но уже по Украине и Белоруссии; дрянные гостиницы, душные залы, премерзкие автобусы, потом опять работа в студии и опять гастроли. О репетициях я уже не говорю.

А сегодня нужно писать еще один сингл - к Новому году. А ночью придется сниматься в ТВ-шоу. Что за жизнь! Бросить бы все к черту и махнуть куда-нибудь в тепло, к морю...

Однако было уже пора ехать. Я зачехлил свой «Лес Пол» и акустический «Мартин» и отнес их в машину. На улице было холодно и пасмурно. «На дорогах гололед», - сумрачно проверещало радио и заиграло последний хит Виктории «Пирамиды». Я нырнул в теплый уютный мирок своего «Роллс-ройса», закурил и стал выруливать к Кировскому проспекту. Наконец-то боссы с «Мелодии» удосужились построить приличную студию звукозаписи в Песочном, на природе, вдали от шума городского. Правда, на хороший аппарат раскрутить их так и не удалось, но 16-трековые «Сони» тоже недурны.

В студию я приехал полчетвертого. В контрольной комнате сидели мальчики из «Н.Л.О.» и мучались с микшированием какой-то очередной суровени. Конечно, ребята записывались в студии впервые и слишком много на себя взяли: решили обойтись без продюсера, а оператора им подсунули, скажем, не самого лучшего. Я знал их давно, они играли жесткий рок, и многие их вещи мне очень нравились. Я надел наушники, и они два раза прокрутили мне свою «Смерть в 24 часа».

- Что ж, недурно, - важно заметил я, чуть кривя душой, - но, действительно, пустовато. Попробуйте пустить в качестве фона 12-струнный акустик и сделать бэкинг-вокал чуть громче.

Джанки слегка удивился и, прикусив губу и закатив глаза к потолку, стал расхаживать из угла в угол, судя по всему, представляя себе, как все это будет звучать.

- А что, - в конце концов сказал он, почесывая в бороде, - надо будет попробовать, а?

- Ну-ну, только не сейчас, - ответил я весьма покровительственным голосом. - Ваше время, господа, истекло. По расписанию я должен сидеть здесь с десяти и писать свой новый сингл. Вы уж не обессудьте, но я вас выгоняю. Потерпите до завтра. Если понадобится, звоните.

Мы распрощались. Я закурил и стал ждать Кевина - басиста «Аэрозоля» и моего сопродюсера, который клятвенно обещал сегодня быть вовремя и привезти с собой какого-то супербарабанщика и двух юных и, судя по его словам, весьма прытких особ, которые, кроме всего прочего, делают хороший бэкграунд вокал.

Кевин, тем не менее, опаздывал. Я настроил свой акустик и для начала стал писать простенькую, но миленькую балладку «Она не знает, что такое сны». Одди, мой оператор, знал свое дело отлично, мы работали с ним уже третий год, а кроме того, он съел на этом собаку, записывая «Анестезию» и «Россиян», так что дело пошло у нас быстро, и основной трек был готов минут через двадцать. Потом мы наложили еще два акустика и занялись голосом. Здесь все дело затормозилось. Мне пришлось подняться в буфет, выпить пива, а потом минут пять орать рок-н-роллы. После этого все стало на свои места, оба вокальных трека удались, мы с Одди перемикшировали все пять дорожек и остались довольны результатом.

Тут подтянулся Кевин вместе с упомянутым барабанщиком, но без девочек. От обоих явно пахло джином. Прослушав готовую запись, Кевин начал убеждать меня в том, что на все это занудство сию же минуту необходимо наложить бас, барабаны, а лучше всего - симфонический оркестр.

- А иди-ка ты в задницу, - возмутился я, - никаких басов и ударных, а если хочешь смычки, то валяй, но только за свой счет!

- Ну ладно, не горячись, - обиделся тот, - давай-ка лучше писать вторую феню.

- Ха, давай писать! А ты приехал пораньше, чтобы отрепетировать ее как следует, а ты помнишь, в какой тональности она играет? Феня! Да ты, поди, забыл, как она называется!

- Ты чего? - удивился тот, - сейчас раза три прогоним, да на третий и запишем. Вот этот чувак, - показал он на разглядывающего мой новый «Премьер» ударника, - сейчас тебе такое слабаит. Кстати, его Флиндером

зовут. Ну ладно, распиши-ка лучше гармонию.

Я написал этому мерзавцу цифровку мрачного, но кайфового рок-н-ролла «Марина мне сказала» и стал настраивать свой «Лес Пол», а заодно и кевиновский «Пресижн бас», поскольку он вместе с Флиндером пошел наверх пить кофе, причем, скорее всего, с коньяком.

Однако, вернулись они довольно скоро и даже принесли мне большую четвертную и 50 граммов армянского «5 звездочек».

Тут мы, естественно, закурили, и начался пространный разговор из той серии разговоров, которые могут часами течь сами по себе, в то время, как рядом стоит дело, причем важное и не терпящее отлагательства.

Наконец, я заставил их сесть за инструменты. Одди настроил все уровни, тембры и микрофоны и, вместо того, чтобы писать «Марину», мы начали джем в ми-миноре.

Барабанщик был и впрямь кайфов. Нужно было видеть, как посередине бешеной дроби он вдруг устремлял взгляд на тарелку, и глаза его говорили: «Прости меня, моя маленькая, я так люблю тебя, но сейчас мне придется тебя ударить. Извини, но это нужно. Ты зазвучишь у меня, как хрустальная ваза в руках прекрасной продавщицы ДЛТ, но, поверь, ты прекрасней!» И он бил по этой тарелке как раз в то мгновение, когда не ударить по ней было уже ну никак нельзя. А что он делал с бочкой!

Кевин гнал мне крутую басовую телегу, а его «Пресижн» ревел, как идущий на посадку ИЛ-62.

Наконец, минут через пятнадцать джем кончился, точнее, кончил его я, взяв ни в какие ворота не лезущий си-бемоль-ма-жор, да еще протянув его, для пущей убедительности, педалью. Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Флиндер вытер потные руки о джинсы и опять закурил.

В конце концов, мы - таки принялись за «Марину». Репетировать ее пришлось довольно долго, потому что Кевин постоянно стремился сыграть свой любимый басовый рифф, а здесь нужно было что-то другое, хотя, что именно, я и сам представлял себе не вполне отчетливо. К тому же Флиндер хотел во чтобы то ни стало показать всю свою технику, и мне стоило большого труда убедить его в том, что здесь нужно играть совсем просто.

В результате, вещь была готова где-то часа через полтора. Одди в последний раз проверил все уровни, я отсчитал: раз-два, раз-два-три-четыре, и мы поехали. Основной трек с барабанами, басом и ритм гитарой мы записали быстро, затем мы с Кевином наложили на него два голоса, которые, как ни странно, получились безукоризненными с первого раза. Кевин наиграл очень красивое гитарное соло, а я, плюнув на все на свете, записал-таки его любимый рок-н-рольный ход, правда, не на басу, а на

гитаре, и он оказался неожиданно уместен.

Под конец мы попробовали всадить туда еще и электрофоно с перкуссией, но это было уже тяжеловато.

Тут приехали обещанные прыткие девочки, Кевин с Флиндером быстренько откланялись, и они все вместе поскакали на второе отделение концерта «Стронция-90» в «Юбилейный».

Мы с Одди потратили еще час на микширование, и вот, к десяти вечера работа была закончена. Прямо из студии я позвонил знакомым фотографам и попросил сделать для обложки что-нибудь этакое. Они обещали попробовать. Мы с Одди выпили еще по чашечке кофе, и он поехал домой.

Я решил заехать в кабак. Сегодня «У Квака» - в ресторане Союза рок-музыкантов собрались почти все наши, да и Зу вчера звал меня отметить выпуск своего нового сольника.

В кабаке было тепло, темно и уютно. За стойкой сидел Рэтс со своими Котятами и каждому входящему демонстрировал последний «Диск Ньюс» с их синглом на 186-м месте. В конце большого зала мерцал аппарат, а уже изрядно накиравшийся Гук, Антоша и Агнус немилосердно терзали его, играя то, что им самим, видимо, казалось блюзом.

Все шло своим чередом: Годовский обхаживал очередную Даму, не вполне трезвая Рита вылезла на сцену и стала пытаться петь блюз вместе с Антошей, а Рикс лез из кожи вон, пытаясь переманить к себе Александра, лидер-гитариста «Квинтэссенции». Александр не без удовольствия попивал дармовой арманьяк, закусывал бутербродами с икрой и вел себя так, что было предельно ясно, что переманиться он не переманится, но выпьет за счет Рикса еще немало.

Кевина с Флиндером, разумеется, не было, зато за столиком в углу приютились мои друзья из «Стронция-90»; они только что приехали после концерта и сейчас ужинали, не успев даже снять грим. За одним столиком с ними сидел и Зу. мой старый приятель, с которым мы когда-то играли в одном составе, потом наша группа развалилась, и мы с ним начали свои сольные карьеры. В последнее время дела у него шли не очень удачно: ему приходилось играть в первых, даже во вторых отделениях перед всякими «Кредо» и «Орнаментами», но последний его сольник был очень хорош, и похоже, что «Мелодия» собиралась отправить его на гастроли по Венгрии и Франции.

Зу создал себе довольно зловещий имидж. Вот и сейчас он. мрачно созерцая Рэтса и Ко и попивая свой джин с вермутом, излагал что-то юному корреспонденту «Ровесника», а светящиеся тени вокруг глаз делали

его очень похожим на собаку Баскервилей.

Я подсел к ним за столик. Зу, таинственно подмигнув, бросился мне на шею и принялся обнимать и целовать меня несколько нежнее, чем это принято между особами мужского пола. Я слегка подыграл ему, и мы сделали для бедного корреспондента недурное шоу. Тот не знал, куда девать глаза, и вскоре ретировался в сторону Рэтса, который только этого и ждал.

- Фу, - устало вздохнул Зу, - уже полчаса гоню ему жуткие телеги, а он не врубается и принимает все за чистую монету. Страшный тип. Спасибо тебе, выручил.

- Как концерт? - спросил я у Дениса, вокалиста «Строиция».

- Да, концерт... А, концерт? Хорошо прошел. То есть, конечно, ничего хорошего, но зато почти без лажи. Да нет, ничего. Довольно бодренько отыграли. А ты, собственно, мог бы и сам прийти. Тебя, кажется, звали.

- Черта с два я мог. Писал новый хит-сингл. Сингл уже, можно сказать, есть. Осталось только ему стать хитом. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. А какие у нас сегодня планы?

- О, господи, - застонал Зу, - это уж слишком! Этот парень говорит точь-в-точь, как тот корреспондент. «А какие у вас планы? А что вошло в концепцию обложки вашего последнего альбома?» Ты бы еще спросил, что я хотел сказать песней «Завтра меня здесь уже не будет»?

- А что вы хотели сказать песней «Завтра меня здесь уже не будет»? - поинтересовался я, поднося воображаемый микрофон к ярко накрашенным губам Зу.

- Песней «Завтра меня здесь уже не будет» я хотел сказать, что завтра я еду отдыхать в Зеленогорск и вернусь только послезавтра, - важно изрек Зу, приняв соответствующую позу и изобразив на лице подобающую мину.- Давай-ка лучше треснем рому.

- Вот именно, - обрадовался Денис, - даже у тебя, Зу, иногда бывают проблески мысли.

- О, черт, - спохватился я, - через сорок минут меня ждут на Петроградской. Парни с телевидения вознамерились снять мое получасовое шоу. Мне еще полночи предстоит бегать, прыгать, корчить рожи и вообще вовсю развлекать весь телецентр.

- А ты будешь играть живьем или под фонограмму? - поинтересовался Зу.

- А с кем ты мне прикажешь играть живьем? Конечно, придется открывать рот. Правда, я подготовил новую, оригинальную запись: четыре номера с последнего альбома, два совсем новых, которые на пластинку, наверное, вообще не войдут, и один старый хит. Все в новом исполнении. А

потом они собирались брать у меня интервью.

- Бедный мальчик, у него будут брать интервью, - сочувственно вздохнул Денис, - возьми с собой Зу, он на эти дела мастер. Он там такого наговорит!

- Нет уж, без меня! - возмутился Зу.- На сегодня с меня хватит. А, кстати, рот открывать - это тоже не так плохо. Резвее будешь прыгать.

- Не люблю я это дело. Ну, да ладно, ничего не попишешь. Счастливо, чувачки! А тебе, Зу, специальное пожелание - удачно съездить в Зеленогорск. Вот тебе название для нового хита: «Послезавтра я опять буду здесь», а можно еще добавить в скобках: «И тогда вы у меня попляшете».

- Попляшете рок-н-ролл, - добавил Зу. - Мерси за идею. Не забудь зарегистрировать авторские права. До встречи. Я раскланялся со всеми и, проскочив с помощью швейцара сквозь, как всегда, дежурившую у входа толпу, плюхнулся в «Роллс-Ройс». По «Маяку» передавали мой «Блюз одинокого утра». Это было приятно.

Галина Флорентьевна Науменко

О СЫНЕ

Прожить на свете только тридцать шесть лет и уйти так внезапно и неожиданно! Это ведь так горестно, безжалостно и несправедливо! Для многих это всего лишь первая половина жизни. Во всяком случае большинство наших родственников доживало до старости. Вот и мы, родители, уже перешагнули семидесятилетний рубеж, а его дедушка и бабушка прожили больше восьмидесяти. Законы наследственности сулили ему долгую жизнь и неплохое здоровье, но судьба распорядилась иначе.

Прожитые им тридцать шесть лет очень четко делятся на два равных периода: восемнадцать плюс восемнадцать. Совершенно очевидно, что с годами человек меняется, и эти изменения не всегда последовательны, закономерны и предсказуемы. Но то, как со временем изменился наш сын, даже вообразить было невозможно. Как будто до восемнадцати мы знали одного человека, а после восемнадцати встретили другого. В нем изменилось все: характер, интересы, увлечения, взгляды, занятия. И я, право, не знаю другого человека, с которым произошла бы такая метаморфоза.

Я часто в шутку говорила, что «Beatles» отняли у меня сына, и что рок-музыка - это наш рок. Увы, эти слова оказались пророческими. Действительно, Рок - это не только рок-музыка, но и образ жизни. И я к этому заключению пришла самостоятельно.

Что сказать о первой половине жизни нашего сына, о его детстве и юности, когда он еще не занимался музыкой и еще не был Майком?

Я долго и пристально всматриваюсь в его ранние фотографии (какое счастье, что мы его много фотографировали!), перечитываю старые письма, рассматриваю его детские рисунки и вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю...

Вот передо мной милый, ласковый, смешной малыш; вот смущенный симпатичный подросток, а вот уже приятный интеллигентный юноша. Как это все было давно и как недавно.

Миша родился весной, 18 апреля 1955 года. В семье это был второй ребенок, и появление мальчика обрадовало, особенно, конечно, отца. Только строгая семилетняя сестренка беспокоилась, чтобы братик не оказался рыжим («Мама, только не бери рыжего», - говорила она мне.) и не был плаксой.

Он рос в семье коренных ленинградцев и был по линии матери петербуржцем уже четвертого поколения, что встречается не так уж часто. Он этим очень гордился, часто называл Ленинград Петербургом или Питером еще задолго до переименования нашего города, когда об этом не было даже и речи. На конвертах, на месте обратного адреса он часто писал St. Петербург.

Мы, его родители - интеллигенция среднего уровня и среднего достатка. Отец - преподаватель технического ВУЗа, доцент; я - библиотечный работник. Главой семьи, главным воспитателем да и авторитетом была бабушка. Бабушка не имела высшего образования, но она родилась и выросла в Петербурге, окончила гимназию, знала несколько языков, в юности дружила с университетской молодежью, всегда много читала. Поэтому она была весьма культурным и образованным человеком. А главное - она любила детей, понимала их и всегда находила с ними общий язык. Бабушка, несомненно, сыграла большую роль в жизни Миши, они очень дружили и любили друг друга. Можно привести много примеров этой большой и нежной дружбы. Сейчас мне почему-то вспомнился вечер, когда они вдвоем слушали пластинку с записью рок-оперы «Иисус Христос - Суперзвезда». Миша принес эту пластинку специально для бабушки, торжественно усадил ее в кресло и по ходу действия тихонечко переводил ей текст. Бабушка слушала с необычайным вниманием и интересом, иногда задавала вопросы и что-то поясняла сама. Они были так увлечены оперой и друг другом, что не слышали, как я вошла и приблизилась к ним. Нужно было видеть их лица! Мне даже показалось, что мое появление было как-то некстати.

Бабушка умерла, когда ей было восемьдесят пять лет, а Мише - двадцать три года. Так что большую часть жизни его окружала неустанная забота и ласка. Миша вспоминал о бабушке всегда с неизменной любовью, нежностью и благодарностью, очень любил, когда она ему снилась, много рассказывал о ней своей жене Наташе.

Во времена моего детства и юности у нас было много родственников и родственные связи были крепки, надежны и играли большую роль в нашей жизни. В круг наиболее близких и дорогих для меня родственников входило примерно 25 человек. Это только те, с кем контакт был постоянным и осязаемым. Я хорошо помню, какую большую заботу и внимание проявляли ко мне мои тетки (мамины сестры) и их мужья, как близки были мне мои двоюродные сестры, как по-родственному заботливы, нежны и внимательны были мои крестные отец и мать, какими многочисленными и веселыми были семейные праздники. Я очень любила

своих родных, очень им благодарна и признательна и даже представить не могу без них своего детства.

Ко времени рождения Миши родня наша заметно поубавилась и родственные связи были уже не столь тесны. Однако еще живы были наши родители, т.е. Мишины бабушки и дедушки, мои дяди и тети, мои двоюродные сестры, появилась новая поросль, но главным связующим звеном была, конечно, наша бабушка. Она чтит и уважала родственников, навещала их и принимала у нас. Постоянным ее спутником в походах к родне был, конечно, общий любимец маленький Мишутка. Все родственные связи поддерживались главным образом старым и малым.

В последние годы эти связи как-то ослабли, а во многих случаях и оборвались. Став взрослым, Миша уже не ходил в гости к родственникам и не поддерживал контакты с ними. Но детские воспоминания о родных людях, о том, как все его любили, как дарили ему подарки, как хорошо бывало в гостях и как было славно, когда гости приходили к нам, были в нем очень живы. Он любил вспоминать свои детские годы и всех тех, кто его в те годы окружал, кому он был близок и дорог. И я всегда очень радовалась, с какой теплотой и благодарностью вспоминал он уже большую часть ушедших от нас родных людей.

В детстве Миша очень любил отца, который уделял ему много внимания, интересовался его развитием, серьезно занимался его воспитанием. Миша долго и искренне верил, что его папа обладает чудесным даром доставать по-волшебному разные вещи: конфеты, яблоки, карандаши, игрушки и т.п., а также видеть на расстоянии и знать, как он себя ведет. «Папа, сделай мне по-волшебному яблок» - просил Миша. И яблоко появлялось. «Мой папа - настоящий волшебник, - говорил он, - потому что, если я хочу сладкое яблоко, то он достает мне сладкое, если кислое, то - кислое». Желаемое было большею частью в пределах достижимого, поэтому фокусы удавались. Для успеха волшебных дел создавался некоторый специальный тайный запас. Сохранилось первое Мишино письмо - послание отцу, написанное им в пятилетнем возрасте печатными буквами. Воспроизвожу его дословно и точно: «Дорогой спасательный папочка хорошо что ты спасаешь меня потому что хорошо мне. Миша».

По-моему, это настоящее объяснение в любви пятилетнего ребенка.

Когда Мише было 6-7 лет, отец полтора года находился в командировке во Вьетнаме, и Мишка очень скучал по своему доброму спасателю и волшебнику. Он собственноручно повесил фотографию папы над своим столиком, а однажды, услышав, как мы с бабушкой говорили о том, что нужно вычистить, проветрить и убрать пальто, Миша заявил: «Только не проветривайте и не убирайте папины пальто. Я их нюхаю». Мы очень удивились и спросили, зачем он это делает. Он ответил: «Когда мне скучно или плохо, я встаю под вешалку, забираюсь в папины пальто и нюхаю их. Пальто пахнут папой, и мне становится хорошо».

Одно время он был ужасным чистюлей. В воспитательных целях отец рассказал ему о микробах и даже показал их под микроскопом. Микробы

произвели на него такое впечатление, что он стал мыть руки, лицо и даже ноги по двадцать раз в день, когда надо и не надо. Он был еще маленький, абсолютно самостоятельно этого делать не мог, и приходилось каждый раз ему в чем-то помогать. Сначала мы радовались этой повышенной аккуратности, но потом бесконечные омовения, особенно когда они бывали некстати, даже раздражали и сердили. Однако Мишка не сдавался и в своей борьбе с микробами проявлял редкостное рвение и настойчивость. Отец в этой борьбе с микробами и с нами, женщинами, был, конечно, на стороне сына.

В общем, папа и маленький сынишка жили душа в душу, были очень привязаны друг к другу и много времени проводили вместе. Папа был самым-самым: самым умным, самым знающим, самым сильным. И мы очень смеялись над тем, как он был удивлен, когда я, прочитав по просьбе Василия Григорьевича его диссертацию, говорила ему о каких-то стилистических и орфографических погрешностях. Миша прислушался к нашему разговору, а потом спросил: «Мама, разве ты умнее папы и знаешь больше, чем он?» «Да нет, сынок», - ответила я. «Так почему же ты говоришь папе, что надо так, что здесь неправильно», - снова спросил он. Для него было величайшим откровением, что и на солнце бывают пятна.

Во время пребывания Василия Григорьевича во Вьетнаме, мы все регулярно писали ему письма. Миша в то время умел писать только печатными буквами, и это занимало много времени. Поэтому мы поступали таким образом: Миша брал лист бумаги, сам красиво писал на нем дату и обращение: «Дорогой папа!» Далее под его диктовку писала я. Когда он заканчивал, я прочитывала вслух написанное, и он собственноручно подписывал: «Твой сын Миша». При этом я писала все дословно, ничего не добавляя, не убавляя и не корректируя. В своем письме Василию Григорьевичу я писала: «Мишкино письмо писала я, но целиком под его диктовку. Все фразы воспроизведены точно, ни одно слово не прибавлено и не убавлено. Я ему только задала несколько (не более трех-четырех) вопросов. Он попросил меня прочитать, что получилось, и сказал: «Мама, ты гений». А я ему ответила: «Гений - это ты, а не я». Он был очень доволен».

У нас сохранились эти письма, милые, восхитительные, бесхитростные, но такие складные и содержательные. Их около двух десятков, и это не маленькие записочки, а именно письма с рисунками, стихами, смешными и трогательными подробностями его и нашего общего семейного житья-бытья 1961-1962 годов.

В письмах он признается, что не очень любит ходить в садик (а ходил

он туда всего каких-нибудь полгода) и с большим удовольствием остается дома, что ему не всегда нравятся музыкальные занятия, что он не всегда хорошо себя ведет и не очень ладит с сестрой, но всегда обещает исправиться и вести себя лучше. Но зато ему нравится читать ребятам вслух, быть дежурным, рисовать.

Мне кажется, что эти письма так милы и так хорошо характеризуют нашего обстоятельного, серьезного и самокритичного сынишку, что мне хочется привести хотя бы одно:

«12 ноября 1961 г. Дорогой папочка! Живу я хорошо. В детском саду у нас несколько наборов «Строитель». В одном только кубики и треугольники, а в другом есть башенки, колонки и дощечки. Строю я не очень хорошо, но постараюсь строить хорошо. В детском саду мы рисуем, но не очень часто. Мы рисовали, что видели на празднике. Я нарисовал демонстрацию, которую видел 7-го ноября. На демонстрацию мы ходили с мамой. Титова я не видел, но зато видел, как везли макет космического корабля «Вос-ток-2». Он был очень большой, и я, наверное, мог бы уместиться в его кабине.

У меня есть записная книжка, которую сделала мне Таня. В нее я записал всех наших ребят. У нас в группе 31 человек. Больше всех я дружу с Серпуниным Костей. Больше всего я люблю, когда мы рисуем на занятиях. А музыкальные занятия мне не так нравятся, как в прошлом году. Там очень трудно. Веду я себя не очень хорошо и иногда бываю наказан, но очень редко. Я могу даже вести себя так, что меня несколько дней ни разу не наказывают. Наказывают нас так: сажают у стены на стул или просто на пол. На полу сидеть мы даже любим. У нас в садике умер попугай. Когда я поправился после гриппа и пришел, то мне Костя Петров сказал, что умер попугай. Когда я пришел после болезни, то все мне так обрадовались, что чуть не повисли на шее. Я накопил уже больше ста спичечных этикеток, а марок я и не знаю сколько, но вообще тоже очень много. Мы получили третий том «Детской Энциклопедии». Там есть про ракеты, самолеты, корабли и машины. Иногда я с Таней дружу, а иногда нет. Например, сегодня мы немного поссорились. На этом кончаю. До свидания, папочка. Желаю тебе здоровья и передай привет Собакину. Твой сын Миша».

А вот его письмо из Ханоя в Ленинград бабушке и сестре:

«Дорогая бабушка и Танечка! Мы здоровы. Живем мы ничего. В воскресенье мы подались на лодке по озеру и причалили к островку с пагодой, которую я нарисовал вам в прошлом письме. На обратном пути мы объехали островок. Немножко погодя, я стал грести сам. Папа сказал, что я гребу хорошо. Я посылаю вам рисунок, как мы катались на лодке, и

веерную пальму. Сегодня, 1 мая, мы были на центральной площади Ханоя - Бадынь на митинге и видели Хошимина. На площадь мы приехали на «Москвиче». А вчера вечером мы видели хороший концерт на открытом воздухе. Там пели, танцевали, и играл оркестр. Мне больше всего понравилось, как барабанщик бил в барабан. Сегодня мы видели спортивные состязания мотогонщиков, велогонщиков и бегунов. Сегодня мы с папой здорово обманули маму. Мама пошла домой, а мы остались у озера посмотреть вело и мотогонки. Потом стал накрапывать дождь, и мы побежали домой. Когда мы бежали, то видели маму. Папа сказал мне: «Давай обгоним маму», и мы побежали по другой улице. Мама нас не заметила, и мы прибежали домой раньше ее. Дома мы открыли дверь, а ключ положили на место. Мы уселись с папой на кресла и умирали со смеху. Наконец, пришла мама, взяла ключ и начала открывать. Мама очень удивилась и сказала, что она ни за что не могла бы догадаться, что мы дома. На этом кончаю. Целую вас всех, желаю здоровья, а Тане успехов в учебе. Миша».

Сейчас эти письма невозможно читать без умиления, без улыбки и слез одновременно. Еще и еще раз убеждаешься, какой это был хороший и интересный мальчишка.

Мне так хотелось когда-нибудь перечитать все эти смешные послания вместе с Мишей, но так и не пришлось. Ведь для этого нужно время, расположение, настроение. Но все было как-то не собраться, то мешало одно, то другое. А откладывать в долгий ящик, оказывается, ничего нельзя. Можно и опоздать...

Мишины письма и рисунки хранятся у нас уже тридцать лет, и они ценны не только как память о нем, но и как свидетельства определенного периода жизни. Может быть, они будут интересны его сыну Жене.

Миша очень рано научился читать. Причем, произошло это как-то само собой, без каких-либо усилий и наших желаний. Просто он видел, что в доме и даже в транспорте все читают, ему захотелось не только слушать, как читают, да еще и просить кого-то почитать, но делать это самостоятельно, независимо. Сначала он брал книгу или газету и долго сидел молча, делая вид, что читает. Затем постепенно узнавал и запоминал отдельные буквы и очень быстро перешел к чтению слов и отдельных фраз. В три года он знал много букв и читал отдельные слова, в четыре - мог читать свои детские книги, а в пять лет читал свободно любой текст.

Многие удивлялись, что такой малыш так хорошо читает, и думали, что он просто знает текст наизусть. Но он с честью выдерживал любую проверку, четко, с выражением читая взрослый журнал, газету, книгу. В

детском саду, куда он стал ходить в шесть лет, он был по поручению воспитательницы постоянным чтецом. Ребята слушали его с удовольствием, а воспитательница имела время для других дел или для отдыха. Также самостоятельно и незаметно для нас он научился писать печатными буквами. В шесть-семь лет он умел пользоваться словарями, и его любимыми книгами стали тома «Детской Энциклопедии».

Пользоваться словарями научила его я. Мишка задавал слишком много вопросов и подчас таких, на которые было трудно ответить. Чтобы не ронять свой родительский авторитет, я решила почаще отсыпать его к справочным изданиям. Сначала мы разыскивали нужное понятие вместе и вместе прочитывали определение, а потом он стал делать это самостоятельно. С большим восторгом он освоил алфавит и технику поиска и сразу понял, как интересно и полезно читать словари и энциклопедии. Не нужно ни от кого зависеть, не нужно ни к кому приставать с переполняющими тебя вопросами: ответ на многие можно найти самому. И теперь он уже обращался ко мне не с вопросом: «Мама, а что такое алмаз?», а с вопросом: «Мама, а ты знаешь, что алмаз - это..» Это было, конечно, совершенно замечательно и для нас, и для него.

Любовь и уважение к различного рода справочным изданиям сохранились у Миши на всю жизнь.

У нас всегда было много детских книг. Часть осталась еще от очень аккуратной сестры, много покупалось и дарилось, много приносилось из библиотек.

В детстве Миша очень любил «Почемучку» Б. Житкова; позже его любимой книгой стала «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома; конечно, увлекался он Конан Дойлем и другой детективной литературой; как и все мальчики, с интересом и упоением читал фантастику.

Нужно сказать, что Миша, как никто в нашей семье, любил и понимал юмор. «Трое в лодке...» он читал много раз и мог перечитывать бесконечно, каждый раз восхищаясь и смеясь. Любил также «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца». Уже позже с большим восторгом читал и перечитывал тогда еще самиздатовскую книгу В. Ерофеева «Москва-Петушки». Отдельные, наиболее понравившиеся ему выдержки из этого произведения он читал мне вслух и от души смеялся.

Когда он учился в 9-м классе, то он должен был писать домашнее конкурсное сочинение. Несколько тем было предложено школой, но можно было писать и на любую другую. Миша все официально предложенные темы отверг и решил писать о своем любимом Конан Дойле, тем более, что

мы только что получили его шеститомник, и он многие произведения перечитал. Я опасалась, что эта тема может несколько шокировать учителей, особенно районную конкурсную комиссию, советовала подумать и взять что-нибудь другое. Однако он заупрямился и настоял на своем. Сочинение было написано интересно, получило отличную оценку и даже премию. Миша был очень доволен собой, да и мне на этот раз понравилась его самостоятельность и настойчивость.

Этот, казалось бы, незначительный факт дает некоторое представление о его характере. С ранних лет он ненавидел всякую показуху и неискренность, как умел противостоял официозу и имел на многое свой взгляд. В те годы это отнюдь не приветствовалось ни школой, ни нами, родителями, и я частенько пыталась сглаживать острые углы.

Я не знаю, когда и как он стал писать стихи для своих песен. Он нам их не показывал, хотя к этой стороне его творчества мы проявляли некоторый интерес. Его отец хорошо знает и любит поэзию и даже сам в молодости, как говорят, грешил стихами. Поэтому он всегда хотел почитать тексты Мишиных песен, возможно, помочь ему и исправить некоторые погрешности и шероховатости размера или рифмы. Миша отвергал всякую редакцию, считая, что мы не понимаем законов и особенностей рок-н-рольного жанра. Однако, это уже другой период его жизни. В детстве и юности, мне казалось, он стихов не писал. Но вот перечитывая наши вьетнамские письма, я совершенно случайно наткнулась на следы «поэтического творчества». В одном из своих писем отцу он сообщает, что сочинил стихотворение и просит написать, хорошо ли у него получилось. Вот это стихотворение:

Туча
Летит туча на восток -Путь
ни близок, ни далек.
Верст сто пролетит она И
без дрема и без сна.
Прилетела на восток, Там
ни капельки воды –
Поработай-ка хоть ты.
Туча поработала, Землю
полила, А потом к себе
домой Туча уплыла.

Здесь же он сообщает, что сочинил это стихотворение за один день и признается, что одно слово ему подсказала бабушка. Пишет также, что есть и продолжение, но оно ему не очень нравится, да и бабушка посоветовала на этом лучше закончить.

Оказывается, было еще и другое стихотворение, посвященное Чапаеву:

Ночью меж уральских гор Кто-то
вдруг развел костер. При свете
Луны блеснули штыки. Белые
скачут. Чапаев! Не спи!

Наверное, мы отнеслись к этим стихотворным попыткам весьма скептически, совершенно не помнили о них. Думаю, что забыл о них и сам автор и теперь бы не признался.

Наш отец всегда проявлял большой интерес к английскому языку и очень хотел, чтобы дети хорошо его знали. Как только открылись так называемые английские школы, мы определили туда Таню, и она занималась языком очень успешно. Когда подрост Мишутка, то в такую же школу пошел и он. У Тани было много интересных и красочных английских книг, которые она читала сама, а частенько и маленькому брату. Поэтому Миша с раннего возраста любил английские книги и очень хотел научиться их читать.

Первым преподавателем языка фактически был отец. Во время летнего отдыха на Черном море Миша в буквальном смысле шутя и играя под руководством папы проштудировал учебник английского языка. Так что в школу он пошел, уже зная алфавит, много слов, умея читать и рассказывать стихотворения.

В школе английский был поставлен очень хорошо. К языку Миша оказался весьма способным и осваивал его с удовольствием, не испытывая никаких трудностей. Закончив школу, Миша знал язык довольно свободно и вполне мог бы поступить на филологический факультет университета, однако он такого желания не проявил. Но он много читал оригинальной английской и американской литературы, активизировал разговорный язык, занимался переводами. К сожалению, переводы он делал только для себя и для своих друзей в одном или двух-трех экземплярах, совершенно не заботясь о том, чтобы их напечатать. И это так в его характере! Друзья прочитали - и ладненько! И только уже в самое последнее время он начал переводить по заказу издательства роман -фантастику Рассела «Ближайший

родственник». Он приступил к работе с большим желанием и интересом, но довести ее до конца не успел. Закончила этот перевод уже сестра. Роман сдан в печать и увидит свет, только вот переводчик порадоваться своей первой печатной работе уже не сможет.

Владение языком было настолько свободным и активным, что он любил на английском писать письма. Он часто так переписывался с приятелем Александром Донских, который тоже хорошо знает язык.

Углубление и расширение знания языка было у Миши всегда связано с его увлечениями. Интерес к авиации и космонавтике в школьные годы привел к активному чтению и усвоению терминологии в этих дисциплинах. Пришедшее на смену увлечение рок-музыкой сосредоточило все его внимание на английской и американской литературе по этому вопросу, тем более, что отечественной литературы о роке почти нет, а в 70-80-е годы вообще не было. Он прочитал, перевел, законспектировал такое большое количество литературы, что был уже авторитетным специалистом по теории и истории рок-музыки и, как он сам говорил, мог бы читать по этой теме лекции и даже на английском языке.

Я очень огорчилась, что Миша не хотел заниматься спортом. Я бы даже сказала, что он был каким-то антиспортивным ребенком. Мы много раз пытались записать его в какую-нибудь спортивную секцию Дворца пионеров, благо мы жили недалеко, долго обсуждали в какую именно. Но он каждый раз ловко увиливал от наших благих намерений и весьма успешно отлынивал даже от уроков физкультуры, хотя его здоровье и физическое развитие этому ничуть не мешали. Думаю, что ему где-то претило коллективное начало спорта, команды и свистки, соревнования, регулярные тренировки. По своему складу и характеру он был, пожалуй, все-таки индивидуалистом и очень не любил подневольные, кем-то контролируемые занятия; не выносил команд и приказаний, ему было совершенно чуждо соперничество даже в положительном смысле. Эти черты его характера не утратились с годами и, думаю, в чем-то мешали впоследствии его музыкальной карьере.

Вероятно, именно в силу этих особенностей его характера, он не пришел в восторг от «Артека», куда нам удалось его отправить. Он тогда учился в шестом классе, я надеялась, что в «Артеке» он окрепнет, приобщится к спорту и пионерской работе и получит массу удовольствий. Ничего этого не произошло; праздник не состоялся. Все прошло как-то буднично и не оставило заметного следа. Хотя для большинства детей «Артек» остался ярчайшим впечатлением на всю жизнь. Может быть, Мише не повезло, но думаю, что ему надоели побудка, зарядка, строй и

прочая обязаловка.

Зато с ранних лет он очень любил рисовать и рисовал весьма неплохо. Нужно заметить, что это у нас наследственное. Хорошо рисовали его дед, отец, а сестра специально училась рисованию и окончила архитектурный факультет. Занятия рисованием всегда в доме поощрялись, покупались карандаши, краски, альбомы. Отец сохранил много детских рисунков Миши и Тани. Танины рисунки, конечно, техничнее, завершённое, совершеннее по тематике. Но и рисунки Миши достаточно красочны и интересны. Впечатляют яркие изображения космического и подводного миров. Это целые законченные картины-фантазии. В 6 лет он уже хорошо представлял себе космическое пространство и планеты. На картинках он изображал планеты - Сатурн, Марс, Землю. Но главное, конечно, - летящие спутники и ракеты. На многих рисунках - самолеты, автомобили, корабли, подводные лодки. А вот и парад на Красной площади и, конечно, Ленин на броневике. Как же без этого?

Отец сохранил даже самые первые рисунки Миши: натюрморт «Стол с утюгом и платочком» (2 года 9 мес), «Кораблик и дерево» (3 года), «Портрет лежащего папы» (4 года), натюрморт «Бутылка и кружка» (5 лет). Очень симпатичны зарисовки с натуры, сделанные им во Вьетнаме. Папа подарил ему блокнот, который он всегда носил с собой и заполнял рисунками. На первой странице сделана зарисовка главной достопримечательности Ханоя - пагоды с мостиком; есть там пейзажи, сценка из вьетнамской жизни, интерьеры нашего ханойского особняка, отдельные предметы и другое. Все хорошо узнаваемо и очень забавно.

Нельзя, конечно, сказать, что рисунки Миши - это рисунки будущего художника. Но определенные способности к рисованию у мальчика, несомненно, были. При желании и настойчивости с его и нашей стороны эти способности могли получить значительное развитие. Но главное здесь в том, что благодаря рисованию он учился всматриваться в окружающий мир, видеть его краски, чувствовать многомерность, объемность, пропорции.

В старших классах он довольно успешно занимался в кружке технического дизайна во Дворце пионеров, интересуясь главным образом художественным конструированием самолетов. И мы мечтали о том, чтобы наш сын стал архитектором или авиаконструктором. Мне казалось, что у него для этого были все данные.

Как бы то ни было, но именно благодаря рисованию, он всегда хорошо, со вкусом оформлял свои альбомы, коллекции, каталоги и позже даже принимал участие в оформлении своих пластинок. Так что никакие

полезные навыки, приобретенные в детстве, не пропадают даром.

А вот к музыке лет до пятнадцати Миша был совершенно равнодушен. Одно время мы хотели купить пианино и дать детям хотя бы азы музыкального воспитания. Но ни тот, ни другой не проявили к этому ни малейшего интереса и заниматься музыкой не желали. Учить их из-под палки не захотели мы, т.к. не видели у них никаких музыкальных способностей. Впоследствии они оба жалели об этом и упрекали нас за то, что не заставили.

Миша в детстве никогда не пел, не участвовал в художественной самодеятельности и вообще терпеть не мог никаких публичных выступлений перед гостями или в школе. Зная это, я никогда не заставляла его читать стихи перед гостями, хотя читал он неплохо. Он был скорее стеснительным и несколько зажатым, чем раскованным и свободным. Поэтому мне и сейчас трудно понять, как у него появились смелость и желание выходить на эстраду, выступать в больших залах перед огромной аудиторией.

Магнитофон и гитару мы купили ему, наверное, только к шестнадцатилетию, т.е. в 1971 году, когда вся молодежь этим увлекалась. И, признаюсь, сделали это не столько для его музыкального развития, сколько для того, чтобы дольше удерживать его дома, на глазах; лучше пусть друзья-приятели чаще приходят к нам, чем он к ним.

Свою первую гитару, очень недорогую и, вероятно, не очень хорошую, он любил нежно и преданно. Но прожила она у нас недолго. Случилось так, что Миша чем-то очень рассердил отца (что случалось крайне редко), и тот в сердцах бросил гитару об пол и разбил ее. Мы не помним, из-за чего произошел этот инцидент, но хорошо помним, как трагично переживал его Миша. Он отнесся к гибели своей гитары, как к гибели живого существа, переживал это очень долго и не мог простить отцу этого поступка. Наверное, это была первая большая и длительная размолвка с отцом. Сыну купили новую гитару, но успокоить его и привести в равновесие удалось не скоро.

Играть на гитаре он учился совершенно самостоятельно, хотя, возможно, на первых порах ему помогал и показывал основные приемы кто-нибудь из знакомых ребят. Причем он проявлял в этом свойственные ему терпение, прилежание и настойчивость. Он долго не знал нотной грамоты, но всегда отказывался пойти в музыкальную школу или брать частные уроки; он почему-то считал это совершенно ненужным и даже вредным. А по чему - я так и не поняла.

В одной из своих статей Коля Васин назвал Мишу «музыкантом с

ограниченными возможностями». Наверное, это правильно, профессиональной подготовки в какой-то мере ему не доставало. Тем не менее, нужно отдать ему должное: при своих, в общем-то скромных, вокальных возможностях он сумел достичь немало.

Как и все дети, особенно мальчики, Миша прошел через много разных увлечений - коллекционировал спичечные этикетки, марки и какие-то значки, отдал дань шпиономании, увлекался космосом и космонавтикой, долго и страстно любил самолеты. Увлечение авиацией было, пожалуй, самым большим и длительным, в чем мы его всячески поощряли: покупали и приносили из библиотеки книги и журналы, приобретали авиаконструкторы, ездили в аэропорт и т.п. Сам Миша постоянно что-то читал, переводил, выписывал, клеил и мастерил. Он сделал несколько хорошо и любовно оформленных альбомов, посвященных советским и иностранным самолетам. К сожалению, это увлечение, поначалу серьезное и основательное, постепенно приобрело коллекционный характер (например, собрать данные о всех видах самолетов) и не получило развития. А я уже готовила себя к тому, что мне придется на какое-то время расстаться с сыном, т.к. авиационные институты были только в Москве и Киеве.

Миша хорошо учился в школе, класса до шестого у него вообще были одни пятерки, кроме пения. В детстве он никогда не пел и уроки пения не уважал. Когда стал старше, то учился «не унижаясь до троек» (по его выражению), но и не напрягаясь для получения пятерок. Класс, в котором учился Миша, был очень сильным по своему составу, но на отлично учились в основном девочки - мальчики считали это ниже своего достоинства. В их числе был и Миша.

По всем предметам он учился ровно, не проявляя заметного интереса ни к гуманитарным, ни к точным наукам. Но как-то само собой разумелось, что после окончания школы он пойдет в технический вуз. В связи с этим дня подготовки к поступлению в институт мы решили после восьмого класса перевести Мишу в специализированную математическую школу. Туда его с удовольствием брали, сам он не сопротивлялся, хотя и особых восторгов не проявлял. Однако директор английской школы и заведующий РОНО перевод не разрешили. Объяснялось это тем, что на обучение в английской школе на каждого ученика затрачиваются очень большие средства. Директор школы к этому добавил: «Хорошие ученики нам и самим нужны».

Таким образом Миша закончил английскую школу, после которой поступил в Инженерно-строительный институт. Почему именно в ЛИСИ?

Потому что к этому времени ему было в сущности безразлично, куда поступать, какую приобретать специальность. Увлечение авиацией прошло, электроника и радиотехника его не интересовали, химию он не любил вовсе. Поэтому он пошел по проторенной всеми дорожке - в ЛИСИ. Там преподавал отец, архитектурный факультет окончила сестра, в далекой юности три года проучилась там и я.

Миша сдал вступительные экзамены вполне успешно, благополучно прошла и зимняя сессия. В общем, учебу в институте он начал хорошо и спокойно. Ему нравилась студенческая атмосфера, менее строгий, чем в школе, режим, стипендия. Но учился он просто по инерции, безо всякого интереса. С грехом пополам, с двумя академическими отпусками, под нашим нажимом и с уговорами он протянул четыре курса и бросил институт, когда ему оставалось учиться до окончания всего полтора года.

Мы были, конечно, крайне огорчены, даже как-то разочарованы в своем сыне и обижены на него. Добро бы он бросил этот институт ради перехода в другой. Тут мы бы его поняли, поддержали и помогли. Но он уходил, с нашей точки зрения, в никуда. Его музыкальные увлечения были нам не очень понятны, мы считали их просто временным хобби, для нас было важно, чтобы он получил надежную профессию. Эту позицию мы сохранили и все последующие годы, с тревогой и некоторым недоумением вглядываясь в нашего сына.

В день его тридцатилетия, поздравляя его, я сказала: «Прости меня, сын, за то, что я оказалась неумелой и недостаточно твердой матерью; я не сумела переломить тебя и заставить закончить институт». На это он мне ответил: «Спасибо тебе, мама, что ты не ломала меня, не заставляла заниматься тем, что мне совершенно не нужно и не усложняла мою жизнь». Да, первый шаг человек делает сам, а дальше его уже ведет судьба.

Одним из многих светлых и счастливых воспоминаний о сыне является наше с ним путешествие во Вьетнам, где находился в командировке муж. Мы ездили туда весной 1962 года, когда Мише только что исполнилось семь лет. Мы ехали поездом через Москву, потом почти десять дней до Пекина, а оттуда уже попали в Ханой. Я всегда признавала, что мой сын - отличный мальчишка: смелый, спокойный, рассудительный, контактный. Но как-то особо не задумывалась над этим и воспринимала как должное. В то время я очень много работала, и Миша был в основном на попечении бабушки и папы. А тут мы оказались с ним один на один на целых два месяца. Мы ехали в двухместном купе и общались практически только друг с другом. Большую часть времени мы оставались с ним вдвоем и в Ханое, т.к. муж был очень занят и не мог

уделять нам много времени. Таким образом, впервые за семь лет его жизни наше общение было столь близким и продолжительным. И, должна признаться, Мишка меня просто очаровал. За эти два месяца я по-настоящему узнала и почувствовала своего ребенка и просто влюбилась в него.

Господи, как много мы, матери, теряем в жизни, отдавая себя работе, учебе, общественным делам. Мы видим своих детей урывками, занимаемся ими мало и плохо, т.к. приходим домой, отдав работе и чужим людям все свои лучшие чувства. Я благодарна судьбе за эту поездку, за то, что сполна насладились обществом своего сына. И это не сегодняшнее мое впечатление, а именно переживание того времени. Его напомнило мне сохранившееся письмо к приятельнице: «Самое большое впечатление - это мой Мишка. Честное слово, я никогда не думала, что он такой мировой парень! Он был все время таким милым, внимательным, послушным и остроумным, что прямо покорила меня и растрогала. Оказывается, нужно проехать от Ленинграда до Пекина, чтобы узнать и прочувствовать собственного ребенка! Наверное, даже признаваться в этом не очень прилично».

Дорога в Ханой через Москву и всю Россию, мимо волшебного Байкала, экскурсии по Пекину, а также само пребывание в экзотическом Вьетнаме оставили у нас с Мишей неизгладимый след. Мы очень любили вспоминать это интереснейшее путешествие и такие счастливые и безмятежные дни нашей жизни.

Самым первым событием, оставившим след в памяти Миши, был, по его словам, переезд на новую квартиру. Это произошло в самом конце 1958 года, когда Мишутке было три с половиной года, но он уверял, что помнит, как это было, особенно, как мы вошли в еще пустые комнаты и как все радовались. Для всех нас это была большая радость - до этого мы впятером ютились в одной комнатухе. А тут получили две красивые просторные комнаты с огромным балконом. К тому же мы переехали в центральный район, где прошли мое детство и юность, где была Танина школа и моя Публичная библиотека.

Мы переезжали под самый Новый год, и все были счастливы безмерно. Квартира была коммунальной и имела немало недостатков, но тогда она всем нам казалась прекрасной. Нужно сказать, что весь период жизни на улице Жуковского был для нас всех самым счастливым. Мы, родители, были еще сравнительно молоды (мне было 36, а мужу едва перевалило за сорок), мы были здоровы, полны трудового энтузиазма и веры в светлое будущее. Еще совсем не старой была наша бабушка. Уже подросли и были

такими хорошими, умными и перспективными наши дети!

На улице Жуковского мы прожили 15 лет - до 1973 года, и Миша очень любил эту квартиру. А новую, на Варшавской, не полюбил, хотя она и была отдельная, и у него была своя комната. На Варшавской улице он прожил с нами семь лет, а в 1980-м году переехал к своей жене Наташе на Боровую.

Самым непостижимым поступком Миши, доставившим нам много тревог, волнений и переживаний, был его «побег» из дома, т.е. отъезд без разрешения и предупреждения, чего раньше никогда не случалось и даже невозможно было такое представить. Это случилось весной 1973 года, когда он учился на 1-м курсе института и ему уже исполнилось восемнадцать лет. В институте он учился вполне успешно, никаких отрицательных моментов в его поведении и настроении мы не замечали. Вроде бы все было в норме, как всегда, и вдруг он исчез. Я поняла, что он куда-то уехал буквально в тот же день, увидев опустевшую полку с его вещами. На другое утро в ящике его стола я нашла записку с просьбой не искать его и не беспокоиться. Через день мы получили по почте открытку от него с той же просьбой. И все! Его самого дома не было!

Я была в ужасе и отчаянии и даже сейчас не могу вспомнить эти события без волнения и слез. Конечно, сразу же начались поиски. Обзвонили всех известных нам школьных и институтских друзей и приятелей - никто ничего не знал - не ведал или скрывал, что знает. Наше обращение в милицию, как и следовало ожидать, ни к чему не привело. Там нам ответили просто и однозначно: «Заявление оставьте, но пока ничего предпринимать не будем. Зайдите через месяц. Увидите, через месяц явится сам...». Затем мы начали искать его школьного приятеля, с которым нам не удалось связаться сразу, т.к. тот переехал в новый район и не имел телефона. Узнав адрес через справочное бюро, мы поехали к нему домой. На этот раз мы попали в точку. Под нашим нажимом этот парень признался, что в вояж они собирались вместе, но он доехал только до Москвы и сразу же вернулся обратно. На наши расспросы относительно Миши он стал «темнить», говорил, что точно его маршрута не знает и в числе возможных городов посещения назвал Киев, Мурманск, Одессу, а также весь Крым. Мы сразу отправили письма до востребования во все эти города.

Впоследствии наши письма из Одессы, Мурманска и Москвы за невостребованием адресата вернулись к нам обратно и до сих пор лежали у мужа нераспечатанными. Мы только сейчас распечатали их и снова окунулись в море своих волнений и переживаний. Чтобы почувствовать и понять наше тогдашнее состояние, могу привести выдержку из письма, посланного в Одессу:

«Миша! Все 18 лет мы тебя знали как спокойного, разумного и дисциплинированного человека. Никаких неприятностей ты нам до сих пор не доставлял. Мне всегда казалось, что между тобой и нами, родителями, существуют добрые товарищеские отношения. Я сейчас пытаюсь понять тебя. Наверное, у тебя были для отъезда какие-то причины и обстоятельства. 18 лет - это сложный возраст, и здесь трудно предусмотреть и предупредить все жизненные ситуации. Меня больше всего огорчило то, что ты даже не попытался с нами поговорить и объяснить - что, почему и зачем. Конечно, решение бросить институт не привело нас в восторг. И все-таки, наверное, этот вопрос можно было бы решить иначе, чем только отъездом. Думаю, что и другие вопросы, столь важные и принципиальные для тебя, но, к сожалению, неизвестные нам, тоже имеют и другое решение - более разумное, более простое и менее трагическое для нас.

Сейчас для нас самым важным является объяснить тебе, что у тебя крепкие тылы. У тебя есть семья, родители. А это ведь немало. У нас единственное желание - помочь тебе, помочь делом, советом, деньгами и т.п. Мы уважаем тебя и готовы понять тебя.

Нам только непонятно, зачем ты так отгородился от нас и держишь в какой-то тайне свои намерения и свое местопребывание. Нам будет в тысячу раз легче, если все пойдет по нормальному руслу.

Мы просим тебя написать нам, объяснить линию своего поведения».

Примерно такого же содержания были письма, посланные нами в Киев, Москву, Мурманск. При этом особенно большие надежды мы почему-то возлагали на Киев, и надежды наши оправдались.

В Киеве жила наша молодая и энергичная родственница, которая хорошо знала и очень любила Мишу. Мы позвонили ей по телефону и совместно разработали план действий. Мы не сомневались, что к родственникам он заходить не будет, но предполагали, что он кому-нибудь напишет и будет получать письма до востребования на главпочтамте. Мы попросили сходить нашу родственницу на почтамт и каким-то образом узнать, приходят ли на имя Миши письма и получает ли он их. Тонечка, так зовут нашу родственницу, сходила на почтамт, рассказала директору о нашей горе и умолила его нам помочь. Работающие на киевском почтамте люди оказались сердобольными, внимательным! И я поехала в Киев.

Пока я сидела на своем почтамте, Миша прислал домой письмо и позвонил по телефону. Он сообщил, что получил наше письмо, что он жив-здоров и сможет вернуться домой, если мы согласимся принять его условия. Условия состояли в том, чтобы не расспрашивать его о причинах отъезда и предоставить полную свободу действий. Мы, конечно,

безоговорочно согласились, но я продолжала свои дежурства на почтамте, чтобы увидеть его и поговорить самой. О том, что я в Киеве, он знал из моего письма и из разговора по телефону с отцом.

И вот в один совсем не прекрасный для меня день, я его увидела. От волнения я замерла и потеряла дар речи. У меня едва хватило сил, чтобы окликнуть его, хотя вообще-то я человек довольно стойкий. Миша же повел себя как-то очень отчужденно, никакой радости не проявил, будто мы встретились не в Киеве после месячной разлуки и безумных переживаний, а в Ленинграде, расставшись всего лишь утром. Он сказал, что уже обо всем договорился по телефону с папой, что уже купил билет в Ленинград и вскоре вернется домой. Прийти к нашей родственнице, лететь со мной на самолете он отказался, денег не взял. После этого он быстро ушел. Я буквально остолбенела и молча, в каком-то смятении и полной растерянности, смотрела, как он удаляется. Никакой уверенности, что он вернется, у меня не осталось, и я была в полном отчаянии, ведь мой план состоял в том, чтобы найдя, уже не отпускать от себя и самой провезти его домой. Наша встреча получилась совсем не такой, какой я себе ее представляла.

Не могу сказать, что в этом возрасте Миша был очень ласковым и нежным, но он был всегда достаточно вежливым, мягким и корректным, и отношения между нами были вполне добрыми. Поэтому естественно, что его поведение было для меня совершенно неожиданным

Уже потом, спустя какое-то время, многократно вспоминая и переживая всю эту киевскую эпопею, я, кажется, поняла, почему он так себя вел. Во-первых, он сам был взволнован, смущен и огорчен, но не хотел этого показывать. Во-вторых, он был не один, а с каким-то мальчиком, и, возможно, опасался моих упреков, слез и других «эксцессов». Думаю также, что он был и несколько рассержен и разочарован тем, что несмотря на его просьбы, мы все же стали искать его и нашли так быстро.

Как бы то ни было, он сдержал свое слово и в намеченный день приехал в Ленинград. Блудный сын вернулся. Я почему-то не посмела пойти встречать его, хотя мне очень хотелось это сделать, и осталась ждать его дома. Он пришел с вокзала не сразу, а спустя часа три после прихода поезда, когда я начала уже паниковать. Наверное, ему хотелось прийти домой и побыть одному, и он надеялся, что мы к тому времени уже уйдем на работу.

Вот такие, почти детективные, были у нас события. Отсутствовал Миша около месяца, но вернулся каким-то другим: повзрослевшим, молчаливым и отчужденным. Никаких разговоров и расспросов по поводу

его «побега» не было. И мы, и он держали себя так, будто ничего не случилось. Таковы были условия, поставленные им перед своим возвращением, и нам ничего больше не оставалось, как выполнять их.

Несколько раз я порывалась поговорить об этой истории позже, когда он стал уже совсем взрослым, но каждый раз меня что-то останавливало. Я знала, что он не любит копаться в прошлом и раскрывать душу. Так что эта страница его жизни, как и многое другое, осталась невыясненной, и мы так и не знаем истинных причин киевского вояжа. Были, правда, какие-то предположения и намеки, связанные с его увлечением киевской однокурсницей, но я не знаю, насколько они верны.

Интересно, что из Киева Миша писал письма своему другу. Родители этого друга, весьма уважаемые люди, оберегали сына от «вредных влияний» и контролировали его. Миша был вхож в эту семью, считался вполне благонадежным и отношения между ребятами одобрены. Но это не мешало бдительной мамочке читать письма, присылаемые Мишей другу до востребования. А письма эти, надо сказать, были какими-то удивительно легкомысленными и даже фривольными. К тому же еще Миша приглашал его последовать его примеру и присоединиться к нему. В письмах были также сведения о стоимости джинсов, магнитофонных записей, пленок и т.п. От всего этого мама друга была в шоке и принесла эти письма мне. На меня они произвели аналогичное впечатление. Однако мне показалось, что многое написано с каким-то умыслом и вызовом, как бы напоказ; что Миша не только бравирует своими похождениями, но и присочиняет их; что ему очень хочется казаться свободным, взрослым, независимым. Не предназначалось ли все это для кого-нибудь другого? Может быть, действительно, «шерше ля фам». Но, может быть, я и ошибаюсь. Возможно, я не совсем правильно воспринимала своего сына, долго считая его домашним беспроblemным мальчиком. Кстати, в одном из своих киевских писем нам он так и писал: «Я совсем не тот мальчик, каким вы меня считаете». Так что, может быть, эти письма и просто обычный «стеб» двух друзей.

В свое время я не рассказала Мише об этих письмах и не показала их, понимая, что ему будет неприятно. Но письма сохранились, и я хотела когда-нибудь преподнести ему их в качестве сюрприза. Наверное, он был бы очень удивлен и посмеялся бы от души. Жалко, что я не успела осуществить свое намерение и не доставила ему этого удовольствия. А может быть, все и к лучшему. Вдруг ему бы не понравилась эта затея? Ведь не все и не всегда хотят возвращаться к своему прошлому.

Возвращался Миша домой неохотно, уступив нашим просьбам и

доводам. Пока наш сын был в бегах, экзаменационная сессия прошла, дальнейшее пребывание в институте стояло под большим вопросом. Перед нами встали проблемы, что и как делать дальше.

Так закончилось это «лето тревоги нашей». Лето закончилось, но тревоги остались и, кажется, уже больше никогда не покидали наш до той поры спокойный и благополучный дом.

В детстве Миша был удивительно послушным, спокойным и контактным. Его очень любили все наши родственники и знакомые; им всегда были довольны в школе. Так что до поры до времени мы не знали с ним никаких хлопот и огорчений. Когда он был даже совсем маленьким, я могла совершенно спокойно оставить его на какое-то время одного в магазине, а сама делать покупки, зная, что он отсюда никуда не уйдет.

Мы начали строить дачу, когда Мишутке было всего три года. Первое время мы жили во времянке в лесу безо всяких заборов. Отец показал мальчику, где кончается наш участок, отметил пограничные деревья и взял с него слово, что за эту условную границу он уходить не будет. И малыш никогда свое слово не нарушал.

Наши дачные соседи до сих пор вспоминают, как на их приглашение пойти с ними погулять или зайти к ним в гости, он неизменно отвечал: «Дальше этих деревьев мне уходить не разрешается».

Его отличительными чертами были покладистость и сознательность. Он никогда не дрался, не отнимал у ребят игрушки. Я не помню, чтобы он что-то требовал или вымогал, как это часто делают многие дети. В Пекине мы оба были совершенно очарованы обилием и разнообразием интереснейших механических игрушек. Мне хотелось что-нибудь ему подарить, но денег было совсем мало, и я очень расстраивалась, пересчитывая наши гроши-юани. Мише было семь лет и можно себе представить, как страстно мечтал он завладеть этими чудесами. Однако, он вел себя как настоящий джентльмен: спокойно и с достоинством. В конце концов после долгих выборов, сомнений и подсчетов мы купили ружье-автомат. Мишка был счастлив. Но я уверена, что если бы я тогда не купила ему ничего, никаких слез, упреков и сцен не было бы.

Кстати, этих автоматов тогда еще в Союзе не было и игрушка произвела большое впечатление не только на детей, но и на взрослых. Мишка с удовольствием демонстрировал свое сокровище и всем давал «пострелять». Мы даже слегка журили его: «Такая дорогая игрушка, а ты даешь всем...»

Задиристым и строптивым он иногда был только с сестрой. Таня старше Миши на 8 лет, и был такой период, когда они не очень ладили. В

письмах к отцу во Вьетнам она писала, что Мишка не слушается, грубит и дерется, просит повлиять на него. Помню, что мы даже переживали, что они не очень дружат друг с другом. В общем, дети наши были, как мы их иногда называем, «задириха» и «неуступиха». И причиной ребячьих раздоров была не только строптивость маленького братишки, но и излишняя строгость и требовательность его сестры. Взрослых он слушался без всякого напряжения, но диктатору-сестре, девчонке, всячески сопротивлялся. Нужно же было хоть кому-нибудь показать свое мужское «я».

Во время проведения очередного воспитательного часа между отцом и сыном состоялся следующий диалог:

- Ты меня огорчаешь. Что ты, глупый, что ли, что так себя ведешь?

- Да, глупый.

- Отчего же ты глупый?

- А разве глупый знает, отчего он глупый?

Как прикажете реагировать на такой ответ?

Он любил общество взрослых, неторопливый степенный разговор, хорошо и терпеливо слушал, любил порассуждать сам. Его даже прозвали «маленький философ». Особенно нравились ему познавательные беседы с отцом. Отец иногда записывал эти беседы, и их можно воспроизвести. Вот одна из них:

- Папа, а горит все?

- Нет, горит дерево, трава, уголь, т.е. все, что когда-нибудь росло, было живым, ну, и еще кое-что.

- А железо горит?

Здесь отец задумывается, как это понятнее объяснить четырехлетнему мальчишке. Не дождавшись быстрого ответа, сын задает следующий вопрос:

- А что такое коррозия?

- Железо и сталь, если они находятся в воде или в сыром месте, покрываются ржавчиной. От ржавчины они портятся, разрушаются. Это и называется коррозией.

- Коррозия - это и есть горение!

- Откуда ты об этом знаешь?

- А мне бабушка об этом зимой читала.

Таковыми же обстоятельными были их беседы о невесомости, о жизни на Марсе, о маврах и т.п. Тематика многих разговоров определялась прочитанными книгами.

Разговаривать с Мишей любили и взрослые. Всем очень импонировал

этот развитой интересный мальчик. Помню, с каким удовольствием общались с ним ехавшие с нами в вагоне из Пекина чешские дипломаты. Они ежедневно заходили к нам и спрашивали меня: «Разрешите пригласить Вашего сына на разговор». И эти разговоры продолжались довольно долго. Я даже удивлялась, о чем можно так долго говорить с таким маленьким мальчишкой. При этом, нужно заметить, что наш «маленький философ» никогда не был маленьким старичком, отнюдь нет. Это был спокойный, умный, обстоятельный, но в то же время жизнерадостный, веселый и шаловливый мальчуган.

В юношеские годы его характер очень изменился. Он стал нервным, иногда как-то замыкался и отчуждался. Порой с ним было трудно найти общий язык, установить контакт и понимание, он к этому не стремился. Он очень не любил «выяснять отношения», вести «душеспасительные» откровенные разговоры, и мы старались, как говорится, не лезть в душу. К тому же мне он стал казаться каким-то незащищенным, слабым, очень ранимым. Все это настораживало и тревожило.

Своей главной задачей я считала в то время обеспечить ему душевный покой, не раздражать его всяческими нравоучениями и ни в коем случае не потерять с ним контакт. Думаю, что в большинстве случаев мне это удавалось. Мы всегда оставались добрыми друзьями, хотя менее, чем иногда хотелось, близкими и откровенными. Впрочем, дети, особенно сыновья, редко бывают близки и откровенны со своими родителями. Особенно трудными и тревожными для психологического климата нашей семьи были семидесятые годы, начиная с 1973-го, когда Миша покинул нас и отбыл в свой киевский вояж. Стало очевидно, что его тяготит учеба в институте, но, в то же время, крайне волнует перспектива службы в армии. Он почувствовал себя взрослым, но не определил свой жизненный путь. В его поведении и настроении прослеживались неудовлетворенность, неуверенность, подавленность и какой-то надлом. Он перестал любить свой дом со скучным для него стандартным бытом и уютом. Ему неинтересны были мы, его родители, безоговорочно преданные своей работе, партии и правительству.

Напрямую он, конечно, ничего подобного не высказывал, но мы все это чувствовали и понимали, утешая себя тем, что все пройдет, что все это признаки переходного возраста, что скоро все встанет на свои места. Однако мы были настолько взволнованы и обеспокоены настроением и поведением Миши, настолько морально не подготовлены к происходящим в нем переменам, что даже решили обратиться к психиатру. Я очень опасалась, что он откажется от этой затеи, но он, к моему удивлению,

довольно быстро согласился. Нам удалось попасть в институт им. Бехтерева к очень хорошему и внимательному специалисту. До этого мне никогда не приходилось иметь дело с психиатрами, и я сама здорово волновалась. Профессор принял нас очень хорошо; долго, интересно и даже поучительно беседовал сначала со мной, а затем с Мишей. Вывод его был краток и однозначен: «Ничего серьезного нет, но нужно дать ему год отдохнуть от учебы. Армия абсолютно противопоказана». А я-то по простоте душевной считала, что как раз сейчас для него самое лучшее, это служба в армии: там он займется спортом, возмужает, окрепнет физически и морально. Наивное представление об армии, как о родном доме с добрыми умными командирами и идеальном месте для мужания юношей, сложилось у меня, конечно, под влиянием кино и телефильмов. И я даже всячески уговаривала Мишу не уклоняться от святого гражданского долга. Ведь тогда дела в армии обстояли еще не так страшно.

Предостережения и рекомендации профессора заставили меня отказаться от своих «теорий», а его письменное заключение позволило выхлопотать в институте академический отпуск.

В это время он много думал о жизни, и у него складывалось свое жизненное кредо, свое представление об идеальном образе жизни. Вот как он описывает свой идеал в письме к приятелю: «...меня заинтересовала тема не новая, но достаточно глубокая, хотя на первый взгляд, она может показаться утопической. Так вот, нужно отказаться от кабалы вещей, от материального благополучия, от погони за наживой и т.д. и т.п. В чем состоит идея? Собрать человек 6-8, снять дачу в пригороде (не очень далеко) и жить там. Работать при этом, конечно, придется, но я думаю, что несложно будет найти простую советскую службу с зарплатой 80-100-120 р., где не нужно переутомляться. Деньги - в общий котел, денег на жратву и на одежду, да и на все остальное, восьми человекам сразу будет нужно гораздо меньше, чем восьми человекам по отдельности. Поэтому и жизнь будет дешевле. Мебели тоже понадобится минимум. Вот, например, что нужно мне: кровать (тахта, диван или обалденный ковер), стереопроектор, стереомагнитофон, журнальный столик, встроенный шкаф, полки на стенах; плюс к этому не обязательно, но желательно: TV, удобное кресло, несколько стульев. Из одежды тоже нельзя делать культа. Культ нужно делать из образа жизни. Во всяком случае, мне так хочется. Нужно прожить жизнь так, как хочется тебе лично, а не так, как хочется кому-то. А в такой «хип-колонии», я думаю, захочется жить и тебе, и мне, да и почти каждому из нас. Я не знаю, врубился ли ты полностью в эту идею, но мне лично кажется, что она грандиозна, а если и не грандиозна,

то, во всяком случае, интересна. Возможны отрицательные стороны:

1. Не надоесть ли такая жизнь лет через 10-20, даже 80?
2. Не рассорятся ли эти 6-8 человек за годы совместной жизни?
3. А что будет, если появятся дети? При такой постановке дела зимой пришлось бы жить в этой квартире и работать, а летом (я имею в виду целое лето, т.е. три месяца) путешествовать по стране всем вместе или по отдельности с минимумом денег, зато с максимумом удовольствия.

Но даже, несмотря на отрицательные стороны, я лично, пожалуй, согласился бы провести свою жизнь таким образом, если бы: 1) если бы подобрались очень хорошие люди; 2) если бы я был уверен, что все не бросят это дело на середине.

И все-таки я не знаю, реально ли все это или нет. Может это быть осуществимо в наших условиях?» (Письмо к Лелику, декабрь 1974 г.)

А вот еще одна его разработка образа жизни: «Я хочу, чтобы у меня было место, куда бы я мог прийти в любое время, когда мне одиноко и грустно, когда мне нечего делать или просто, когда я захочу с кем-то пообщаться. Это должна быть большая комната, где царит полумрак, по углам свечи или торшеры. У стен мягкая мебель, ковры. Играет музыка, повсюду лица друзей.

Табачный дым извивается и колыхается, создавая нелепые психоделические картины, непрерывно сменяющиеся другими, столь же нелепыми. В углу небольшой бар или просто столик с бутылками и стаканами. К нему все время кто-нибудь подходит и подливает себе вина. Пьяных нет. Ты можешь налить себе стаканчик вермута и устроиться на ковре. Так, полулежа, с закрытыми глазами, ты можешь лежать здесь вечность, думая о чем угодно, слушая музыку. Никто не тронет тебя: ты всем безразличен и в то же время ты всем дорог, ты превращаешься в неотделимую часть комнаты.

Здесь не говорят о политике, о делах, об учебе и работе. Здесь ведутся беседы, праздные разговоры ни о чем и в то же время обо всем. Они пусты, но для тебя они многое значат, в них твоя жизнь.

Ты можешь прийти сюда с девушкой - это О'К. Тогда ты будешь сидеть на диване, положив свою руку на ее плечо и заниматься тем, чем в таких случаях полагается заниматься.

Здесь царит свобода и равенство, никто не скажет тебе: «Ты - двоечник» или «У тебя нет денег». Главное, чтобы ты был «своим человеком», чтобы ты был честен в отношениях к друзьям. Здесь ты будешь чувствовать себя несчастным и счастливым. Здесь - место, где ты мог бы провести свою жизнь». (Листок из блокнота без даты, но

определенно 70-е годы.) И, наконец, та же тема в поэтической форме:

Посвящение Татьяне

Нарисуй мне картинку И
раскрась ее ярко,
Нарисуй летний вечер,
Вечер тихий, нежаркий.

Скромный домик у леса,
Рядом плещется море,
По песку бродят чайки,
Паруса на просторе.

Нарисуй мне террасу, Я сижу
на диване, Рядом женщина в
белом Длинном платье с
цветами.

И она так мила, Так добра
и красива! Мы болтаем о
чем-то, Пьем холодное
пиво.

Нарисуй, нарисуй, Я же знаю,
ты можешь, Что она меня
любит, И что я ее тоже.

Так люблю, как любить
Никогда не умел я. Начинает
смеркаться, Вот и солнце уж
село.

Нарисуй, как огонь
Полыхает в камине,
Звезды тихо мерцают...

Нарисуй на картине

Всех друзей самых лучших, И
они уж в дороге. Они едут к
нам в гости, Я их жду на
пороге.

А над морем плывет Тихий
блюз очень нежный. Все
печали забыты, Все
прекрасно, как прежде.

Нарисуй мне картинку
И раскрась ее ярко,
Нарисуй мне, что я
Убежал,
Убежал,
Убежал из Зоопарка...

(Посвящено художнице Татьяне Апраксиной, 1977 г.)

Я не случайно останавливаюсь на этом вопросе столь подробно. Ведь, если отбросить некоторую романтику, позерство, «красивость», то можно сказать, что к двадцати годам он определил и сформулировал для себя конкретную жизненную программу, которую весьма последовательно осуществлял. И пусть не организовалась идеальная компания из 6-8 человек, не было у него ни загородной квартиры, ни даже большой комнаты, не приобрел он и «обалденный ковер». Но он сумел освободиться от всякой зависимости (в том числе и от нашей), довольствовался минимумом средств, делал то, что хотел, встречался с теми людьми, которые были ему близки по духу или нужны по делу. И ему были в высшей степени безразличны деньги, комфорт, престиж, мнение сторонних людей. А ведь в наших условиях все это совсем не так просто. Гораздо проще быть таким, как все, и жить, как все.

Когда его спрашивали, почему группа называется «Зоопарк», то он всегда отшучивался и отвечал: «А почему бы и нет?», «А разве это плохое слово?», «А я очень люблю зверей» и т.п., но на самом деле за этим названием есть большой и глубокий подтекст.

Еще в семидесятые годы, когда никакой группы у него не было, и он

только начинал, в конце всех своих вещей он подписывал сначала «Зоопарковая музыка», а позже - «Зоопарк». Потому что в это время он чрезвычайно остро и как-то болезненно ощущал себя несвободным; чувствовал себя как бы загнанным в клетку, из которой ему страстно хотелось вырваться. А клеткой для него были и запреты на книги, и гонения на музыку, и учеба в институте, и рутинная работа, и даже устои родного дома. Отсюда возник образ зоопарка, отсюда и название группы.

Убедительно и красноречиво это явствует из приведенного мною стихотворения. Вспомним последнюю строфу:

Нарисуй мне картинку
И раскрась ее ярко,
Нарисуй мне, что я
Убежал,
Убежал,
Убежал из Зоопарка...

В свое время мне очень понравилось это лирическое стихотворение, и я переписала его для себя. Но окончание мне не понравилось, и я при переписке его опустила, а потом и забыла. Как я могла не понять, что это крик души, это настоящее SOS!

Сегодня меня обжигает и ранит его неукротимое стремление изменить свою жизнь, вырваться на другую орбиту, на свободу. Но тогда я твердила ему прописные истины о том, что нельзя быть свободным от чувства долга, от семьи, от общества, что «свобода - это осознанная необходимость» и т.д. и т.п. Разве мог он тогда все это воспринять?! И сколько раз я думала: лучше бы он был в детстве непослушным, хулиганил, дрался, плохо учился, зато «перебродил» бы и к этому возрасту стал нормальным (как все!) человеком.

Стремясь во что бы то ни стало приобщить сына к высшему образованию, отец заставил его «взять на себя» (до чего же это звучит сейчас архаично) и подписать следующие обязательства:

1. Регулярно выполнять учебный план.
2. Курсовые проекты, контрольные работы, домашние задания и т.п. сдавать в срок.
3. Систематически и постоянно конспектировать лекции всех предметов (кроме гуманитарных).
4. Особое внимание уделить теоретическому курсу.
5. Свести к минимуму пропуски лекций по неуважительным причинам.
6. Дополнительно заниматься математикой.

7. Бросить курение табака (Эх!).
8. В среднем заниматься дома по 2-3 часа ежедневно.
9. Дома регулярно прорабатывать конспекты лекций.
10. Уменьшить время и усилия, направленные на записывание и прослушивание пластинок.
11. В ближайшие 2-3 года НЕ играть ни в каких rock' n' roll bands.
12. Всячески избегать вредных влияний и соблазнов.
13. Приложить МАХ сил к победе над разгильдяйством.

Причем отец-максималист предлагал ему для самосовершенствования и самовоспитания план, состоящий более чем из ста пунктов. Мишка отобрал эти тринадцать, но уверена, что в душе он надо всем этим смеялся и не собирался выполнять...

Господи, до чего же мы были наивными, как плохо мы понимали своего сына. Но ведь и нас понять можно - мы так любили его, так остро чувствовали свою ответственность, так переживали все, что с ним происходило, и так хотели ему помочь?

В приведенных выше романтических «манифестах» Миши большое место уделено дружбе. Он всегда высоко ценил честные благородные товарищеские отношения, друзья в его жизни играли большую и важную роль. По моим наблюдениям, он был к своим друзьям очень терпим, миролюбив и снисходителен. А если ко-

го-то и критиковал, то делал это как-то незло, необидно, по-дружески. Он всегда считал, что каждый человек имеет право на свои воззрения, на свой образ жизни и даже на ошибки. Однако он ненавидел и не прощал подлость и предательство, мог постоять за себя и за свои принципы. Он мог резко порвать с разочаровавшим его человеком, вычеркнуть его из своей жизни, но не любил обсуждать и даже вспоминать эти случаи. А такие случаи у него были. Но к своим честным друзьям он относился с большой теплотой и любовью. Многих он характеризовал как благороднейших, достойнейших, порядочнейших. Вот так, именно в превосходной степени. Это были его любимые эпитеты, когда он говорил о близких ему людях.

Из школьных друзей он поддерживал отношения с Сашей Самородницким. В классе они сидели за одной партой, часто ходили друг к другу в гости, вместе гуляли, вместе выпускали стенгазеты. Саша стал архитектором, эта же профессия и у его жены Лиды. Миша любил бывать в их гостеприимном доме, всегда с удовольствием рассказывал об этих встречах.

К сожалению, я плохо знаю друзей и приятелей Миши более поздней поры, когда он уже не жил с нами. Но я слышала много хороших, добрых и

благодарных слов о художнике Ише, о музыкантах Севе Гаккеле и Мише Файнштейне. Дружба с ними началась еще в 70-х годах, и они бывали у нас в доме на Варшавской. Конечно, он любил своих зоопарковцев и был очень дружен с Валерием Кириловым. Знаю, что он буквально обожал Колю Васи́на, чрезвычайно ценил встречи с ним, их нескончаемые беседы.

С большим уважением, интересом и любовью относился он к своим собратям по року Борису Гребенщикову, Андрею Макаревичу, Владимиру Козлову, Виктору Цою и многим-многим другим. Со всеми у него были хорошие дружеские отношения, с некоторыми он играл дома и выступал на концертах. Сохранилось много симпатичных фотографий, на которых он запечатлен вместе с Борисом, Володей, Виктором.

Миша гордился своими именитыми друзьями, но никогда не завидовал им, ни более талантливым, ни более удачливым и пробивным. Он правильно и с достоинством понимал свое место и свои возможности, не переоценивая, но и не пренебрегая собственными способностями. Общение и совместные выступления с талантливыми, умными и интересными людьми влияли на Мишу положительно, способствовали его развитию. К числу таких друзей следует отнести прежде всего Бориса Гребенщикова, сыгравшего важную роль в его становлении как рок-музыканта и даже в самом появлении некоего «Майка» и его группы «Зоопарк».

БГ, как принято теперь называть Гребенщикова, появился на Мишином горизонте (или наоборот - Миша на горизонте БГ) где-то в семидесятых годах. Миша тогда еще только-только начинал, а Борис был уже опытным музыкантом, поэтом; был личностью. Он произвел на Мишу большое впечатление и как музыкант, и как человек, и неудивительно, что на первом этапе своего творчества Майк находился под большим влиянием Гребенщикова. Думаю, что это влияние было положительным, т.к. БГ в нашем отечественном роке был и остался фигурой N 1. Позже Мише удалось преодолеть это влияние, найти свой путь, свое лицо, свое место.

Миша хорошо знал творчество Гребенщикова и уважал его как личность. Градус теплоты их дружеских отношений, вероятно, в разные периоды был то выше, то ниже, но до нуля не падал никогда. Правда, однажды он был обижен некорректным высказыванием о своей персоне в одном из интервью Бориса журналу «Огонек». Но обида эта была кратковременной и серьезного последствия не имела.

А в день тридцатипятилетия БГ подарил Мише красные бархатные тапочки. Я немножко поиронизировала над этим подарком и в шутку сказала Мише: «Тапочки не надевай. Их нужно сохранить для рок-музея, как экспонат двойной ценности - тапочки Майка, подаренные

Гребенщиковым». Но Мише подарок понравился, тапочки он надевал, только вот износить не успел. Теперь они одиноко стоят на Боровой. Может быть, и правда они станут музейным экспонатом?

Не могу не сказать несколько слов благодарности еще об одном человеке, сыгравшем большую роль в творческом развитии Миши. Это Олег Евгеньевич Осетинский, известный московский писатель, сценарист и, вообще, чрезвычайно многогранная и интересная личность.

Знакомство с Олегом Евгеньевичем произошло на одном из рок-концертов, где принимал участие и Миша. Олег попал на этот концерт случайно, но его заинтересовал ленинградский рок. Он сразу же почувствовал оригинальность и перспективность выступавших ребят, но и увидел их незрелость, неопытность, плохую дикцию, неумение держать себя на сцене и т.п. Из всех выступавших он выделил Бориса и Мишу, прошел за кулисы, познакомился с ними, высказал свое мнение, пригласил к себе в гостиницу.

Разговор за кулисами, а затем в гостинице произвел на Мишу особое впечатление. Впервые он встретил такого взрослого, известного, эрудированного человека, который вдруг заинтересовался им, захотел понять и помочь. Олег восхитил, очаровал и пленил его. После каждой новой встречи он прибегал домой каким-то слегка обалдевшим, с широко распахнутыми глазами, но окрыленным и счастливым.

Олег Евгеньевич приезжал в те годы в Ленинград довольно часто, т.к. на «Ленфильме» снималась картина по его сценарию. Несколько раз он заходил к нам домой, и мы познакомились с ним. Однажды он пришел к нам со своей очаровательной дочкой Полиной. Мы до сих пор вспоминаем эту милую девчушку, просившую положить ей побольше вкусной «сметанкачки». С ее легкой руки сметана в нашем доме только так и называется. Теперь Полина выросла и стала известной пианисткой, покорившей своей игрой и обаянием не только нашу, но и другие страны. Кстати, главным музыкальным педагогом и воспитателем был ее отец.

Будучи в Ленинграде по горло занятым своими делами, Олег Евгеньевич всегда выкраивал время, чтобы встретиться с Мишей и помочь ему словом и делом. Он дал Мише несколько уроков театральной дикции и заставил его поработать над этим, что для Миши было очень важно и полезно. Он помогал Мише составить программу предстоящего выступления, дал много квалифицированных советов, как нужно держаться на сцене и т.п. В Москве он устраивал ребятам концерты, принимал у себя, водил в ресторан. Сохранился бланк гостиницы «Астория» с перечислением двенадцати Мишиных песен и ниже пометкой:

«Утверждаю. О.Е. Осетинский». Бланк датирован 11 ноября 1980 года.

Есть также отдельный лист, на котором слева обозначен репертуар Бориса Гребенщикова, а справа - Миши. В последовательность Мишиных песен рукой Олега внесены изменения. Заключает репертуарные списки следующая надпись: «Майк! Это первая главная программа твоей жизни. Повесь ее в туалете, плюнь на нее, начало, смерть, раздача началась. Твой крестный». Подпись: Осетинский, 30 ноября -1 декабря 1980 года.

Действительно, Олег Евгеньевич был для Миши крестным отцом, наставником и взрослым умным другом. Ведь Миша в то время был еще совсем неопытен - самоучка, дилетант. А Олег хотел сделать из него профессионала и сделал бы, если бы у Миши хватило терпения и настойчивости, и если бы он легче, менее болезненно переносил прессинг.

Я вспоминаю О. Е. Осетинского с чувством большой благодарности и симпатии за все то, что он в свое время сделал для Миши. Его труды не пропали даром.

И все-таки главными учителями, вдохновителями и кумирами Миши были рок-музыканты Англии и США. Он преклонялся перед «Битлз», испытывал особенную любовь и нежность к Джону Леннону, обожал Марка Болана, Джеггера. А в лице нашего героя эти прославленные музыканты имели не только страстного поклонника, но и способного ученика, верного последователя, активнейшего пропагандиста. Трудно даже представить себе, сколько он прослушал дисков, пленок, кассет с их записями, сколько пленок и кассет записал сам, сколько прочитал о них книг и статей. Кропотливо и настойчиво, не жалея ни сил, ни времени, ни денег, собирал он свою фонотеку и составлял ее каталог. О творчестве любимых музыкантов он говорил увлеченно, профессионально и мог бы, как уже говорилось выше, читать о них лекции.

В комнате, где он последние годы жил и где он скончался, на самых видных местах висели портреты любимейших из любимых: слева - Джона Леннона, справа - Марка Болана. И они были последними, кого он мог видеть и с кем мог проститься перед тем, как потерял сознание.

Умея искренне восхищаться другими, сам Миша был очень скромнен и о себе говорил мало. О его популярности я в сущности узнала только после его смерти. На вопросы, как прошел тот или иной концерт, какой была гастрольная поездка, что пишет о нем пресса, он отвечал неизменным, стандартным, но, в сущности, ничего не говорящим «нормально». И только однажды, видимо, после какого-то удачного выступления или, может быть, после появления в печати положительной рецензии он позвонил мне и сказал: «Мама, вот и твой сын стал, наконец, почти знаменит».

А нужно сказать, что я знала о существовании песни Клифа Ричарда «Мама, я почти знаменит». Мне очень понравилось это название, и я частенько, слегка посмеиваясь над сыном, спрашивала его: «Ну когда же ты станешь почти знаменит?», делая ударение на «почти». Вот он и сказал мне эти слова. Но мы только подурачились, посмеялись, делая вид, что не придаем сказанному большого значения и воспринимаем это, как шутку. Слова удивления и одобрения у нас почему-то не были в ходу. А как прав, тысячу раз прав Булат Окуджава, призывая: «Давайте говорить друг другу комплименты, ведь это все любви счастливые моменты».

Наверное, очень хорошо и интересно о друзьях-товарищах и их встречах, где царила непринужденность, розыгрыши, эпатаж, могла бы рассказать Мишина жена - Наташа. Ей бы это удалось гораздо лучше, чем мне, и, может быть, она это сделает.

А пока в качестве дополнения к моим беглым заметкам я хочу поместить сочиненную Наташей азбуку. Только признаюсь, что я это делаю без разрешения Наташи и без согласования с ней некоторых моих маленьких поправок.

Эту азбуку она прислала Мише летом 1981 года из своего «родового имения», где отдыхала с маленьким Женей. Видимо, она скучала о доме, об оставшихся друзьях и посвятила им следующие забавные и милые строки:

АЗБУКА

А

Александр - он лучше всех,
Ждет его большой успех.

Б

Барабанщика Андрюшу
Приходите все послушать.

В

Вячеслава важный вид Всем
о многом говорит.

Г

Гаккель и Гребенщиков
Любят блюзы и битлов.

Д

До чего же душенька
Наш Романов Дюшенька!

Е

Евгений наш, чего скрывать,
Ест много, но не любит спать.

Ж

Женькой мы его зовем, На
ночь песенки поем.

З

«Зоопарк» - не зоосад,
«Зоопарку» каждый рад.
«Зоопарку» Завалинский
Подарил бутылку виски,
Зайцеву для «Зоопарка»
И «Гавана Клуб» не жалко.

И

Иша искупался,
Вымазался в иле.
Испугался тут Илья:
«Иша, это ты ли?»

К

Кумир и маг Кузьмин Володя
Стал сегодня очень моден. К
нему бегут и млад, и стар, Он
-наша гордость, наша Star.

Л

Ливерпульцев в Ленинграде
Любят больше, чем в Канаде.

М

Молчаливый Макаревич
Майку одолжил рублевич.

Н

Но Науменко бежал И
рублевич потерял...

О

Олег Осетинский приватно признался,
Что случаи были, когда ошибался.

П

Птеродактиль полетел;
Панкер Паше песню спел.

Р

Радость наша, Родион.
Рассуждать умеет он.
С
Синий дым... Довольно ловко
Свин сушил штаны в духовке.
Т
Тихий Тема Троицкий Как-то
раз на Троицу Нарядился в
тройку И поехал в «Тройку».
У
У Вилли нет усов?! Безусый,
Не сможет он назваться Усов.
У
У Фагота и Файнштейна
Появилось вдохновенье.
Прыткий Федоров узнал –
Вдохновение украл.
Ц
Цоя знаем мы давно.
Цой - лидер славного «Кино».
Ч
Частенько наш Черниговский
Идет кирять на Литовский.
Ш
Шурик, лидер-гитарист,
Говорят, лихой артист.
Щ
Щукин щелкает орехи,
Из Москвы на БАМ уехав.
Ю
Юфа юн, но он не глуп -
Вместо «да» не скажет «юп».
Я
Якубовича - убить.
Ясно! Так тому и быть.

И у меня, и у Натальи в ее «Азбуке» упомянута лишь небольшая часть
Мишиных друзей - на самом деле их было гораздо больше. А о хороших

знакомых и говорить нечего - их было очень-очень много.

Меня часто даже удивляло, как быстро и непринужденно знакомился он с новыми людьми, как свободно он с ними себя вел. В детстве и даже в школьные годы он был довольно застенчив, не любил больших, шумных компаний и новых знакомств. Круг его приятелей был довольно ограниченным. С годами он стал более раскованным, более общительным и вполне комфортно себя чувствовал в новом месте, даже среди совсем незнакомых людей. Он мог поехать куда угодно один и сразу приобрести массу знакомств.

Так, оказавшись впервые в жизни один в незнакомом Киеве, он не растерялся и довольно быстро сошелся с какими-то ребятами из Политехнического института, ночевал у них в общежитии и чувствовал себя вполне в своей тарелке.

С удивительной легкостью без всякой поклажи, без билета и с минимальной суммой денег отправлялся он на прибалтийские сэйшены в 70-х годах. Ехал туда и обратно весьма распространенным в то время «автостопом». Жили там, практически, под открытым небом, питались, складывая в общий котел «кто сколько мог». И Мише очень нравилась эта обстановка братства, единоклассия, увлеченности. А удобства, комфорт его не волновали никогда.

Миша был удивительно непрактичным и легкомысленным человеком. Он не умел и не хотел экономить деньги и приобретать какие-то вещи; он жил сегодняшним днем и не заботился о будущем.

Помню, как после его женитьбы я спросила, что бы он хотел взять из дома, чем я могу ему помочь? Он сказал, что подумает и посоветуется с Наташей. Долгое время никаких просьб не поступало. Наконец, в одно из своих посещений он сказал: «Мама, если ты не будешь возражать, я возьму пепельницу. Я к ней привык, и она мне нравится». Больше он никогда ничего не просил; если и брал, то только по моей инициативе и под моим нажимом.

Подтверждает его легкомысленное отношение к бытовым вопросам также безумная идея с покупкой автомобиля.

Однажды он прибежал радостный и взволнованный и сообщил, что собирается купить авто. Кто-то, наверное, хорошо представляя характер Миши, предложил ему купить автомобиль «за дешево», в рассрочку, но весьма подержанный. Этого автомобиля Миша не видел, каково его состояние и даже на ходу ли он - не знал, ремонтировать и водить не умел, где будет держать его, не думал.

Я знала, что у него нет ни любви к технике, ни навыков ее ремонта,

потому что видела, как в случае каких-то неполадок в аппаратуре, он просто подсовывал спички, карандаши, проволочки и никогда не доводил дело до полного порядка. Меня это всегда огорчало и даже возмущало. У него, вообще-то, были неплохие руки, и кое-что в технике он соображал, но ремонтировать, приводить в порядок - не любил. О каком же автомобиле могла идти речь? Я стала убеждать его, что такую покупку может позволить себе только профессиональный водитель, или автослесарь, или безумный автолюбитель, предпочитающий лежать под ней и копать в ее внутренностях, а не ездить на своей машине. Моя горячая тирада заставила его призадуматься, нарисованные мною перспективы его совершенно не устраивали. Он тут же позвонил кому-то и сказал, что покупать авто не будет. Убежал он еще более радостным, чем прибежал, с чувством освобождения от надвинувшихся забот. К вопросу о покупке автомобиля он уже никогда больше не возвращался.

Он был совершенно равнодушен к комфорту жилища, к одежде и всему тому, что относится к бытовой стороне жизни. В повседневной жизни все это мало интересовало его. Более того, он был крайне беспечен и очень мало заботился о своем личном и семейном благосостоянии. Его вполне устраивала маленькая комната в большой коммунальной квартире, бедная обстановка, непритязательная одежда и еда. А ведь многие его коллеги к тому времени уже обзавелись отдельными квартирами, престижным декором, дорогой импортной аппаратурой и даже машинами. Ему все это, кроме, пожалуй, аппаратуры, было не нужно.

Зато в его семейный дом, состоящий из одной комнатенки, мог зайти каждый, подчас, даже малознакомый или незнакомый вовсе. Приходили в любое время дня и ночи, приезжали из разных городов и весей, оставались отдохнуть, перекусить, переночевать. А к тому же еще и поиграть, и послушать новые записи, и попить пивка или чего-нибудь покрепче. Всех приветливо и радушно принимала его жена Наташа. Десять лет такой беспокойной, неудобной и необеспеченной жизни, наверное, вынесла бы не каждая женщина. Наташа проявила много доброты, терпения, понимания. И не будем судить ее за то, что она устала, где-то сломалась и не донесла свой крест до конца.

Вот и подошло к концу мое грустное повествование. Все это я писала не по своей инициативе, а по просьбе друзей Миши, задумавших книгу о Майке и группе «Зоопарк».

Я еще не знаю, увидят ли мои записки свет и даже не знаю, хочу ли я этого. Я не знаю, как отнесся бы ко всей этой затее Миша. Я не знаю, будет ли это кому-нибудь интересно. И вообще я не знаю, зачем и для кого я все

это писала.

Наверное, я это делала прежде всего для себя. Смерть Миши была для меня столь внезапной и трагичной, ударила так больно, что мне обязательно нужно было что-нибудь делать, во что-то погрузиться с головой. Я ухватилась за эти воспоминания, как за спасательный круг. Рассматривая фотографии и рисунки, читая сохранившиеся у нас письма и записки, я все время разговаривала со своим сыном; он был со мной и, как когда-то, моим. Я много думала о его судьбе, многое переосмыслила и поняла по-другому.

Сейчас меня больше всего волнует и не дает покоя мысль, как же я, будучи не самой плохой матерью, так любя его и заботясь о нем, не сумела его понять. Создав в своем воображении некий стереотип благополучного, шагающего вперед советского юноши с высшим образованием, я не смогла отойти от этого стереотипа. Здесь проявился прямо какой-то снобизм, в общем-то совершенно для меня нехарактерный.

Я не поняла, что Миша не был «как все», я не поняла его крайней нетерпимости к любому давлению, а его увлечение рок - музыкой считала временным, ненужным и несерьезным занятием. Я молила всех богов, чтобы они вернули сына на путь праведный, тогда как избранный им путь был целью и содержанием его жизни.

А теперь я казню себя за то, что не сумела понять его, вникнуть в его творчество и поддержать на таком тернистом и трудном пути музыканта.

Быть может, я все это несколько преувеличиваю, и сам Миша отнюдь не нуждался ни в нашем понимании и одобрении, ни в нашей поддержке - для этого у него было достаточно друзей, единомышленников, поклонников. Но мне от этого не легче. Извечная тема «отцов и детей» не миновала и нас.

В своих записках я рассказала о детстве и юности Миши: о его семье, учебе, увлечениях, главных событиях, друзьях. Но я ничего не сказала о главном - о его творчестве. А перефразируя известного поэта, он был музыкант - тем и интересен. Но сделать это - не в моих возможностях, не в моей компетенции. Я надеюсь, что это профессионально и интересно сделает кто-то из друзей.

А посвящаю я свой труд моему внуку и сыну Миши - Жене. Может быть, ему будет интересно прочитать о том, как его папа был маленьким.

Михаил Науменко

ЗАВАРНОЕ МОЛОКО

Я был там, я был здесь, я был везде, я все видел, но ничего не запомнил. Но многое забыл. У меня был дырокол и медленносшиватель. Обычно я пользовался ими днем, после приема у мозамбикского посла. Они возвращали мне мое душевное равновесие.

Я видел его, я видел ее, я видел почти всех, но я не видел себя. И все потому, что у меня нет зеркала. Я не держу его, поскольку оно имеет обыкновение мешать моим утренним мыслям. Зато у меня есть лужа ананасового сока. Она лежит у меня в холодильнике рядом со Справочником Начинающего Крамолова. Это моя любимая книга. Правда, я ее ни разу не читал, но она мне все равно нравится. Я хочу сохранить ее для моих будущих детей, если, конечно, им когда-нибудь заблагорассудится появиться на свет.

Так вот, у меня нет зеркала. А еще у меня нет кота, которого зовут Плутарх. Этот кот, старый, седой, толстый и ленивый, а питается он комарами. У него римский нос и голубые глаза. Осенью он линяет, сбрасывает рога и погружается в спячку. Зато летом он почти не спит и целыми днями пропадает в радиомагазине: он спекулянт. Я терпеть не могу спекулянтов, но кота Плутарха люблю: он хороший. Очень жаль, что у меня его нет.

Из моего окна виден натюрморт. Да, да, натюрморт в полном смысле этого слова: на соседней крыше вот уже месяц лежитдохлый слон.

Я читал, что никто не знает, куда идут умирать слоны. Так вот знайте, что слоны идут умирать на мою соседнюю крышу. За умеренную плату могу сообщить вам адрес.

Пожалуй, пора готовить ужин и идти на прогулку. Почему ужин? Потому, что сейчас утро, а вечером я не успел перекусить. Сейчас мне ужасно хочется курить, а не в моих правилах курить натошак. Это чрезвычайно вредно для здоровья. А здоровье - это чертовски важная штука, которая нужна мне для того, чтобы дожить до ста тридцати двух лет. Зачем мне это нужно? Для того, чтобы пережить мозамбикского посла. Он мне смертельно надоел, и на склоне лет мне будет приятно каждый вторник посиживать на его могиле. Сейчас, с вашего позволения, я заварю себе чашечку молока.

Вы умеете заваривать себе молоко? Нет? Напрасно. Я умею, но это мой тайный секрет, и я, пожалуй, унесу его с собой в могилу. Но это будет не скоро, я надеюсь. Лет эдак через сто - сто двенадцать.

А еще я хочу достать бомбардировщик. Я бы поставил его в лесу и сделал бы внутри ночной бар. А в топливных баках я бы солил огурцы и мариновал помидоры. Правда, я не умею этого делать, но я бы кого-нибудь нанял. Этого человека звали бы Симпсон, он был бы уроженцем штата Северная Каролина, отставным офицером флота и любителем покера. Мы играли бы с ним в покер, а иногда в канасту, днем бы он солил огурцы и мариновал помидоры, а вечером мы сидели бы с ним в ночном баре и смотрели бы по телевизору хоккей, детективы и эстрадные программы. Ночной бар - это очень полезная вещь, особенно если про него никто не знает.

А если в бомбардировщике что-нибудь начало бы взрываться, то мы бы спустились в бомбоубежище. Там тихо, светло и печально. Но, впрочем, лучше бы там было громко, темно и весело. И это было бы вовсе не бомбоубежище, а ночной бар, но про ночной бар я вам, кажется, уже рассказывал.

А еще мне нужен грохот. Я сбился с ног, разыскивая его по магазинам. Его нигде нет, а промышленность, кажется, его не выпускает. Вы не знаете, где можно достать грохот? Что я с ним буду делать? О?! Я буду его хранить и лелеять. А включать я его буду только по субботним вечерам, чтобы дома не было так тихо и чтобы мне не приходилось опять напиваться.

Я не люблю напиваться, потому что утром следующего дня чувствуешь себя теплым и глупым, и приходится опять заваривать себе молоко, а это очень длительная и трудоемкая процедура, и каждый раз она меня угнетает. Угнетает настолько, что мне хочется все бросить и улететь в Бичкрафтсити.

Бичкрафтсити - это город, в котором я родился во второй раз. Там светит солнце и царит Сухой Закон. Там живут люди и муравьеды. Муравьеды едят муравьев и комаров, и поэтому там не бывает дезинтерии. А иногда там, все-таки, идет дождик, вы знаете, дождик, как рука моей женщины. Наверное, вы ее не знаете. Ее зовут Анастасия, и она еще жива, но скоро она умрет. Я думаю, тогда я тоже умру. Но я умру не скоро: лет через сто - сто двенадцать. Я пойду умирать на крышу соседнего дома; я очень люблю слонов, точнее, не слонов, а слоников - я их люблю не меньше, чем кота Плутарха, но он все же лучше. Он мне чем-то ближе.

А сейчас мне нужно поторапливаться: я спешу на открытие Зоопарка. Меня пригласили туда, как почетного члена Общества Охраны Муравьедов.

Наверное, меня попросят перерезать ножницами ленту. Это весьма тяжелое и очень ответственное дело, но зато мне потом вручат цветы, а цветы я люблю. Поэтому я, пожалуй, все-таки схожу и перережу эту самую ленточку на воротах Зоопарка. Слово «Зоопарк» мне нравится гораздо больше, чем слово «зверинец», а гостинец - это, вообще говоря, почти подарок, а подарков мне очень давно никто не дарил, а это довольно грустно, что там ни говори. Но еще грустнее мне будет вечером, когда я приду домой. Я буду утомленным и замученным. До того замученным, что мне опять будет казаться, что на крыше соседнего дома лежит мертвый муравьед, или мертвый слон, или мертвая Анастасия. И мне опять станет грустно, и я опять долго не смогу уснуть. И, наверное, я опять напьюсь пьяным. А утром я опять проснусь чертовски уставшим. Я чертовски устал просыпаться чертовски уставшим. И заваривать молоко.

А. Рыбин

КАК ЗВЕЗДА РОК-Н-РОЛЛА

Снег валил на Волоколамскую, на Боровую, на Разъезжую. Из черноты предрассветного неба он сыпался на Лиговку, на Невский, на Кировский. На Купчиново, на Веселый поселок, на Красное село, на Царскосельский лицей, на совхоз «Шушары». На Москву. Он покрывал толстым слоем Среднерусскую возвышенность, черноземную зону, Крым, Кавказ, Кара-Кумы, Турцию, Индию и Египет, Новую Англию, Небраску и Калифорнию. Ветра совсем не было и белые легкие хлопья плавно кружили над Чили и Колумбией, над Колизеем и Тауэром, над Эмпайр-Стэйт-Билдинг и Ла-Саграда Фамилия, над статуей Матери-Родины, над Золотыми воротами. Они плавно скользили вниз по Стене Плача и по Великой Китайской Стене, пролетали мимо слепых черных окон Парижа и Амстердама, Венеции и Вышнего Волочка, Чикаго и Чебоксар, ложились на пустые улицы городов, на замерзшие автомобили, на лед рек и озер, на остановившиеся огромные заводы и закрытые магазины.

Майк стоял на углу Боровой и Разъезжей, ежился от холода, засунув руки в карманы легкого, песочного цвета плаща, надвинув на глаза 1шпку-ушанку, и смотрел себе под ноги. Цепочка следов, которая начиналась в подворотне дома по Волоколамской и заканчивалась под скороходовскими ботинками Майка, была единственной на всем обзримом пространстве, белом и ровном, как слегка отстоявшаяся пивная пена. И кроме этой цепочки не было больше нигде ни следов автомобильных покрышек, ни вмятин от сапог, ботинок или сандалий, ни даже от босых ног, ни пацифистских отпечатков птичьих лап, ни лыжни, ни колеи, ни тропинки... Никто не выходил еще сегодня на улицу, никто, кроме него.

Он стоял один и смотрел себе под ноги. Было воскресное раннее февральское утро. Воскресенье было сегодня во всем мире, и, конечно же, все люди на планете еще спали - спал Цой, лежа на полу в майковской комнате, головой заехав под обеденный стол, спал Рыба на кресле-кровати, спал в соседней комнате гитарист Шура со своей молодой женой, спал в маленькой каморке Гребенщиков, ворочался во сне Маккартни и неподвижным пластом лежал Лу Рид, храпел Брежнев, замученный государственными делами в своем кремлевском кабинете, уронив голову на полированный дубовый стол, вечным сном спал в мавзолее Ильич, в общем, каждая собака сегодня отдыхала и никуда не спешила.

Майк тоже не спешил - он привык выходить из дома за час до начала

смены, а дорога занимала от силы минут тридцать. Он смотрел на две белые пирамидки, выраставшие постепенно на носках его ботинок и думал о том, что по воскресеньям работают только дураки.

Стена дома напротив вдруг вспыхнула ярким желтым светом, заблестели черные прежде окна и почти до крыши выросла на стене огромная, контрастная тень ссутулившегося человека. Тень была странно знакома и чем-то привлекательна. Майк повел головой в сторону, и тень повторила его движение. Тогда Майк вынул из карманов руки и поднял их в приветствии, и тень ответила ему тем же. Сзади раздался резкий гудок. Майк повернулся и неторопливо подошел к огромному белому «Кадиллаку», который стоял на перекрестке с включенными фарами и открытой передней дверцей.

Он устроился на мягком широком сиденьи и, благо габариты салона это позволяли, вытянул замерзшие ноги, расслабился, полулежа на мягких подушках. Сидевшая за рулем Вера смотрела на него с улыбкой, ждала, пока он прикуривал, делал первую затяжку, потом спросила:

- Холодно?

- Весьма и весьма, - ответил он стуча зубами.

- Сейчас согреемся. Машина мягко тронулась и поплыла по черно-белой улице Марата.

34-й трамвай с улицы Марата сворачивает на Колокольную, затем направо - на Литейный. Повороты эти особенно неприятны - то приваливают к ледяной стенке, и приходится напрягать шею, чтобы не стукнуться головой о замерзшее стекло, то посылают тело в пустой проход между сиденьями, и тут уж нужно упираться ногами в скользкий, покрытый инеем пол. Не задремать и не сосредоточиться. Но вот Литейный, и теперь аж до улицы Белинского только по прямой. Теперь можно спокойно закрыть глаза и попробовать забыться, чтобы, если повезет, не заметить поворота к цирку и проехать его во сне.

Трамвай совершенно пуст - он один в ледяной железной коробке, сегодня выходной у всех, у всех...

Вот дома за окном кончились - трамвай выехал на Кировский мост. И совсем жутко становится - чернота бездонная, бесконечная за окном, а внизу светло-серый лед и снег, река-Нева... Антигуманный она все-таки сегодня вид имеет, страшноватый, и неприятно, тревожно смотреть вниз, а глаз не оторвать, тьфу ты, пропасть! БГ вот все поет: «Река - Река, Трава - Трава»... О другой, наверное, какой-то реке, не об этой - фу, гадость какая. Направо посмотришь - ни хрена не видать, налево глянешь - там хоть Васильевский остров, там Шебашов живет, тоже спит еще, небось... Как

одинок в трамвае воскресным утром... И как прекрасно, что сегодня воскресенье!

На службе сегодня никого не будет, можно сразу завалиться на диван и часов до одиннадцати спать. Потом, спасибо, что есть телефон, позвонить Панкеру. Или Ише. Или Шебашову. Да, впрочем, они и сами позвонят - воскресенье ведь сегодня - все отдыхают. Да, все, кроме него. Вот и пускай, по такому случаю пива принесут. Или рома кубинского. Рома с пепси-колой - его любимого напитка. Ром и пепси-кола - все, что нужно звезде рок-н-ролла... Это так здорово морозным февральским утром - ром с пепси-колой!

Все-таки это было его любимое, если только это слово может передать отношение к службе, место работы. В Большом театре кукол на должности звукорежиссера он продержался всего около года - туда нужно было ходить каждый Божий день, вернее - каждый вечер. А это было просто невыносимо - каждый вечер служить. Имелись, конечно, и плюсы: театр находился в центре города, и это было приятно - он любил Город. И было чисто, и вокруг стояли магнитофоны и коробки с магнитной лентой, и пульта, и еще кое-какие Приспособления. Но каждый вечер - увольте! И он уволился. Сторожить стадион имени Сергея М. Кирова было много приятнее - сослуживцы оказались просто замечательными, и скучать там не приходилось, а ходить на работу ранним утром по широким красивым и пустынным аллеям парка ему очень нравилось - свежий воздух выгонял из легких ночной никотин и все сопутствующие вещи. Но ездить от Московского парка Победы до Приморского - это далеко не сахар, особенно, если в ночь перед службой он принимал гостей, что случалось довольно часто. И он уволился.

А работать все-таки нужно было, просто необходимо было работать. И не для денег, а просто закон такой существовал - надо работать. И после непродолжительна поисков он нашел это чудесное местечко, в котором осел надолго - деревообделочные мастерские, что расположились на Петроградской набережной неподалеку от легендарного крейсера «Аврора», в непосредственной близости от ряда продовольственных магазинов, пары пивных ларьков, станции метро «Горьковская», трамвайных путей и Невы - вот как удобно все. Место это, хотя и находится в центре города, тем не менее, достаточно уединенно и безлюдно, располагает к неспешным раздумьям и самосовершенствованию, поскольку внешние раздражители абсолютно отсутствуют. А если их вдруг захочется, то на этот случай есть телефон и огромное количество номеров верных и старых друзей. Есть также диван, большущий кусок толстого поролон для

гостей, если кто-то из них вдруг захочет заночевать.

Как-то постепенно скромная сторожка превратилась в его офис - здесь он назначал деловые свидания, неделовые тоже случались здесь, принимал иногородних гостей, а также поклонников и поклонниц его творчества, которые порой досаждали ему, и он не хотел, чтобы они беспокоили его дома, здесь он работал - писал, читал, приносил сюда гитару, маленький переносной телевизор и радиоприемник, короче говоря, он обжился здесь и вполне благоустроил свое рабочее место.

Он бывал на службе раз в трое суток - обычный режим для работы такого рода - и не уставал от однообразия, более того, он очень добросовестно относился к своим обязанностям сторожа, даже один раз пойман вора. Вор залез, правда, не в мастерские, а в техникум, что находился по-соседству. Это заведение, по счастливому стечению обстоятельств, сторожил старый друг Майка - Сева Гаккель. Однажды, во время обхода, Сева обнаружил следы взлома на дверях медицинского кабинета и тут же поднял тревогу. Вор, который еще находился где-то поблизости, вместо того, чтобы дать тягу по набережной, зачем-то перемахнул через забор и оказался на территории Майка. Но Сева был сметлив и, позвонив в милицию, решил подстраховать товарища и позвонил также в деревообделочные мастерские Майк очень обрадовался позднему звонку друга и, побеседовав с Севой о том, о сем, вышел на подведомственную ему территорию, где с помощью подоспевших стражей порядка и задержал преступника, ошалело бродившего между штабелями досок и бревен в поисках выхода.

Он вышел из трамвая на «Горьковской» и пошел неторопливо по улице Куйбышева в сторону Невки. Вокруг по-прежнему было пустынно, под ногами приятно скрипел снег, но в голове уже появилась ясность, в душе - бодрость, вырисовывались уже планы на сегодняшний день - короткий и прекрасный зимний питерский день.

На квартирнике.

Майк жил теперь на Волоколамской улице в комнате, принадлежащей его жене Наташе. Комната была шикарная - длинная, узкая, на последнем этаже огромного старого дома, в классической коммунальной квартире. Становым хребтом квартиры служил длинный прямой коридор, начинавшийся от входной двери и упиравшийся в кухню, которая служила жильцам этого удивительного места в зависимости от обстоятельств то гостиной, то холлом, залом заседаний, распивочной, столовой, детской площадкой, предбанником, прачечной, складом... Да что говорить - большинство горожан прекрасно представляют себе все возможности и функциональные особенности коммунальной кухни. Комнаты

располагались по правую, если смотреть из кухни, сторону коридора, а левая сторона сияла окнами, из которых открывался чудный вид на железное неровное поле крыш, уходящее до горизонта. Там и сям из бугристой поверхности торчали трубы котельных и заводов, которые непрерывно дымили, коптили и распространяли гарь и зловоние. Но индустриальные запахи не досаждали жильцам квартиры N - они были блокированы кондитерской фабрикой, которая стояла прямо рядом с их домом, и в коридоре, на лестнице, в окрестных дворах преобладал устойчивый, сразу узнаваемый и пробуждающий ностальгические чувства по ушедшему детству, по семейным тихим праздникам и ноябрьским демонстрациям, запах какао и ванили.

Майк сразу поладил с соседями. Надо сказать, что в принципе, жители коммуналки делятся на две категории - пьющие и непьющие. И редко случается, что они живут одним лагерем - чаще это обособленные группировки, пребывающие постоянно в состоянии холодной или горячей (тут уж как повезет) войны. В квартире N холод отношений был смягчен, а пожар притушен с появлением в ней Майка. Непьющих аборигенов очаровала его интеллигентность, здравомыслие и порядочность, а пьющая часть общества тоже видела в нем своего братка, поскольку к нему сразу же начали ходить гости с характерно позвякивающими сумками.

Он возвращался домой рано утром - смена заканчивалась в восемь. На трамвае до Лиговки, минуя Московский вокзал, выходил на Разъезжей и углублялся в переулки, в проходные дворы, шел мимо красивого когда-то дома с каменными головами лошадей на фасаде (теперь здесь находилась живодерня), входил в темную днем и ночью подворотню, направо - в узкий, изломанный подъезд, и в крохотном неуютном лифте, по счастью работающем, поднимался к себе на седьмой этаж.

Он садился на зеленый узкий диван, выменянный им у Рыбы на пластинку «Хэрригейнз», распечатывал свежую пачку «Беломора», протянув руку, включал магнитофон - старенькую «Орбиту», купленную за гроши на службе у случайного алкаша, не вставая, брал с полки книгу и выстраивал вокруг себя стены из Чака Берри и Керуака, из Тургенева и «Роллинг Стоунз».

В тесноте его комнаты была масса плюсов - не вставая с дивана, он имел возможность проделывать массу дел: включать и выключать телевизор, стоящий на обеденном столе, обедать, завтракать и ужинать, выпивать-закусывать, копаться в книгах и пластинках, печатать на машинке...

Но все это можно было проделывать при условии, что он home alone,

что случалось год от года все реже и реже. Нельзя сказать, что количество друзей у него росло быстро, - в основном оставался старый круг испытанных и проверенных в радостях и передрягах, голоде и застольях любимых людей. Но просто знакомых, желающих поболтать с ним и выпить рюмку-другую водки или кружечку пива, становилось больше и больше, буквально, с каждым днем..

По раскаленному шоссе, там, где оно огибает город Калинин (в прошлом и нынешнем - Тверь), в полдень жаркого июля 198... года, автоматически переставляя ноги и обливаясь потом, двигалась в сторону Ленинграда странная пара. Два человека неопределенного возраста шли молча, часто оглядываясь и вздыхая, лица их были покрыты слоем серой пыли и имели отрешенное выражение с оттенком безысходности, какое бывает у солдат, стоящих в каком-нибудь почетном карауле, или у официантов, ожидающих, когда клиент произведет проверку принесенного счета.

На этом участке шоссе, примерно на протяжении километров сорока, нет ни единого населенного пункта, и решительно было непонятно, откуда и куда направлялись эти странные пешеходы - одеты они были явно не по дорожному: первый и, видимо, старший, что явствовало из более уверенной его походки и осанки, был маленького роста, в черной выглаженной рубашке с отложным воротничком, в черном же галстуке-бабочке, черных брюках и в каких-то старомодных бальных штиблетах; а второй - высокий, тощий, с длинными жидкими волосами и с одним глазом почему-то больше другого, выглядел совсем уже по-дурацки - белая, страшно грязная рубашка, замшевая жилетка, широченные яркие желтые штаны, тоже изрядно пострадавшие от дорожной пыли, и старые, видимо, белые когда-то кеды.

Багажа, как такового, эти господа тоже, собственно, не имели - трудно назвать багажом пустой полиэтиленовый пакет, зажатый у тощего в кулаке, и бутылку из-под «столичной», которую зачем-то тащил с собой маленький человечек, одетый в черное.

- Ох, скорее бы, - с натугой произносил тощий.

- Что?

- Воды...

Одетый в черное промолчал. Глаза его скрывались за огромными каплевидными черными очками, но даже сквозь них мелькнула молния презрения к такой явной слабости и нетерпеливости попутчика. Сам он пить хотел мучительно. Пустая бутылка в руке притягивала взгляд и требовались усилия, чтобы не смотреть на нее, ибо один вид водочной бутылки мгновенно вызывал сладостные, чудесные воспоминания о недавних радостях, что пропорционально усугубляло тяжесть настоящего

момента. А тут еще попутчик, которого он знал уже довольно много лет и все это время был с ним в весьма теплых дружеских отношениях, проявлял себя как редкостный зануда - раз двадцать уже начинал бормотать о каких-то электричках, поездах и бубнил: «Майк, Майк, поехали по железной дороге, я хочу быстрее, хочу того, хочу сего...».

Идея ехать «стопом» из Москвы в Ленинград принадлежала Майку. В столице они, наконец-то, достигли счастливого состояния полной оторванности от всяких социально-экономических структур - деньги у них кончились, и это было приятно. Только в двух случаях удастся достигнуть полного освобождения от экономической зависимости - либо, когда денег очень, очень-очень много, либо, когда их вообще нет. Третьего не дано.

Майк со своим разноглазым приятелем прибыл в столицу Советской России, имея в кармане один рубль двадцать семь копеек. Сколько было у приятеля - это никому не известно, - приятель не говорил, а Майк из вежливости не расспрашивал. Первым делом Майк приобрел на Ленинградском вокзале пачку «Беломора», затем позвонил из телефона-автомата Александру Липницкому. Они, собственно, и приехали к Александру на день рождения - ему стукнуло уже тридцать три года, и он их ждал, но привычка звонить перед приходом в гости была одной из самых укоренившихся у Майка. Выяснив, что их ждут с нетерпением, они направились было к метро, но разноглазый приятель вдруг спросил:

- Майк, у тебя есть рубль?

- А у тебя? - вопросом на вопрос ответил Майк.

- Нет.

- А у меня есть.

- Может быть, поедem на рубле? - осторожно осведомился разноглазый

- Мудро, - сказал Майк.

Через пять минут вежливый и милый частник вез их на сверкающих белых «Жигулях» по Садовому Кольцу в сторону Каретного Ряда...

Липницкий был одним из первых устроителей подпольных рок-н-рольных концертов в Москве и, конечно, Майк и его приятель знали Александра уже сравнительно давно и были с ним в хороших дружеских отношениях. Он был отличным специалистом в области рок-н-ролла, в области джаза, литературы, да и помимо всего этого, он был просто отличным парнем, если это понятие применимо к бородатому тридцатитрехлетнему мужчине. Помимо всего прочего, Александр Липницкий был богат, что являлось редкостью в том кругу, где вращались Майк, Разноглазый, приятели их приятелей... И был вечер, и было утро, ночи были какие-то странно яркие, залитые электрическим светом, или

мертвенно-синие от горящего экрана телевизора, были дамы в мехах и были дамы в шелках, были дамы безо всего и проход в дамки, и фраза «Мирку пить больше не давать», и сам Мирок тоже был с соломой в страшной бороде, и был стол, но не было стульев, были ковры и фильм «Томми», были спальные мешки и тонкий хрусталь, и Садовое кольцо вставало стеной перед глазами, не пуская на противоположную сторону тротуара, где находился гастроном, был сад «Эрмитаж» и пиво «Останкинское», и «Наша марка», и Капитан Лелека тушил на кухне мясо, а Мирку не давали пить, и он тряс страшной бородой, и песни, и рок-н-роллы, и Мирок пил втихаря в ванной, закусывая вытасченной из бороды соломой, и был «Москвич», въехавший на узкий дипломатический пляж, и был голый, огромный, весь волосатый Петр Николаевич Мамонов со шрамом на груди, выгружающий из багажника ящики с пивом и швыряющий их в реку, и ром был, и джин, и густой еловый лес, и из леса вышел Никита Михалков, хитро улыбаясь, и нес он в одной руке двух дам, а в другой нес он две бутылки «Кончаловочки», и Мирок плавал по Москве-реке в полной амуниции и с соломой в страшной бороде. И люди прилетали сюда на самолетах и приходили пешком, приезжали на поездах, приплывали на лодках и вплавь, через горы, через реки, буераки и овраги, буреломы и леса, шли сюда отовсюду и праздновали праздник, и Майк решил поехать в Ленинград «стопом», и Разноглазый увязался за ним, и очнулись они только не доехав километров тридцати до Вышнего Волочка...

Майк имел богатый опыт в подобного рода поездках, хотя и не часто об этом рассказывал. Поездки «стопом» ассоциировались в сознании слушателей с образом жизни хиппи, а хиппи Майк терпеть не мог, по крайней мере, он так утверждал. Чем ему досадило это лохматое и мирное, в общем-то, сообщество, он не разъяснял, но фразу «я ненавижу хиппи» можно было услышать от него довольно часто. Возможно, сказалось его увлечение глэм-роком, а именно: Марком Воланом. Этого человека он просто обожал, знал про него едва ли не больше, чем кто-либо в Советском Союзе. И блестящие костюмы Марка, его шикарные лимузины и его стихи несколько не соответствовали хиппанам российского образца, хотя многие из них в своих вкусах были достаточно эклектичны. И уж дураку понятно, что советский способ существования был органически неприемлем для мира Марка, для мира рок-н-ролла вообще, для мира, который Майк знал едва ли не лучше, чем тот, что окружал его с детских лет.

И наше родное суперполитизированное государство было отторгнуто Майком, едва он достиг более или менее сознательного возраста. Да и он,

собственно, как и многие другие, был отторгнут этим государством и, фактически, в том виде, в каком он чувствовал себя, будучи настоящим рок-н-роллером, был лишен права на существование в нем. Иметь это право можно было, лишь приняв условия государства, полностью подчинившись ему, забравшись с головой под его пресс и не высываясь ни на миллиметр. Любая часть тела, выступающая за пресс-форму, мгновенно отсекалась, в особенности, если этой частью являлась голова.

Майк, Разноглазый, Липницкий и все их приятели и друзья жили по сию пору в относительном благополучии только за счет того, что за долгие годы отсекаания различных органов у своих граждан государственная машина подустала и сейчас находилась в каком-то полуканикулярном, отечно-размягченном состоянии. Не то чтобы она совсем уж расслабилась, нет, нет, одной железной рукой она крепенько держала свой народ за торчащий измученный кадык, стократно обожженный спиртом и криками «ура», но другая рука, в которой обычно находился топор, была занята, видимо, почесыванием пролежней и выгребанием перхоти с чудовищной своей туши.

Никто из них не был так называемым тунеядцем, и нельзя было их за это посадить в тюрьму - все они числились на каких-нибудь незатейливых должностях. Уголовный кодекс они так же не нарушали, и определить их как бандитов было тоже довольно проблематично. Но ведь определяли же, точнее, не хитрили и не искали вычурных юридических путей для вынесения приговора, прямо давали понять, что «не фиг тут выступать».

Все было спокойно, и вяло текла тихая жизнь советских граждан по мелкому илистому руслу. Некоторая часть советской молодежи даже тихомирно слушала рок-н-ролл, и песня «Гёрл» была выпущена еще где-то в начале семидесятых на странном сборнике - среди немецких и французских шансонеток, следом за ней вышла гибкая пластиночка с четырьмя песнями «Битлз», появились миньончики «Дип Папл» и «Чикаго» - эти, правда, без указаний названий групп, написано на них было просто - вокально-инструментальный ансамбль. Ну и, конечно, «Роллинг Стоунз» уже получили (первые из западных рок-групп) авторский гонорар из СССР за миньон «Нарисуй это черным». Радиоприемники в силу технического прогресса тоже были почти в каждой квартире, и иной раз сквозь вой и грохот глушилок можно было услышать кое-что из западной музыки. Наконец, широкое распространение получило чудо советской радиоэлектроники - магнитофон. И молодые люди с удовольствием слушали жуткого качества записи «Битлз», «Юрайя Хил» и «Слэйд», с легкостью совмещая это занятие с комсомольскими собраниями,

«общественной работой» и изучением трудов столпов материализма.

Но не все. Если принять допущение, что образ жизни советского человека-инженера был здоровым образом жизни, то рок-н-ролл, безусловно, являлся опасной болезнью. Большинство граждан обладало врожденным иммунитетом от этого заболевания, трансформировавшего личность, но некоторые, достигнув определенного возраста, заражались и страдали (или не страдали?) этим незнакомым советским терапевтам и психиатрам недугом, который, как оказалось, был практически неизлечим. Майк принял рок-н-ролл. Принял его безоговорочно и навсегда. Это удивительное состояние, когда исчезают расстояния, стираются границы и рушатся таможни, когда незнакомые прежде музыканты из дальних стран вдруг из разряда просто музыкантов переходят в разряд твоих близких друзей, о которых ты знаешь все и понимаешь их с полуслова. Рок-н-ролл вошел в реальность жизни Майка, стал таким же его окружением, такой же неотъемлемой частью его мира, как огромное поле с его домом и как цирк «Шапито», каждое лето там выставший, как знакомые станции метро, папиросы и «Рислинг», трамваи и осенние продавцы арбузов, как Нева. Он открыл для себя Лондон и Нью-Йорк, Ливерпуль и Сан-Франциско, он чувствовал эти города также, как Петербург, как Москву, как свою квартиру. Его новое окружение - западные музыканты - бывало иногда даже ближе к нему, чем питерские приятели. Они всегда были с ним, внутри

него. Он говорил на их языке, читал те же журналы, что и они, пел их песни, и жизнь приобретала иной смысл, иную скорость, иные масштабы и единицы измерения.

Оценки окружающей действительности качественно менялись, но не менялся пейзаж за окном, неизменными оставались раз и навсегда, казалось, утвержденные «нормы поведения в общественных местах», «честь и достоинство советского гражданина», расписание занятий в институте, темы лекций по общественным наукам, уличное хамство, к которому все привыкли и принимали за достоинство, глупое панибратство, считавшееся добродушием, и идиотизм, называющийся систематизированными знаниями.

А ведь совершенно очевидно было, что «all you need is love». Да, это практически все, что нужно. Не прописка же, в самом деле, не зарплата и профсоюзный билет, не ленинские субботники и уличный мат, не трамвайные талоны и институтские дипломы. Все проблемы и сложности, которые определяли жизнь каждого советского человека, регламентации и кодексы, указания и приказы оказались ненужными, смешными и абсурдными, оказались хламом, который можно стряхнуть одним

движением, одним жестом - поднятием вверх руки стоя на трассе.

Майк ездил «стопом» с удовольствием, много и долго, объездил, как он говорил, полстраны. Путешествовал он иногда один, а иногда - в компании, которая как-то сама собой сложилась в его родном городе и называлась среди знакомых скромно - «Аквариум».

Это была не только группа «Аквариум», это была замечательная компания молодых людей, не вписывающаяся ни в какие государственные рамки и всем формам препровождения времени предпочитавшая досуг. На досуге, из которого в основном и состояли годы их счастливой жизни, они пели и пили, танцевали и читали стихи, писали картины и романы, любили красивых и некрасивых женщин, играли на гитарах, виолончелях, роялях, гармониях и флейтах и с удивительной легкостью перемещались из одной квартиры в другую, меняли места работы и ночлега чаще, чем среднестатистический гражданин ходит в парикмахерскую, перемещались из конца в конец страны непредсказуемо и внезапно, меняли климатические зоны и прически, походку и пластинки, слушали рок-н-ролл с упоением, друг друга - с любовью и вниманием.

Эти ребята были профессионалами по большому счету. То есть, по самому большому - жизнь не делилась у них на определенные части - сейчас ты, дескать, играешь рок-н-ролл, а вечером, мол, читаешь газету и ужинаешь. Или вот сейчас пьешь портвейн, а завтра не пьешь. Они играли рок-н-ролл все время - на сцене, дома, в лесу, за ужином, когда читали газету, ну, а уж когда пили портвейн, то и подавно. При этом можно было даже не иметь под рукой музыкальных инструментов и даже не петь - практически любое действие, совершаемое этой компанией автоматически становилось рок-н-роллом.

Основным препятствием для большинства рокеров служило то, что они наивно пытались совместить обычную советскую карьеру с рок-музыкой, а это в принципе невозможно. Постепенно делание карьеры - будь то институт, работа, даже внешний вид и работа над ним в соответствии с общепринятыми стандартами съедали энергию и время, и рокер превращался в учителя, инженера, шофера или просто добропорядочного семьянина, аккуратно платящего профсоюзные (или даже партийные) взносы и смотрящего по воскресеньям «Утреннюю почту». Вместо новой гитары покупался ковер или «стенка» и пошло-поехало...

Они не имели самого главного для того, чтобы играть рок-н-ролл - НЕЗАВИСИМОСТИ. Кроме этого, конечно, существует очень много вещей, желательных для рок-музыканта - умение, терпение, работоспособность, фантазия, юмор, ну и, по возможности, талант. Но без

НЕЗАВИСИМОСТИ правильного рок-н-ролла все равно не получится. Именно это и вызывало тревогу у блюстителей советской культуры, именно этим и был опасен рок для страны Советов - своей свободой, раскрепощенностью и НЕЗАВИСИМОСТЬЮ. Очень немногие, на самом деле, из начинающих играть рок-н-ролл остались в нем до конца и всю жизнь занимались только им, не съехали в кабаки, в бизнес, в попсу или куда-то еще.

«Аквариум» и Ко стремились обрести эту независимость и двигались в этом направлении довольно успешно. В какой-то момент они стали независимы настолько, что помимо занятий рок-н-роллом, который занимал, как уже говорилось, 24 часа в сутки, стало еще откуда-то выкраиваться, подтверждая тем самым теорию относительности, время для занятий литературной или научной деятельностью. Б.Г. писал пьесы и романы (которые никогда не будут окончены). Майка привлекала научно-исследовательская деятельность, и он долго трудился дома, на работе, в гостях, ставил эксперименты на окружающих и на себе, в результате чего создал подробную диаграмму отношения крепости напитка, объема посуды и цены его в копейках. Диаграмма наглядно демонстрировала эффективность выпивания определенных напитков и позволяла продуктивнее расходовать имеющиеся в наличии средства.

А что касается собственно рок-н-ролла, то здесь вообще обстоятельства сложились довольно странным образом. Получилось так, что основная масса рокеров - ребята среднего класса, рабочие и т.д., то есть те, кто во всем мире является основным потребителем рок-н-ролла, воспитывалась большей частью на группах типа «Black Sabbath», «Deep Purple», «Led Zeppelin» и подобных им отличных, в общем, групп, крепко стоявших на блюзовой основе. Но именно стоявших на ней, а не являющихся корнями рок-н-ролла, как, например, Чак Берри. Большинство русских рокеров видело, так сказать, вершки, а не корешки. А корешки эти самые доставались как раз в основном интеллектуальным кругам еще с шестидесятых годов - кто-то ездил за границу и привозил оттуда пластинки Пресли, Чака Берри и Билла Хэйли, кто-то получал их изредка по почте, что было просто чудом, но все-таки случалось. И в результате интеллектуальная элита торчала от Чака Берри и Бо Диддли, а парни из рабочих предместий зависали на поступавших позже, но в большем количестве «Genesis», «King Crimson» и «Yes». Все наоборот.

Ну, элита там, не элита, а Майк и его друзья тяготели как раз к корешкам. Так уж получилось. И, соответственно, их музыкальные упражнения опирались не на вторичные группы, а вырастали из настоящих

корней, они начинали сначала и сразу правильно, не изобретая велосипед и ничего особенно не придумывая.

Майк просто влился в струю рок-н-ролла и с наслаждением плыл по ней, и в ней обрел ту самую независимость, которая делит музыкантов на профессионалов и дилетантов. И если для многих и многих рок-н-ролл оставался занятой игрой, то для Майка это была абсолютная реальность, не исключая реальности окружающего мира, но параллельная ему. А поскольку все это было «по-настоящему» даже без кавычек, то Майк принялся записывать настоящие альбомы с настоящими обложками и с настоящей музыкой.

Декларацией независимости стал альбом «Майк + Б.Г.», (или Б.Г.+ Майк) «Все братья - сестры». Экспериментальным путем было доказано, что качество и сила рок-н-ролла никоим образом не связаны с наличием фузза и квака, киловаттной аппаратуры и наличия в песнях какого-либо протеста и гитарных запилов.

Однажды Майк, Б. Г. и Монозуб слушали концертную пластинку Лу Рида «Lou Reed Live». В одной из песен любимые Майком гитаристы Стив Хантер и Дик Вагнер играли десятиминутное соло. «Слышите, какая в зале тишина, - заметил Монозуб. - Все торчат». «А может быть, все ушли?» - предположил Майк. Такое вот отношение к длинным гитарным записам высказал Майк в дружеской беседе и воплотил его в жизнь на «Всех братьях - сестрах».

Здоровая наглость или просто смелость, а, вероятнее всего, просто уверенность в себе и способность связно излагать свои мысли дали замечательный результат - без хитроумных самодельных технических приспособлений и утомительных перезаписей с магнитофона на магнитофон, чем занимались все остальные рокеры Ленинграда и области, на свет появился превосходнейший альбом. Собственно, это был первый по-настоящему профессионально сделанный и записанный рок-н-ролл. Специально или интуитивно, но Майк и Борис не пошли по топкому пути использования различных советских электронных примочек, в принципе не предназначенных для рок-н-ролла и любую песню превращавших в нечто эстрадно-невразумительное, без монофонических микшеров и прочей дряни, а просто записали свои песни так, как они их слышали. Записали так, как надо.

Борис был уже фигурой довольно известной - он играл и пел часто и много, причем в самых разных местах и для разной аудитории: университет, школьные танцы, Казанский собор, Михайловский сад, то есть, концертировал везде, где только возможно. «Я хочу есть и петь», -

говорил он. Майка же знали несравнимо меньше, вернее, кроме десятка самых близких друзей, как музыканта, как автора, его вообще не знали.

Худенький интеллигентный и тихий юноша, похожий, несмотря на вполне сознательный уже возраст, на ученика старших классов средней школы, со странной, какой-то старообразной манерой речи, изобилующей словами «весьма», «сударыня», «премерзкий» и подобными, не употребляющимися большинством поклонников питерского (ленинградского) рока. Чистые, точные обороты мешались у него с огромным количеством англицизмов, понятных далеко не всем, и джазово-хипповским сленгом: «кочумай, старичок, премерзкий саунд...» Одевался мальчик Миша неброско, роста был небольшого и как-то терялся на разных «сейшенах», в которых принимал участие на фоне куда более статного и яркого, уже ставшего мэтром для ограниченного контингента волосатых фанов Б.Г. Он иногда играл в составе Аквариума то на басу, то на гитаре, подпевал Б.Г. и пел сам - много на английском и реже - на родном языке. Его сценические действия были довольно необычны и странны - мальчик Миша преображался вдруг в МАЙКА - чужого и малопонятного персонажа, который пел абсолютно мимо нот, если то, что он делал вообще можно было назвать пением, страшно манерничал и кривлялся, проглатывал окончания и начала слов и обильно разбрасывал среди своих фраз всякие «Ох», «Ах», «Мммм», «У-у-у-У», нарочито гнусавил и закатывал глаза. Все это он проделывал с такой потрясающей самоуверенностью и смелостью, был настолько НЕЗАВИСИМ, что его песни все-таки слушали. И тем, кто слушал внимательно - в основном это были его друзья, знакомившиеся с этими песнями на домашних выступлениях в узком кругу, мгновенно становилось ясно, что это подлинные шедевры, к примеру, «Детка», «Ода ванной комнате» и другие - просто гениальные песни, просто РОК-Н-РОЛЛ.

«Все братья - сестры» были набором первоклассных песен, настоящих хитов - что у Б.Г., что у Майка. Качество материала вполне соответствовало качеству исполнения - если говорить только о пении, то это, пожалуй, самая лучшая вокальная работа Б. Г. Он и открывал альбом отличной, энергичной и в меру философской песней «Я думаю, ты не считал себя Богом...», а запись была просто блеск! Из всего того, что Борис наиграл на гитаре, отчетливо слышны на пленке только две ноты, ощущение такое, что используются только имеющиеся в наличии струны «Ля» и «Ре» - остальные звуки идут красивым ненавязчивым фоном, и Фил Спектор умер бы от зависти, услышав такую скромную аранжировку...

Технология записи «всех братьев...» была вполне оригинальной и

свежей: во чистом поле, что характерно, неподалеку от Штаба Революции (Смольного института благородных девиц), на берегу знаменитой реки стоял магнитофон «Маяк» с ненаправленным микрофоном, а рядом сидели на травке Михаил Васильевич Науменко и Борис Борисович Гребенщиков и играли на уникальных гитарах. Так что фоном к их музыке служили естественный шорох травы и натуральный плеск реки. Все это прекрасно отвечало академическому исполнению первой песни Б.Г. Но все на свете заканчивается, и когда стих последний звук одной из струн Бориса, в пасторальную идиллию окрестностей Смольного ворвался, сметая тональность и расшвыривая во все стороны несколько нот, составляющих простенькую мелодию, ворвался с сознанием собственной силы и правоты резкий гнусавый голос. Голос героев Хемингуэя, Ремарка и Олдингтона, голос Аль Пачино и Алена Делона, голос человека в черных очках, с руками, засунутыми в карманы длинного плаща, и с вечной сигаретой в углу рта. Он был настолько убедителен, что, кажется, убедил даже Бориса - в следующей песне Б.Г. вдруг ни с того ни с сего сыграл совершенно безумное соло на гармошке, все состоящее из одной воющей протяжной ноты - у-у-у-у... А Майк все продолжал и все глубже погружался в образ одинокого волка - «Винооооуу... киноооуу... биллиаааааард...»

Альбом разошелся тиражом в 10 (десять) экземпляров - цифра точная, поскольку альбом был профессионально оформлен фотографом-художником Андреем «Вилли» Усовым, который отпечатал десять комплектов обложек, оклеил ими коробочки с магнитной лентой и, помолвившись, запустил все это, так сказать, в массы.

Никому, практически, неизвестный Миша Науменко неожиданно выдал такие потрясающие хиты как «Детка», «Ода ванной комнате», «Гость» и другие, так непохож он был на все, что делалось в рок-Ленинграде, рок-Москве и окрестностях, что остановить его было уже невозможно - в этом случае, безусловно «The show must go on!!» И оно продолжалось, с переменным, правда, успехом.

В Ленинграде деятельность такого рода носила локальный характер и происходила в узком кругу посвященных и допущенных, не вылезая на поверхность земли и, оставаясь андерграундом, варилась в собственном соку средней крепости. Вообще это был тихий, спокойный город с прямыми, хорошо простреливаемыми улицами (в фигуральном смысле, слава Богу), обзор местности был хорош, и трудно приходилось тем, кто желал собраться в одном месте большой группой и начать играть на гитарах - отовсюду сразу набегали проворные милиционеры и растаскивали народ по разным углам, норам и закоулкам, где обстоятельно

внушали мысли о вреде такого рода общения. Чиновный же люд обитал здесь в основном мелкий и трусливый, не любящий рисковать и высовываться и, посему, раз и навсегда определивший свое отношение к рок-н-роллу - его, мол, у нас в городе нет и все тут. Есть «Поющие гитары», «Лира», «Ленинградский диксиленд» - и достаточно. Идеологически выдержанная, солидная и добротная музыка. А никаких «аквариумов» и Майков просто нет.

А у них, в свою очередь, качество появлявшегося материала уже входило в противоречие с имеющимися возможностями для его реализации - песни нужно петь, особенно, если это рок-н-ролл. А играть такие вещи, как «Детка» или «Как звезда рок-н-ролла» на кухне, конечно, можно, но очень недолго - они для этого не предназначены, они должны греметь, под них юноши должны танцевать, а девушки швырять в музыкантов лифчиками и патронами губной помады. Нужно было искать пути на настоящую сцену, в настоящие залы, и вообще, нужно было уже деньги за концерты получать, поскольку имеющуюся независимость начинала подтачивать бедность и необходимость зарабатывать себе на жизнь каким-то паскудством, к рок-н-роллу отношения не имеющему.

Такие пути нашлись в столице нашей родины, Москве. Там и народ жил побогаче, и чиновники были посмелее, и там уже родились первые акулы российского шоу-бизнеса, и некоторые из них уже успели даже сесть в тюрьмы за нетрудовые (?) доходы. Но это были птицы очень высокого полета, и до них сразу было не достать, особенно, если тянуться из Ленинграда. Пришлось на первых порах довольствоваться тем, что попадалось под руку из бизнесменов рангом пониже. Таким образом состоялась историческая встреча Майка, Б.Г. и Олега Евгеньевича Осетинского, который к рок-н-роллу до этого, равно как и после, никакого отношения не имел и взялся за непростое дело то ли из чистого (или нечистого) интереса, то ли ради саморекламы и создания себе имени и имиджа прогрессивного смелого творческого человека, бескорыстного и самозабвенного мецената, радевшего только за молодые таланты.

А по молодым талантам он был большой специалист - сценарист, работавший в нескольких картинах, в том числе в «Звезде пленительного счастья», он был известен широким массам больше как отец той самой Полины Осетинской - знаменитой симпатичной девочки-пианистки. Как-то увидев и услышав на одном из микроскопических самодельных концертов Майка и Бориса, он решил, что обладает достаточным опытом воспитания юных гениев и предложил неискушенным рокерам профессиональную поддержку и много чего еще.

Надо отдать ему должное, он устроил-таки несколько выступлений странному коллективу из Ленинграда - «Аквариум» - не «Аквариум», в афише название не значилось, да и афиши не всегда имели место. Все это называлось «Творческими вечерами» или «Творческими встречами» с самим Осетинским. Он сидел на сцене в компании нескольких знакомых и пил чай-кофеи, а вокруг него буйствовали Майк, Борис, Дюша, Сева, Фан, Фагот и кое-кто еще, кто оказывался поблизости в данную минуту. Но это творческое содружество существовало недолго. Не понимая специфики жанра и всю жизнь занимаясь кино-театра-литературной деятельностью (а может и еще какой), Осетинский допустил ряд непоправимых ошибок в работе с молодыми талантами. Правда, он некоторое время занимался с ними (в частности с Майком) дикцией и сценодвижением, чем совершенно его очаровал - взрослый, именитый (какой-никакой) творческий работник принимает такое участие в его судьбе, тратит на него свое драгоценное время и деньги - тут было от чего разомлеть. Короче говоря, бородатый, высокий и толстый человек в костюме и сапогах-луноходах (видимо, последняя мосфильмовская мода) до поры до времени был для Майка и Б.Г. чем-то вроде света в окошке.

Быстро стало ясно, что тактика знаменитого сценариста не подходит для независимых героев рок-н-ролла. То, что возможно, проходило у него с Полиной, никак не могло пройти просто так, например, с Дюшей или другими представителями «Аквариума».

Он считал, что главное - покупать побольше коньяка и все будет «ОК», и покупал его, но поил им беспрерывно исключительно Майка и Бориса, игнорируя остальных, - а этого не прощают. Тем более, что Майк вообще предпочитал коньяку сухие вина, а в компании Бориса были гораздо большие любители этого напитка, чем он сам.

Творческий союз с Осетинским быстро прекратил свое существование. И дело здесь не только в коньяке, просто мэтр оказался недостаточно крут для занятий рок-н-роллом в СССР - он юлил, сбегал с концертов при первых признаках опасности (а она, по определению, сопровождала любым формам занятий этой музыкой), неприлично ругался, вообще, вел себя нехорошо. Одни его ругали очень сильно, другие - поменьше, Майк же отмалчивался, а иногда говорил, что несмотря на все неприятности, О.Е.Осетинский лично для него сделал достаточно много.

Ну, сделал и сделал, за хорошее - спасибо, за плохое - да Бог с ним, с плохим - всякое бывает. А в Москве для Майка на Олеге Евгеньевиче свет клином не сошелся. Однажды, вернувшись домой из очередной поездки в столицу, Майк с трепетом показывал друзьям и жене фотографию лысого

бородатого гражданина и говорил всем с несказанным уважением в голосе: «Вот один из крутых московских мафиози». Но при более близком знакомстве с необычным гражданином, выяснилось, что он ни какой не мафиози. Александр Липницкий - так его звали - стал просто отдушиной не только для Майка, а для целого сонма ленинградских музыкантов, мыкающихся в поисках кайфа между двумя столицами.

Об отношениях же Майка к этому у человеку можно судить хотя бы по тому, что в его доме он спокойно и с удовольствием пел свои песни для хозяина и гостей, чего вообще-то почти никогда и нигде не делал - квартирные концерты это совсем другое дело, это КОНЦЕРТЫ, а чтобы так - за накрытым столом, во время как бы отдыха... Нет - этого он не любил. Есть очень немного домов, где Майка могли попросить между тостами спеть «Сладкую N» или «Пригородный блюз», и он бы не отказал, а с удовольствием выполнил бы просьбу. Он не любил петь в гостях. На сцене всегда находился Майк - звезда рок-н-ролла, а дома, лицом к лицу со слушателем сидел Майк - помятый и страдающий от окружающего его идиотизма, мучающийся им, как зубной болью и похмельем, и эта боль всегда была в его глазах, и он не хотел, чтобы ее видели. Он не любил выглядеть слабым. Он не мог быть побежденным. Спустя несколько лет он надел черные очки и уже никогда больше на публике их не снимал.

ВСЕ БРАТЯ - СЕСТРЫ

Вокально-инструментальная группировка им. Чака Берри. «Рокси»N2, 1978.

30 декабря 1977 года мне довелось воочию наблюдать, как проводят свой досуг звезды ленинградского рока. Совершенно случайно мне удалось попасть на маленький, но миленький сейшн, который вокально-инструментальная группировка им. Чака Берри давала в некоем Гидрографическом предприятии.

Судя по всему, вы никогда не слышали о бэнде под таким названием. В состав этой супергруппы входили: Евгений Губерман (ленинградское экс - «Воскресенье» - барабаны), Борис Гребенщиков (вокал, гитара), Михаил Файнштейн (бас), Севастиан Гаккель (вокал, челло) - последние трое из «Аквариума», и (пока) мало кому известный человек по имени Майк (экс - «Союз ЛМР» - гитара, вокал).

Отдавая дань старой доброй Санкт-Петербургской традиции, ВИГ им. Чака Берри начала игру на два часа позже, чем это было предусмотрено. Но зато как они начали! Это был жесткий, яростный, агрессивный, громкий, 100% рок-н-ролл! А когда вам в последний раз приходилось слушать «живьем» настоящие рок-н-роллы (исключая, разве что, «Союз»)?

Впервые за много-много лет со сцены прозвучали «Свит литтл сикстин», «Свит литтл рок-н-роллер», «Рил ит ал», «Блю сайд шуз» и т.п. Иногда, вероятно для того, чтобы дать людям отдохнуть от этого для некоторых слишком быстрого грохота, мальчики неожиданным образом пускались в такие авантюры, как «Бринг ит он хоум ту ми» или «Онли зе лонли».

Все это звучало несколько фантастично. Барабаны Губермана были просто чудесны. Бас Файнштейна был на высоте, как всегда Гребенщиков пел не хуже, если не лучше, чем всегда. А Гаккель! О, этот выдающийся ленинградский рок-виолончелист, впервые публично использовавший свой странный и загадочный механизм, название которого он отказался сообщить напрочь, но который преобразовывал звук его челлы в нечто, сравнимое лишь со скрежетом ножа по сковородке, пропущенным через синтезатор. Будучи включенным, этот прибор забивал всё, кроме барабанов, и приводил в недоумение людей, танцевавших в зале быстрые и медленные фокстроты.

В перерыве музыканты спустились в буфет и воздали должное

советскому шампанскому, красной рыбе и жигулевскому пиву.

Из разговоров между членами группы выяснилось, что этой игре не предшествовала ни одна (!) репетиция, что все это страшная лажа, и что во втором отделении они будут играть «Твистин зе найт авэй» в соль-мажоре, и что, оказывается, несколько членов группы эту песню не слышали вообще. Майк ругался (по поводу того, что на такой маленькой сцене не разбегаться и не распрыгаться). А Файнштейн сетовал на отсутствие крепких напитков.

Во втором отделении играли «Гет иг он» («Т.Рекс»), упомянутую «Твистинг зе найт авэй» (Стюарт), «Мозговые рыбаки» и «Мужской блюз» («Аквариум») и многое-многое другое. Майк спел интересный и весьма странный вариант «Драйв май кар» и «Посторонись, Бетховен», который оказался несколько хуже. Но венцом всего была, пожалуй, «Джин Джини» (Боуи), где Борис и Майк соединили, наконец, свои вокалы в жутком рефрене, и в которой прозвучали длинные гитарные и виолончельные соло.

Все музыканты, за исключением, естественно, Губермана, бегали, прыгали, веселились, как могли, и, судя по всему, получали большее удовольствие, чем те люди, которым пришлось выслушивать все это безобразие. Я долго ждал, не начнется ли битье гитар и разламывание барабанов и пианино, но, увы, этого не произошло. Наверное, нашим музыкантам все-таки чужды эти проявления «их нравов».

Кончился сейшн 15-минутным блюзом с прекрасным фоно, на котором играл неведомо откуда взявшийся Михаил Воробьев.

Чем же закончить отчет об этом событии? Пожалуй, вопросом: когда, когда, когда же, наконец, наши музыканты соберутся вместе и устроят должным образом отрепетированный и должным образом устроенный концерт рок-н-ролла?

=Петрович=

P.S. Стоит также отметить самоотверженную борьбу Марата (аппаратчика) с аппаратом, он был едва жив, но не сдался. А потом, ВИГ им. Чака Берри, бывало, вела себя и покруче: живо помню Гаккеля, размахивающего челлой над головами музыкантов (Вечер Востфака, «Эврика», 1977 г.) и Гребенщикова, кидающего в зал микрофонную стойку и дерущегося с Майком гитарами (там же, ПМ-ПУ, 1975) и т.д. Про Файнштейна я уж и не говорю. Неужто стареем?

Некоторое примечание от составителей данной книги: самое забавное, что основную часть данной статьи написал Майк, а постскрипtum - Гребенщиков. Что ж, в те времена будущие борзописцы рока, видать, ленились, так что приходилось самим... (Оригиналы имеются в архиве

«Рокси»)

«Рок-н-ролл». «Рокси» N3, 1978.

Вы любите рок-н-ролл? - это, конечно, очень неприличный вопрос, и чаще всего его и задавать не приходится. Поэтому вам обязательно нужно было быть на Примате, чтобы послушать, и главное, посмотреть почти что настоящее шоу (это лучше, чем сэйшен), которое давал «Аквариум». А кто еще, кроме него способен на такое?

Выступали они в составе: Боря Гребенщиков (вокал и несколько раз, ни к селу, ни к городу, губная гармошка), Михаил Файнштейн (бас), Сева Гаккель (кажется, вовсе не играл, но пел), и были они усилены участием Майка (гитара и иногда вокал) и Жени Губермана (весь вечер на барабанах).

Борис и Майк смотрелись вызывающе. Последний был несколько бисексуален: общий экстерьер + накрашенные глаза, но в сочетании с Синей Психоделической Робой они же придавали Майку несомненный шарм. А Гребенщиков, наоборот - огромен и силен, и у него были Рваные Джинсы и Желтые Носки, что давало повод думать о возвращении незабвенных 67-69 гг. К тому же много белого грима в сочетании с чернотой обведенных глаз.

Сама игра, не обманувшая ожиданий, строилась по образцу ВИГ им. Чака Берри. Как уже было сказано, все любят рок-н-ролл. А на Примате играли «Свит литтл сикстин», и «Би Бон а Лу-ла», и «Гет иг он», и все что хотите, даже медленный блюз «Драйв май кар». Это, кажется, предмет особой любви Майка.

Пели еще про то, что «Аи кэн гет но сатисфэксн», что было абсолютной неправдой, так как удовлетворение было полным, как у публики, так и у музыкантов. Удивительно, как это могло получиться, потому что играли тихо, а это почти равно - плохо. Только виноват в том не «Аквариум», а «аппарат», недоброжелательный и грубый. А лажали круто, что и радовало. Уметь хорошо лажать - большое искусство, а они умеют. Кроме того, не так интересно было слушать, как смотреть. «Аквариум» очень вовремя напомнил, что быть рокером - означает не просто гнать публике рок-н-ролл, блюз или телегу. Потому-то шоу Бориса и Майка было достойно всяческих похвал.

Довольно некрасиво писать лишь о них двоих, но, в самом деле, создается впечатление, что вся прелесть приматовской сессии - их заслуга. И все же, полагаю, что именно Файнштейн и Губерман спасли дело от

окончательной лажи. А вместо Севы на стуле в молчании сидела одинокая виолончель, всем своим видом намекая, что хозяин где-то неподалеку. И все-таки, хочется поговорить о тех двоих. Борис работал энергетическим фонтаном, размахивая микрофонной стойкой на краю сцены. Садился, ложился и падал на пол. Кидался пивными бутылками, которые непрерывно опустошал, чего и вам желаю.

Борис Гребенщиков

Познакомились мы на квартире у Марка Зарха, уехавшего ныне давным-давно. У него как-то все лето происходила чудовищной силы тусовка - дневали, ночевали. И однажды Родион, который туда был вхож, привел с собой такого небольшого человека, который себя ничем не зарекомендовал, к тому же там были все до беспамятства пьяны, естественно, все было очень весело, ну, вот еще один человек пришел - раз Родион привел, значит хороший человек, к тому же Родион его именно так и представил. А у меня в тот вечер, насколько я себя помню, была общая идея о том, что если на мир смотреть с башенного крана, то все будет гораздо лучше и менее печально, поэтому я залезал на башенный кран, который стоял во дворе этого дома и смотрел на мир, а с Майком общался не очень. Больше башенным краном интересовался. И уже потом как-то оказалось, что Майк еще и что-то пишет. И как-то потом само собой выяснилось, что Майк очень хорошо ориентируется в рок-н-ролле, но это уже в последующие дни.

Сцена, которую я очень хорошо помню, это когда я пришел из армии в 77-м году, и мы с Майком были уже в довольно близких отношениях, и пошли, почему-то, в поле, где теперь стоит цирк «Шапито», рядом с его домом, и сели в этом поле, и я ему сыграл песни, которые я из армии привез - 4 штуки, теперь их уже никто не помнит: «Всадник между небом и землей» и какие-то еще. А он мне сыграл то, что он написал, и там, по-моему, была песня «Все мы живем в Зоопарке». И рассказ новый прочитал - был такой оптимальный случай, когда два человека, которые что-то делают, встречаются и обмениваются тем, что у них нового появилось. Это был огромный кайф - светило солнце, мы пили что-то такое легкое или не легкое - эта встреча мне запомнилась нестандартной, замечательной такой, интересной.

Впечатление, которое сохранялось всю жизнь, было точно подтверждено незадолго до его смерти - я помню его таким рок-н-рольным петербургским юношей, и для меня он всегда был таким и никогда не был другим. И то, что он поседел и пополнил за последние несколько лет, абсолютно этого факта не меняло, и когда мы зашли к нему на день рождения, он отозвал меня на кухню и прочитал свои стихи, какие-то новые, сказал, что сегодня ночью написал. И стихи были точно такие же, как он писал тогда, в конце семидесятых, то есть, вообще ничего не

изменилось. И в этом, по-моему, в этой его полной изолированности от мира, он весь. То есть, себя, юношу - рок-н-роллщика, он загнал в такое измерение, в котором всю жизнь и прожил, и мир видел только внешнюю его сторону. А внутренней стороны он, по-моему, просто не понял. Майк - как бы солидный, звезда, очки и все такое, а ведь он был прямой противоположностью всему этому, ему как было лет пятнадцать или шестнадцать, так и осталось. Тогда он создал свой особый мир и стал в нем жить. И он всю жизнь слушал музыку, связанную с этим миром: старый рок-н-ролл, Болана, что-то еще... Он всю жизнь в этом и оставался. Насколько я помню, ничего нового он не принимал - «Дэд Кэн Дэнс» или «Кокто Твинз» - упаси, Господь! И поэтому он остался абсолютным романтиком. Просто то, что было внутри, вот эта сердцевина, она была видна только тем, кто из этого же мира и происходил, кто хорошо его знал. Мы с ним встречались, не могу сказать, чтобы очень уж часто в последний период времени, но я видел - он всегда стопроцентно оставался абсолютно верен себе.

В то время мы часто собирались вместе играть рок-н-роллы на всяких танцах или где-то еще, а поскольку и он писал песни, и у меня были новые, появилась идея сделать что-нибудь вместе. И действительно, был выставлен уже вошедший в поговорку микрофон в уже вошедшем в поговорку поле, и что-то там было записано, Фан еще подыгрывал. И все это было сделано очень быстро, остались песни, остались ощущения.

Семидесятые...

*Восьмидесятые...
Фото Наташи Васильевой.*

Один из рассказов Майка, уже довольно известный, опять-таки подтверждает то, что я говорил - у Майка с детства, с юности сложилось определенное понимание, что такое рок-н-ролл, определенное понимание, что значит быть звездой рок-н-ролла, и он с начала до конца жизни ничем другим никогда не был - он был звездой рок-н-ролла сразу. И это могло входить в соответствие с внешним миром, могло дико выходить из фазы, но он всегда был и оставался с первой ноты, им записанной, до последнего своего дыхания звездой рок-н-ролла. Абсолютно незамутненной ничем другим - ни координацией с внешним миром, ни какой-то попыткой понимания, что вообще в этом мире происходит, ему на все это было

глубоко наплевать. Он жил жизнью звезды рок-н-ролла, он был ею с самого начала. И для него внешняя сторона, по моему глубокому убеждению, не была самоцелью, важен был весь комплекс, все, что входит в понятие звезды рок-н-ролла. Он был идеальным рок-н-рольщиком и, когда он не совпадал с действительностью, попадал в советский какой-нибудь Архангельск, где после концерта нужно куда-то идти, к каким-то людям, идти по мокрым холодным улицам, там сидеть и отвечать на идиотские вопросы, то, естественно, его реакция была такова, что он как бы не понимал, уходил от этого сразу в питье. Это было не то; это не соответствовало понятию звезды рок-н-ролла, и он сразу уходил в свой мир и оттуда, как через стенку, разговаривал с людьми. И был тоже абсолютно прав, я вполне его понимаю - ему должны были подавать лимузины до концерта и после концерта, и тогда бы все было нормально. К вопросу о том, почему он не предпринимал никаких активных действий в достижении этого - не искал себе хорошего администратора и прочее. Он уже был звездой. В понятие «Звезды» входит, что уже есть хороший администратор, что все это уже есть, и предпринимать любые по этому поводу действия нелепо, бессмысленно и унижительно. Это факт. Внешней стороной рассудка он понимал нестыковку с окружающей действительностью, но его душа настолько властно ему диктовала, что все эти поступки, они нехарактерны и неправильны. И поэтому, кстати, при всем моем глубоким уважении к группе «Зоопарк», я ведь действительно их люблю, и они все точно и правильно делали, на мой взгляд, нестыковка была очень ясной, потому что он был звездой, а они были людьми из этого мира. «Зоопарк» в свое время был начинающей группой, а Майк никогда не был в стадии старта, когда он написал свою первую песню, он уже не был в стадии старта, он уже был, он должен был уже быть, по собственным ощущениям, на первых полосах всех газет. А то, что его там не было - по этому поводу, кажется, он не комплексовал, потому что он был рок-звездой в своей душе, он был рок-звездой если не для Петербурга, то, по крайней мере, для всех провинций, начиная с Москвы - именно он сформировал сознание миллионов людей. Не столько мы, сколько он. Я помню все эти бесконечные города - там все были воспитаны только на нем. Кайф тот же самый... Огромное количество людей воспитано им, потому что вот это отношение, правильное отношение, одно из немногих правильных отношений, оно было точно всеми схвачено. И такие штуки, как «Дрянь» и остальные, они сразу ложились в точку, в десятку попадали. Это были сразу, изначально правильно взятые ноты отношения ко всему.

А ездил он без конца, потому что, как любому человеку, которому есть,

что сказать, ему было невыносимо скучно день ото дня сидеть в одной и той же комнате, принимать гостей и выслушивать одни и те же комплименты. В последние годы он вошел в дисбаланс с окружающей средой, и это лишило окружающую среду удовольствия от общения с Майком. То есть, он-то все равно остался победителем, это мы проиграли, потому что лишились его. А мы лишились его, потому что мы, то есть весь большой, целый мир, не смогли дать ему те условия, при которых он бы оптимально развивался. Я остаюсь при своем мнении, что он не выгорел, не потерял творческого потенциала, мир просто не смог обеспечить ему рабочей обстановки. Нужно было очень мало - нужен был администратор, который бы заботился о нем, и делал бы ему поездки, от которых бы люди по разным городам просто визжали, как в Челябинске, например. Во многих городах ведь его просто обожали. И он мог бы ездить не так, как он ездил, он мог бы ездить в пятьсот раз больше. И обидно то, что они есть, такие администраторы, они есть, но они живут абсолютно другой жизнью, в другом мире, и они не знают о том, что это есть. И это не случайность, что такой человек не нашелся. Просто у нас все условия в стране созданы для того, чтобы максимальное количество народу погубить. Вот Янка - она умерла тоже потому, что каждый из нас сидит в своей дыре, из дыры вылезти не может, а когда вылезает, то попадает, как Витька, в руки, блядь, таких акул, таких волков, которые сразу тащат их на стадионы. Из подполья - прямо туда, промежуточного ничего нет. И вот это и убивает людей так же, как Майка, потому что Майк - не стадионный человек стопроцентно и Майк не подпольный человек, это тоже стопроцентно. Он клубный музыкант очень высокого калибра, причем, калибра от небольшого клуба до зала, скажем, на две тысячи мест. И вот на этих условиях он мог бы ездить всю жизнь и был бы все лучше, и лучше, и лучше... Ему негде было записываться, ему негде было играть, им некому было заниматься, хотя все это есть, все элементы присутствуют, но не было человека, который бы сопоставил их все вместе. Майк целиком пал жертвой советского глубочайшего распиздяйства. Но это, все-таки, не слабость, скорее, это сила. Майк же был известным атеистом. Принципиальным атеистом. А что такое быть атеистом - это ставить себя поперек. Поперек потока, называйте это как угодно - Бог или Дао... Принципиально то, что вот Майк - такой хрупкий, слабый, но абсолютно независимый - он ставил себя вот так - поперек всего. Да, он мог пойти на компромисс в каких-то житейских делах - это записано не так, это снято не так, но принципиально у него была позиция, что он находится в противоположности к судьбе, в противоположности к Богу, к Дао, ко всему. Мы-то всегда делали то, что

шло само. Просто нельзя было не сделать, поэтому делали, а от себя ничего не предпринимали. А Майк, как раз, несмотря на всю свою хрупкость, слабость и неприспособленность, он, однако, свою позицию отстаивал до конца и этим тоже он вызывает мое глубокое уважение. Я не считаю, что это была мудрая позиция, но она была последовательная стопроцентно. Он принципиально отрицал Бога. Он принципиально в него не верил, и эта принципиальность была на грани уже идеи фикс. Поэтому естественно, не то, чтобы Бог от него отказался, он сам себя Богу ставил сразу на пику. И такая позиция, она всегда боком и выходит. Я сейчас рассуждаю не как православный фанатик, поскольку таковым не являюсь, но я вижу причину и вижу следствие. И знаю еще нескольких людей, которые таким же образом погибли.

А интерес к жизни - был ли он у него вообще? Вообще, у героя рок-н-ролла интерес к жизни в общем-то и не предполагается. Герой рок-н-ролла живет в принципиально другой среде, к жизни имеющей чрезвычайно малое отношение - он жизнь видит, когда идет от студии до лимузина и от лимузина до какого-нибудь ночного бара. На этом жизнь заканчивается. То есть с жизнью соприкосновения нет и быть не может никакого.

А то, что он говорил в интервью, что кроме рок-н-ролла у него еще есть чем заняться, и жизнь на рок-н-ролле не кончается, то, мне кажется, что это слова. Хотя Майк никогда не врал и к вранью вообще никакого отношения не имел. Зачем ему было врать - его и так никто по-настоящему не понимал. Но это - слова. Он искренне думал на самом деле так, но, насколько я знаю эту породу людей, включая отчасти и меня самого, и многих других такого же типа, без этого главного, не называемого, что в случае Майка мы условно обозначаем, как Герой рок-н-ролла, без этого все остальное очень быстро теряет смысл. Просто мгновенно. Это имеет смысл, когда ты приезжаешь домой и час, день, два, три находишься в кайфе, а еще через полтора дня начинаешь думать о том, что что-то нужно еще сделать. А поскольку у него был постоянно вынужденный застой - нет ни студии, ни пятого, ни десятого, то он впадал в клиническую дрему. И комната его была приспособлена именно для дремы, как берлога, пока что-то не начинало происходить. Я мало бывал у него там, на последней квартире, но когда бывал, ощущение было именно такое.

И забавно, что зная западный шоу-бизнес, насколько я его знаю, могу сказать, что там было именно то, что ему было нужно. Как раз та жизнь, о которой он мечтал, о которой он читал, которую хорошо знал по газетам, статьям, журналам, книгам, к которой он был стопроцентно подготовлен, забавно, что когда вышла «Красная волна», Майк туда не вошел. То есть,

весь Запад прошел мимо. И когда ему пытались что-то сделать, я помню, что Лешка Наследов хотел его как-то вытянуть в Штаты, все это сталкивалось с тем, что «...А-а, уже не то.., уже лень..», то есть это был уже не тот масштаб.

Он был готов к работе - я помню, когда мы писали с ним «55», это было то настоящее, где не было никаких опозданий, ничего, потому что это настоящее, это кайф. Будучи Героем, он с самого начала дал такой угол жизни, свой, показал, как на самом деле все должно быть. Своим рассказом, в том числе, который как-то приоткрыл завесу в его внутренний мир - вот как все должно быть на самом деле. И все, что он делал, можно рассматривать только в этом контексте. Поэтому и всколыхнулась вся русская провинция - это было настоящее, это ТО... Они про это даже не знали, не знали, что существует такое отношение, такая возможность. И с этой точки зрения он выстраивал все свои отношения с жизнью, пока так называемая неумолимая действительность не заставляла его смиряться. А чтобы смириться, нужно было залить себя водкой с дикой силой, потому что он знал, что это не то. А когда сталкиваешься с не тем - что делать? Нужно анестезироваться. Вот он со своей анестезией...

А на сцене, сколько я помню, он всегда чувствовал себя очень на месте, так, как надо, на сцене он был самим собой. Дома он самим собой не был. А коллектив его, это было то, за что он прятался. Раз мир не дал ему того, что у него должно было быть, то он ушел в монастырь своей группы и целиком заслонился ими от всего. Потому что, если это и не было рок-н-роллом в его понимании, то это было самое близкое к рок-н-роллу из того, что можно здесь достичь. И если бы система была готова к тому, чтобы пластинки выпускать, чтобы нормально их записывать, по-человечески, чтобы была реклама, то он не знал бы бед.

В нем было, как Артем правильно отметил, правильное чутье рок-н-ролла. Когда мы писали «55», у него был подход стопроцентно рок-н-рольный - как бы не было что-то грубо, или не грубо, так или не так, но если это действует, за нервы задевает, то это остается. И над какими-то вещами, вроде бы правильно сделанными, он мог долго работать, потому что они «не цепляли».

Нам всем очень повезло, что в конце семидесятых создалось какое-то поле рок-н-рольное в Петербурге - то, о чем говорят, но толком никто не помнит, потому что большинство из тех, кто там были, либо умерли, либо спились. Все это было - все эти концерты по всяким НИИ, и все эти фестивали на открытом воздухе. Это как раз было то, что надо. Я помню какое-то утро, когда мы с восьми часов утра какие-то колонки перевозили с

Майком, какие-то ящики таскали. Темно было, едем мы вдвоем и обсуждаем ситуацию, и соглашаемся на том, что вот это и есть настоящая жизнь. Мы ухитрились создать себе здесь все - Вудсток, Нью-Йорк, Лондон, все, что угодно. Года два-три в Ленинграде это держалось. Все было в полный рост. И мы могли получать двадцать рублей за концерт, но какие это были двадцать рублей! И какой это был концерт!.. Все было стопроцентно настоящее. Создали себе воображаемый Лондон, и он в полный рост окупался, потому что все, что с этим сопряжено, все было. А самое главное, что ощущения внутренние, они не очень существенны для всех окружающих людей - мало ли, кто как себя чувствует, но когда есть ощущение, то возникает и его плод - возникают песни, возникает поведение, что-то, что выше человека, что красиво само по себе.

И Майк как раз был в полный рост ребенком этого времени, и когда дальше действительность стала более уродливой, то это стало уже тяжело. А в промежутке, когда КГБ еще не начало все это давить, года до восьмидесятого - восемьдесят второго, когда еще никто из правоохранительных органов не понимал, что вообще это такое, было время чистого, неразбавленного рок-н-ролла со всеми его кайфами. Ни шоу-бизнес его не давил, ни менты, никто не давил, и песни шли сами по себе, и поэтому он тогда написал большую часть своих песен. У нас тоже - практически пять альбомов за два года - это много. Я вспоминаю вечер, когда мы сидим у Майка на кухне, и он поет «Дрянь», только что написанную, и нет ощущения, что мы находимся в какой-то рок-н-рольной провинции, что ТАМ они умеют, а мы не умеем - ни фига! Тот комплекс, которым страдало большинство наших советских рок-музыкантов, так называемых - они-то мол умеют, у них там фуз и квак, и обработка, и все... - нам это было не нужно. Это были какие-то прилагающиеся детали, и только это и было правильное ощущение, что если написал правильную песню, правильно ее спел один раз - все! Остальное уже должно прикладываться. Один музыкант сказал: «Рок-н-ролл - это отношение. Совсем не обязательно быть лучшим в мире гитаристом». У Майка, как раз, именно это и было - какое имеет значение, кто как играет на гитаре, главное - отношение. И отношение из воображаемой звезды сделало его настоящей звездой. Отношение с самого начала было правильное, а это то, чего нет у 99 процентов людей, с которыми мне приходится сталкиваться. Все интересуются, как пробиться на телевидение, как заработать деньги, как найти студию или что-то еще, а это рок-н-роллера не может интересовать, потому что все это прилагается. А как прилагается - это уж, простите, вопрос каждого человека.

ПРОЩАЙ, ДЕТКА (ДЕТКА, ПРОЩАЙ)

Прощай, детка, детка, прощай,
И на прощанье я налью тебе чай,
И позвоню по телефону, закажу тебе авто,
И провожу до двери, и подам тебе пальто,
И поцелую невзначай, и прошепчу: «Прощай, детка, прощай».

Ты так очаровательна и не скучна ничуть,
Но мы устали друг от друга, нам нужно отдохнуть,
Накрась поярче губки и подведи глаза,
Надень мой старый макинтош, возможно будет гроза.
Живи же хорошо, не скучай.
Ну, а пока - прощай, детка, прощай!

Мы докурили сигареты и допили все вино, И
поняли, что наше время кончилось давно. Но нам
же было так чудесно, нам было хорошо. Кто знает,
может быть, нам захочется еще. Так вот мой номер
телефона. Звони, не забывай. Ну, а пока - прощай,
детка, прощай.

Я спел тебе все песни, которые я знал,
И вот пою последнюю, про то, что кончен бал,
Про то, что одному быть плохо, что лучше быть вдвоем,
Но я разбит и слаб, и я мечтаю об одном.
О чем? Попробуй, угадай...
О, ты права. Чтоб ты сказала мне: «Прощай, детка, прощай!»

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Ты придешь ко мне ровно в полночь,
разбудишь мой спящий звонок.
Ты скажешь мне: «Какая чудесная ночь»,
и я отвечу: «Да, но я одинок». И я
заварю тебе свежий чай,

и достану из бара вино.
И выключу свой телевизор,
не успев досмотреть кино.

Мы будем говорить о прекрасных вещах,
играть словами, как в бильярд. И ты
построишь мне сотню воздушных замков
и один небольшой зоопарк.
Но, увы, я знаю, мне нельзя верить всем твоим словам.
Слова для тебя значат больше, чем дело,
но это ничего, я грешил этим сам.

Ты скажешь мне, что жизнь - это великая вещь,
и выдашь семерку за туз. И я
тебе сыграю свой рок-н-ролл,
и я тебе спою новый блюз. И
ты, конечно, похвалишь меня,
и я тебе в ответ улыбнусь. Я знаю,
нам трудно понять друг друга,
но ты вежлив, и я не сержусь.

И когда за окном забрезжит рассвет,
я скажу: «Не пора ли нам спать?» И я постелю
себе на полу, а тебя уложу на кровать. И вот когда,
наконец, я засну,
уныв предрассветную дрожь. Ты
встанешь и улыбнешься, как ангел,
и вонзишь мне в спину свой нож. И
смоешь с лезвия кровь, и ляжешь спать,
и во сне ты увидишь себя.

И утром я встану первым, приготовлю кофе и торт.
Поставлю T.Rex, и тебя разбудит
бодрый мажорный аккорд. И
выпив свой кофе, ты куда-то уйдешь,
махнув мне на прощанье рукой. А я
отмою с паркета кровь
и обрету свой душевный покой.

ОДА ВАННОЙ КОМНАТЕ

Ванная - это место, где можно остаться совсем одному,
Сбросить груз забот, растворить их в воде. Дверь заперта,
и сюда не войти уже никому, Ты, наконец, один в этой
белой пустоте.

Ванная - место, где можно раздеться совсем донага,
Вместе с одеждой сбросить улыбку, страх и лесть. И
зеркало, твой лучший друг плюнет тебе в глаза, Но вода
все простит и примет тебя таким, как ты есть.

О, Боже, как хочется быть кем-то - миллионером, рок-звездой,
Святым, пророком, сумасшедшим или, хотя бы, самим собой.
Самим собой. Это сложно. Это возможно только здесь.

Ванная - место, где так легко проникнуть в суть вещей,
Поверить, что ты знаешь, где правда, а где ложь. А
главное - никто не видит, чем ты занят здесь -То ли
режешь вены, то ли просто блюешь.

О, ванная комната! Пою тебе хвалу За
чистоту, за простоту, за мыло и за душ. За
всепрощенье, за воскрешенье, За очищенье
наших душ.

ЖЕНЩИНА (ЛИЦО В ГОРОДСКИХ ВОРОТАХ)

Твоя кровь, как хлеб, твоя плоть, как вино,
И листки твоих писем, как жесть. Твои сны,
как молитвы, лицо, как стекло, И твои
оскорбления, как лесть.

Но кто здесь есть, кто сможет изменить тебя? Кто
здесь есть, кто сможет подчинить тебя?
Но я бы не стал завидовать им,

Хоть на их месте мог быть и я, прости, но мне жаль тебя.

И ты умеешь быть слабой, и ты умеешь быть злой. И
ты умеешь не верить словам. Но ты не умеешь брать
сразу все, Зато ты берешь по частям.

Но кто здесь есть, кто сможет отказать тебе?
Кто здесь есть, кто сможет наказать тебя?
Но я бы не стал завидовать им,
Хоть на их месте мог быть и я, прости, но мне жаль тебя.

И в твоей колоде не хватает туза, А
джокером служит валет, И имя
знакомцам твоим - легион, Но
друзей, пожалуй что, нет.

Но кто здесь есть, кто сможет избежать тебя?
Кто здесь есть, кто сможет удержать тебя?
Но я бы не стал завидовать им,
Хоть на их месте мог быть и я, прости, но мне жаль тебя.

И ты всегда найдешь тех, кто накормит тебя, И
взамен ты кинешь им кость, Тем, чей ветер
наполнит твои глаза, Тем, чей крест примет твой
гвоздь.

Ты всегда найдешь тех, кто поможет тебе, Кто
возьмет на себя твою боль, Тех, кто будет ранен в
твоей войне, ты насыплешь Им в раны соль.

Но кто здесь есть, кто сможет полюбить тебя? Не за
то, чего в тебе нет, а за то, что ты есть? Кто здесь
есть, кто сможет убедить тебя, Что в общем, ты
такая же, как все?

Но я бы не стал завидовать им,
Хоть на их месте мог быть и я, прости, но мне жаль тебя.

МАЙК «Рокси»N3, 1978.

Он пришел ко мне с гитарой. После непременно чашки чая на кухне (составная часть любимого занятия) Майк начал играть и петь свои песни.

Да, оказалось, что Майк, знакомый некоторым как аранжировщик песни «Драйв май кар» (3-е место в Ленгортпе), еще некоторым как прекрасный исполнитель рок-н-роллов, и вовсе незнакомый другим, сочиняет и поет свои песни.

Один этот факт, даже без комментариев, должен, по-моему, заставить задуматься рок-общественность. Оказывается, в нашем городе есть еще один рок-автор!

Скептически настроенные, могут усмехнуться: «Мало ли, кто чего насочинит. Надо бы это сначала послушать... А, может быть, и слушать не стоит?» Могу только ответить: «А вы послушайте, и все узнаете».

Итак, Майк начал играть и петь. Не подыгрывать своему голосу и не подпевать своей гитаре, а именно играть-и-петь. Не стану описывать, о чем он пел. Попытаюсь выразить, что он пел, хотя сделать это довольно трудно. Не могу найти слова, объединяющие в себе столь разные понятия, как мрачноватая ирония и надежда на просветление. Достоинства формы: музыкальность текста, органичность сочетания музыки и слов. У меня сразу возник вопрос к Майку:

- ГДЕ ТЫ БЫЛ РАНЬШЕ?

- Я начинал в 1973 году, как басист. До 75-го играл в двух или трех группах, о которых и говорить не стоит. В 74-м познакомился с «Аквариумом». Участвовал в записи двух альбомов этой группы: «Таинства брака» и «Свадебный джем» в «Астории» с «Машиной Времени» на суперсвадьбе Гребенщиковых.

В 76-м месяца два играл в Союзе Любителей Музыки Рок Мы расстались из-за некоторых разногласий с Козловым, однако наши отношения от этого не испортились. После этого началось сотрудничество с «Аквариумом». Мы вместе играем на рок-н-рольных сейшенах. В июне мы с Гребенщиковым записали совместный акустический альбом «Все братья-сестры». А, в общем, исполняю обязанности рок-н-рольной шлюхи: играю где придется, с кем придется и что придется.

- ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ВЫСТУПАЛ С СОЛЬНЫМИ КОНЦЕРТАМИ?

- Давно собираюсь, но как-то не везет. В мае, например, должен был состояться совместный концерт с «Аквариумом». Незадолго до этого все

заболели. Пришлось концерт отменить. Во всяком случае, с «Аквариумом» есть договоренность, что при случае помогут.

Несколько раз я пытался записывать сольник. Записываться дома на магнитофон - несерьезно, получается очень плохо. Договориться о записи на студии чрезвычайно сложно...

-СКАЖИ, МАЙК, КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ РОК?

-На мой взгляд, рок обязательно должен быть суров, должен бить по голове, тыкать людей в их собственное дерьмо. Вообще, для рока характерны более честная музыка и более честные тексты, чем для любых других музыкальных форм эстрады.

-ЧТО ВАЖНЕЕ - СЛОВА ИЛИ МУЗЫКА?

-В идеале - удачный синтез. Хотя рок-н-ролл как таковой не обязательно должен иметь хороший текст, в лучших вещах тексты значат очень много - 40-50 процентов.

-ЕСТЬ ЛИ РОК, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, У НАС?

-Безусловно.

- ЧЕМ ОН ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО?

- Наш рок и их рок зарождались, развивались и продолжают развиваться в разных условиях - это и так понятно... У нас существует похвальная тяга к серьезному року с хорошими текстами. Минус отечественного рока - в отсутствии тинибоба для тинэйджеров. Даже Козлов, приблизившийся к этому направлению, играл рок-н-ролл, но не тинибоп.

- КТО ИЗ ЗАПАДНЫХ МУЗЫКАНТОВ ОКАЗАЛ НА ТЕБЯ ВЛИЯНИЕ?

- «Битлз», естественно, «Джетро талл», Заппа, «Ти Рекс». Огромное влияние оказал Лу Рид. После того, как я его услышал, мне захотелось бросить бас и играть на гитаре. Так я и сделал.

-А ЕЩЕ КТО?

- Дилан, «Дорз», Артур Браун, Боуи, «Дженезис».

- А «РОЛЛИНГ СТОУНЗ»?

- «Стоунз» я полюбил сравнительно недавно, но должен сказать, что мне у них нравится не все. Джаггер - уникальный вокалист, а когда он поет вместе с Ричардсом - это и вовсе фантастично.

- ЗАКОНОМЕРНЫЙ ВОПРОС: КТО ИЗ НАШИХ МУЗЫКАНТОВ ПРОИЗВЕЛ НА ТЕБЯ САМОЕ СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ?

- В первую очередь - Корзинин и «Большой Железный Колокол». Вообще, Корзинин - мой любимый петербургский музыкант и вокалист. Еще Ильченко почти со всеми составами, в том числе с «Машиной»,

«Аквариум», «Санкт-Петербург», отчасти «Союз», вернее, Козлов, как личность. С ним приятно работать. Он талантливый организатор и очень хороший человек.

- КАК ТЫ СЧИТАЕШЬ, МОЖНО ЛИ КОГО-НИБУДЬ СРАВНИТЬ С ПЕРЕЧИСЛЕННЫМИ ТОБОЙ ВЫШЕ ЗАПАДНЫМИ ЛЮДЬМИ?

- Провокационный вопрос... Я с удовольствием ответил бы на него, если бы слышал пластинку БЖК или увидел Заппу живьем.

- НО ВЕДЬ ТЕБЕ ПРИХОДИЛОСЬ СЛУШАТЬ ЗАПИСИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГРУПП?

- В основном это концертные записи, сделанные на плохой аппаратуре. Даже «студийные» записи по техническому уровню остаются любительскими. В этом отношении, пожалуй, дальше всех зашел Ю. Морозов, но его слова и музыка мне глубоко омерзительны. У Элиса Купера все это получается несколько лучше. Впрочем, это личное дело Морозова. Кстати, я не люблю и Купера.

- СОЗДАЕТСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО РОК МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО АНГЛИЙСКИМ И РУССКИМ. Я ИМЕЮ В ВИДУ ЯЗЫК. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЕЩЕ КАКОЙ-НИБУДЬ РОК?

- Венгерский, шведский, наверное, французский. Не считаю себя лингвистом, но думаю, что рок может быть на любом языке.

- КАКОВО САМОЕ БОЛЬШОЕ ДОСТИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

- Оно еще не достигнуто.

- КАК ТЫ ОТНОСИШЬСЯ К КИНО?

- Когда как и наоборот: как когда.

- ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ О ЛЕТАЮЩИХ ТАРЕЛКАХ?

- Не жди их, парень: их нет.

- МАЙК, КОГДА ТЫ НАЧАЛ ПИСАТЬ?

- Году в 70-м. Тогда я писал песни на английском языке. Их был миллион. На русском начал писать с 74-го под благотворным влиянием Гребенщикова. Я никогда не пишу только потому, что надо. Пишу, когда не могу не писать. Существует одна интересная концепция: «Зачем писать искренние песни? Никому неинтересно, что ты чувствуешь на самом деле». Поэтому один из верных путей - писать стеб. Заппа понял это одним из первых. Но, при этом стеб должен быть обязательно честным. Я этим, впрочем, еще не занимался.

- НЕ НАХОДИШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО ТВОИ ПЕСНИ НЕМНОГО СЛИШКОМ МРАЧНЫЕ И ГРУСТНЫЕ?

- Как говорил Кахлил Гибран: «Радость и грусть неразрывны». Я пою о мрачных вещах, значит, я пою и о счастье.

- КАКОВЫ, ПО-ТВОЕМУ, ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ НАШЕГО РОКА?

- Нам необходимо рок-шоу, возможно даже, глэм-рок. Это, кстати, еще один существенный минус нашего рока по сравнению с западным. Рок может и должен воздействовать не только на уши, но и на глаза. Я за рок-театр, который не надо, однако, путать с рок-оперой. За шоу, пронизанное, желательно, одной идеей. Большое значение при этом имеют костюмы, грим, движение. Грустно смотреть, как некоторые наши музыканты играют с выражением непреодолимой скуки, на лице, и с таким видом, будто их музыка им глубоко безразлична. Лучше вообще не играть, чем играть так.

Судя по некоторым фильмам, на Западе направление рок-шоу процветает. Занимаются им Питер Габриэл, Род Стюарт, Заппа, Боуи. Даже простой рок-н-ролл надо играть энергично и динамично. Мы попытались сделать это 8-го апреля. Правда, музыки тогда было мало. Но говорил же Ник Кон: «Где вы видели, чтобы рок-н-ролл имел что-нибудь общее с хорошей музыкой?» Итак, шоу 8-го апреля состоялось, но это - первая попытка. Надо устроить что-нибудь гораздо лучшее.

МАЙК :

**СЛАДКАЯ И
И ДРУГИЕ.**

**СЛАДКАЯ И
И ДРУГИЕ**

Вячеслав Зорин

С Майком я познакомился весной 1979 года. В это время наша группа «Капитальный ремонт» нахально (в очередной раз) заняла комнату рядом с кабинетом ректора факультета прикладной математики ЛГУ. К нам присоединился «Аквариум». Во время репетиций ректор стучался в дверь и грустно спрашивал: «Я вам не мешаю?» Вскоре «Аквариум» устроил очередной ночной сейшн, который был накрыт комсомольским рейдом, и на следующий день нам было предложено исчезнуть вместе со всем барахлом в 24 часа. Майк приехал принять участие в этом интересном мероприятии, и так, таская колонки, мы познакомились. На Майке была какая-то удивительная шляпа с полями, глядя на него почему-то вспоминались андерсеновские фонарщики и трубочисты. Я тогда подумал: «Неужели он так и по улицам ходит?» Оказалось, да.

После этого мы стали встречаться регулярно, и вскоре родилась идея поехать куда-нибудь летом на гастроли.

На следующий день после моей свадьбы (а на свадьбе Майк не замечал никого, кроме моей сестры Натальи и бутылки джина), мы начали репетировать у Майка дома. А вскоре, в первых числах августа, выехали в Вологодскую область, в поселок сельского типа, на родину Натальи. О «гастролях» мы раструбили по всему городу, и, когда вернулись, нас все спрашивали: «Ну как?» Дату выезда подогнали под отпуск Майка, он тогда работал в Театре кукол. На месте выяснилось, что все совсем не так, как виделось, и все предварительные договоренности, в частности, поездка по Вологодской области, оказались пустыми словами. Оказалось, что никто всерьез не верил, что мы приедем, и никто нас не ждал. После первого же выступления местные власти чего-то испугались и начали давить на зав.клубом, которому удалось лишь устроить нам выступление на танцплощадке г. Устюжна. Через день мы очень веселились, прочитав в местной газете, что во время выступления ансамбля «Вечерние ритмы» (название клубного ВИА поселка имени т. Желябова) «со сцены лились песни советских и зарубежных авторов». Так мы с Майком стали советскими авторами. А ВИА мы прозвали «Вечерними драйвами». В конце концов зав.клубом просто исчез, «ушел» в отпуск, а мы плюнули на все и решили отдохнуть на всю катушку, сколько время позволит. В конце этого лета состоялось еще одно памятное событие - известная тусовка у Михайловского замка, разогнанная милицией. Мы пришли туда с Майком,

но ему быстро все надоело, так как он не любил бессмысленных тусовок, и вообще был «нетусовочным» человеком, предпочитая небольшие компании «своих». Даже в больших компаниях он, насколько я заметил, общался лишь с небольшим кругом, а остальных просто не замечал. Так и в этот раз. Он уехал к кому-то на квартиру (к Севке или БГ) пить вино, оставив нас героически выходить из окружения, устроенного милицией у цирка.

У Майка написано много текстов, которые он помечает загадочно: «Зоопарковая музыка».

С наступлением осени Майк снова как бы «завис». Команды нет, играть негде, а песен написано много. Я ему предложил играть в «Капитальном ремонте». Он долго думал, и, наконец, однажды заявил торжественным голосом, что я таки, могу заполучить его в качестве гитариста. В это время, где-то в ноябре 1979-го, точнее не помню, была предпринята первая неудачная попытка создания рок-клуба. Занимались этим Байдак и Дрызлов. (Для нас, вступление в рок-клуб началось с того, что нам запретили название «Капитальный ремонт»). В качестве базы служил какой-то клуб на Энергетиков. Хорош он был тем, что на втором этаже здания располагалась кафе, где наливали дешевый портвейн ко всеобщей радости. Всем командам по очереди предоставлялась сцена для репетиций, чтобы подготовиться к концерту-открытию. Мы готовили несколько вещей, в том числе песню Майка «И если хочешь» (так мы ее называли, она есть в «Сладкой N»). После нескольких энергичных прогонов этой песни к сцене вдруг подошла Татьяна Иванова и с таким видом, будто мы все хором наступили ей на ногу, спросила: «А вы уверены, что в этой песне есть какая-то художественная ценность?» Майк послал ее подальше, но все же расстроился, хотя пытался виду не показывать. Репетиция сломалась. На «открытии» мы не играли. Выступили «Россияне», «Аквариум», «Яблоко» и кто-то еще. После этого Майк не принимал участия ни в одной из очередных попыток создания рок-клуба.

В качестве гитариста «Кап. ремонта» Майк пробыл недолго. Меня тянуло в какие-то дебри, а Майк постоянно твердил: «Вячеслав, давай в этом месте играть так: ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду» В общем, у нас ничего не вышло. В это время Майк работал сторожем. Где-то в декабре 1979 года Майк уволился из «Кап. ремонта», из сторожей, вписался в компанию Майкла Кордюкова и уехал на Кавказ, в Карачаево-Черкессию, на заработки. Оттуда он написал мне пару писем, одно сохранилось:

«Здравствуй, Вячеслав! У меня крутые перемены: наш кабацкий состав распался. Трое разъехались в разные стороны, а мы с Майклом Кордюковым устроились диск-жокеями в соседнем международном

молодежном лагере (если бы три месяца назад кто-нибудь сказал бы мне, что я буду работать в дискотеке, без драки дело бы не обошлось). Вот такие дела. Все это очень strange. Но живем здесь по кайфу. Номер почти люкс, с ванной, есть бассейн, бары, кино, сауна, и все это в одном здании. Так что можно вообще не выходить на улицу: живем, как на подводной лодке.

Что слышно на петербургской рок-сцене? Здесь не слышно ничего и вообще очень скучно, но зато есть горы, нет суеты и напрягов. Майк. Домбай».

Из Домбая Майк вернулся где-то в середине марта 1980-го, полный энергичных планов. В это время мечтой его было сколотить рок-н-рольную команду и играть, где только придется. Тогда же была предпринята попытка организовать повторные гастроли в Вологодскую область, но уже не на «халяву», а на основе трудового договора с записью в трудовой книжке (на этом настаивал Майк, так как в это время нигде не работал), но это дело после поездки Майка в Москву заглохло само собой.

В Москву Майк укатил через несколько дней после своего возвращения. Насколько я помню, по договоренности с новыми знакомыми, которых он встретил на Домбае.

Из Москвы он вернулся в таком возбужденном состоянии, что его трудно было узнать. Об этом сохранился интересный анекдот в одном из выпусков «Рокси» - как Майк в Москве пил в сортире коньяк, чтобы успокоиться. Это был его первый серьезный успех. После этого было написано множество новых вещей.

После поездки в Москву Майк снова устроился работать сторожем. («Вячеслав, у меня кайфовая работа! Врубись, я сторожу стадион имени Ленина, а меня сторожит милиционер. Это просто полный пиздец») Майк тогда был очень легок на подъем, и мы встречались часто. Он мог приехать в любое время суток, хоть рано утром, чтобы занять очередь в пункте приема бутылок, хоть ночью. Например, когда у моей жены начались родовые схватки, я глухой ночью вышел на улицу Зеленина, чтобы поймать такси, но вместо такси увидел веселого Майка, который шел ко мне в гости. Такси поймали вместе. Расстались утром. При каждой встрече Майк показывал новую вещь, которую недавно написал. Особенно гордился «Дрянью».

18 августа 1980 года он начал писать свой первый альбом в студии звукозаписи Театра кукол, в котором до этого работал. Начал немного робко, но затем, увидев реакцию операторов, первых слушателей, успокоился и разошелся вовсю. Альбом «Сладкая N» был записан за две или три сессии. После первой сессии, когда мы вышли на улицу, Майк

сказал удивительно торжественным голосом: «Сегодняшний день прожит не зря».

В это же время мы написали 3-4 совместных песни, но они, похоже, не сохранились, и я помню только одну - «Специальные дамы» - потому что мы ее часто пели в компаниях. Где-то вскоре после этого Майк начал сколачивать «Зоопарк».

В 1980-м году он перевел с английского книгу Р.Баха «Иллюзии».

10 апреля 1980-го года состоялась свадьба Майка с Натальей. Накануне, 9 апреля, Майк приехал ко мне в гости (моей дочери исполнился год). Праздник закончился тем, что все гости разъехались, а Майк остался ночевать. Наутро началась паника. До регистрации - полтора часа. Одежда Майка - далеко не парадная. Тут же выяснилось, что мой чрезвычайно волосатый кот провел всю ночь на вельветовых штанах Майка, валявшихся на стуле. Штаны стали похожи на кошачью подстилку. Ничего не оставалось другого, кроме как сообща втиснуть Майка в мою одежду, в ту же самую рубашку и тот же самый замшевый пиджак, в которых я был на своей собственной свадьбе. Я ему предложил еще и те же самые джинсы для полного комплекта, но Майк в них не влез. Штаны кое-как почистили, и Майк уехал жениться.

РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ МАЙКА «СЛАДКАЯ N И ДРУГИЕ» «Рокси» N4, 1980.

У меня нет ни малейшего желания писать. Если бы сейчас было лето, я ушел бы с работы, где я сижу в данный момент, пересек бы водную преграду и лег бы спать или загорать. Но сейчас зима, и я обещал написать некую статью. Преодолевая чудовищное желание напиться в дым прямо с утра, я так и делаю. Ох.

Итак, предмет: Майк и его долгоиграющая пленка «Сладкая N и другие». Было очень «комильфо» начать с того, что я ее не слышал. Но я ее слышал, и врожденная честность не позволяет мне солгать. Поэтому я начну с другого.

Вопреки распространенному мнению, Майк - не гений. (Что-то я не слышал такого мнения, недоверчивый редактор). И «Сладкая N» - не шедевр. Она сложна для восприятия скукой своего звука, относительной примитивностью записи и общим однообразием. Три песни подряд прослушать можно, 15 - тяжело (если их там 15...). Хотя я должен признаться, что вышеперечисленные беды создают своего рода гипнотический транс, граничащий с мазохизмом: «Ох, как это тяжело, интересно, что будет дальше?»

Дело не в том.

Все остальное, что я слышал за свою долгую жизнь в России по части рок-музыки в сравнении с Майком полное дерьмо. (Кроме некоторых песен Андрея Макаревича в его собственном исполнении и полдюжины песен «Санкт-Петербурга», но об этом ниже).

Майк возвышается над всем остальным рок-поток, как рабочий, вылезающий из канализационного люка. Единственный из всех, он реально поет о том, что реально происходит здесь сейчас с каждым из нас и тем языком, в терминах которого мы привыкли мыслить. Конечно, до адекватного, незаштампованного выражения ему так же далеко, как мне до пенсии, но всем остальным «рок-певцам» такого и не снилось.

Итак, «Сладкая N и другие». Это, конечно, уже не «Все братья - сестры», а шаг дальше. (Жаль только, что один шаг, а не больше). Каждая песня по отдельности - ничего, в сумме же создается общий фон, за которым прорезаются отдельные чудесные вещи.

Каждому может понравиться что-то свое. Мой личный выбор - «Пригородный блюз» (песня, которая начинается словами «Я сижу в сортире и читаю «Роллинг Стоунз», не может не понравиться, и удивительно лиричная сцена во втором куплете), затем, естественно - «Ты - дрянь» - прирожденный хит с изумительной строкой «Вперед, детка, бодро и смело», и, наконец, «Утро вдвоем». Несмотря на искусственность «зелья», «сэкса» (именно «сэкса», а не «секса» почему-то), - по недосказанности своей эта штука - чистое чудо, говорящее о всех нас в сотни раз больше, чем сто лет слушанья «Машины Времени» (которую я очень люблю). И последние две строки - у меня опускаются руки, мне нечего сказать. Если среди всех читателей этого бедного листка (но-но - угрожающий редактор) найдется хотя бы один человек с зачатками элементарного вкуса и чутьем на Поэзию, он поймет, что я имею в виду. Все остальное личное дело каждого, хотя заглавная песня - что-то вроде «Онегина», и будь со мной здесь сейчас А.С.Пушкин, я бы напился с ним немедленно за эту песню, и не только я с ним, но и он со мной. (Сколько можно терпеть эту алкогольную пропаганду - теряющий терпение редактор).

Милый конец - «Блюз твоей реки», еще кое-что довольно неплохое, а собственно, все здесь по-своему неплохо. Выбирайте сами.

Это далеко не шедевр, но Майк может больше. Я ждал такого, как он, уже десяток лет и готов подождать еще немного, во всяком случае, теперь есть чего ждать.

P.S. Я обещал вернуться к Макаревичу и Корзину. Они - другое дело, они идут с другого конца. Они берут привычную форму советской песни и стараются приблизить ее к реальным нашим чувствам, сделать ее интересной. Майк же берет наши чувства и делает из них песню. Те двое - идеалисты (пессимисты, оптимисты, но идеалисты), этот же имеет дело с реальными предметами и ситуациями, не пряча ничего за привычной символикой. В тех - энергия искусства, в этом - энергия жизни.

P.P.S. Кстати, рекомендую обратить внимание на обилие блюзов. Скоро возникнет библиотека советских блюзов, и Майк займет в ней не последнее место.

P.P.P.S. На самом деле, я не люблю Майка за то, что у него слишком мало песен, и еще меньше полноценных. Но две, написанные после выхода «Сладкой N» - «Сладкая N номер 3» или «Горький Ангел» и «Когда я знал тебя совсем другой» - на голову выше материала, рассмотренного мной выше. Если успех и Москва не испортят его чутья, если его не затрахают девушки и не споят пожилые эстеты, то я рассчитываю на кое-что в

будущем.

Может быть сегодня все-таки стоит напиться? (Ну, хватит! - редактор, у которого лопнуло терпение) Пожалуй, да. А если не нравится, не просите больше писать статей. Целую, Б.

ИНТЕРВЬЮ С МАЙКОМ. «Рокси» N4, 19...

- Скажи, Майк, почему, играя довольно часто с «Аквариумом» и даже записав 1978 году вместе с Гребенщиковым «Все братья - сестры», ты так и не стал полноправным членом «Аквариума»?

- Собственно, когда-то я был их электрическим гитаристом. Тогда мы играли более или менее танцевальную программу. Теперь же они играют другую музыку. Все они мои старые и большие друзья, и они мне изредка помогают.

- Только что закончились твои с «Аквариумом» совместные гастроли. Доволен ли ты своим выступлением? (Кстати, «Аквариум» в Москве выступил бесподобно, такого Москве и не снилось.)

- Тем, как меня приняли - доволен. Своим же выступлением не очень, потому что все могло бы быть и лучше.

- Недавно публика увидела и услышала твой альбом «Сладкая N и другие». Что ты можешь сообщить о нем?

- «Сладкая N» - потрясающая женщина, которую я безумно люблю, но при этом я совершенно не уверен, что она существует.

- Является ли «Сладкая N» идеалом жены и любовницы для тебя?

- Любовницы - да, жены - ни в коем случае, я бы удавился или развелся. Скорее второе.

- А доволен ли ты художественным воплощением ее на обложке?

- Я же говорю, что никогда не видел ее. Но, может быть, она и похожа на ту на обложке.

- Какие песни вошли в альбом?

- Старые вещи, которые я когда-нибудь буду играть (их минимум - они на первой стороне), и поэтому хотелось где-нибудь эти пленки сохранить. Кроме того, в альбом вошли песни, написанные в этом году. В «Сладкую N» вошли песни на 70 процентов электрические, которые в акустике звучат совсем не так, как задуманы. В сущности, альбом - это серия вещей, записанных без репетиций, спьяну и сдуру.

- Кто помогал в создании альбома?

- Во-первых, Вячеслав Зорин, гитарист «Капитального ремонта». Я очень люблю его, как музыканта, и на этом альбоме он делал в большинстве так, как нужно. Он один из самых целеустремленных и

работающих (на этом месте Майк замялся); еще Гребенщиков, которого я тоже очень люблю, он играет на губной гармошке, правда, очень мало, но то, что надо. Во многих вещах он помог мне сделать звук, помог советами и делом. Ну, и еще - Наталья, художница, оформила обложку альбома, ей помогал Вилли Усов один из лучших фотографов, мне известных.

- Одна из популярных вещей альбома «Блюз де Моску». Известно, что ее очень тепло принимали в Москве...

- Эта вещь единственная в альбоме, написанная не мной одним, а в содружестве с Игорем «Ишей» Петровским. Он лучший в мире панк-вокалист, а Роттен - его жалкое подобие.

- В твоём альбоме есть строка: «В мире нет ничего интересней, чем сплетни про меня.».

- А про меня и в самом деле ходит много сплетен.

- А какая из них самая любимая?

- Самая последняя: что я уже в Лос-Анджелесе. Черта с два, я здесь и навсегда.

-Твои дальнейшие планы?

- Собираюсь играть, писать, записываться, сотрудничать со всеми, кому это нужно.

ДРЯНЬ

Ты - дрянь.

Лишь это слово способно обидеть.

Ты - дрянь.

Я не хочу тебя любить и не могу ненавидеть.

Ты не тот человек, с которым я способен жить.

Когда ты лжешь мне в лицо, я готов тебя убить.

Ты строишь всем глазки у меня за спиной,

Ты бьешь мои тарелки одну за другой.

Ты - дрянь.

Ты спишь с моим басистом и играешь в бридж с его женой.

Я все прощу ему, но скажи, что мне делать с тобой? Тебя снимают все подряд, и тебе это лестно, Но скоро другая займет твое место.

Ты - дрянь.

Ты продала мою гитару и купила себе пальто.
Тебе опять звонят весь день, прости, но я не знаю - кто.
Но мне до этого давно нет дела,
Вперед, детка, бодро и смело!
Ты - дрянь.

Ты клянчишь деньги на булавки, ты их тратишь на своих друзей.
Слава Богу, у таких как ты, не бывает детей. Ты хочешь, чтоб
все было по первому сорту, Но готова ли ты к пятьсот второму
аборту? Ты - дрянь.

Ты вновь рыдаешь у меня на плече, но я не верю слезам.
Твое красивое лицо катится ко всем чертям. Но скоро,
очень скоро ты постареешь. Торопись, и тогда, может
быть, ты успеешь. Ты - дрянь.

Нет, ты не тот человек, с которым я способен жить.
Когда ты лжешь мне в лицо, я готов тебя убить.
Наверное, мы сделаны из разного теста, И скоро
другая дрянь займет твое место. Ты - дрянь.

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ

Я слишком долго был здесь,
Наверно, мне пора прощаться.
И все же я хотел бы остаться, но, увы, мне пора.
Я возвращаюсь домой.
Я не был там так давно,
Меня не ждут там, и все равно
Я возвращаюсь домой.
Сладкое слово «домой»!

И когда я уйду, кто-то скажет:
«Что-то случилось с Майком».
И кто-то засмеется и откроет бутылку вина,
И вам про меня расскажут самую последнюю сплетню.
В мире нет ничего интересней, чем сплетни про меня!

Я возвращаюсь домой, Я не был
там так давно, Меня не ждут там,
и все равно Я возвращаюсь
домой.
Я возвращаюсь домой -
К грязным полам и немытой посуде,
К холодным простыням и увядшим цветам.

Я возвращаюсь домой -
К холодным сарделькам и яйцам вкрутую.
К пустым бутылкам и разбитым пластинкам - домой
Сладкое слово «домой»!

ВСЕ В ПОРЯДКЕ (ПРОСТО У МЕНЯ ОТКРЫЛИСЬ СТАРЫЕ РАНЫ)

Я привык к тому, что всю жизнь мне везло,
Но я поставил на двойку, а вышел зоро.
И вот самоубийца берется за перо и пишет,
И скрип пера по бумаге - как предсмертный хрип.
Мой евнух был героем, но он тоже погиб.
Я кричу, но ты не слышишь мой крик,
И никто не слышит.

Я встаю и подхожу к открытому окну,
Вызывая тем самым весь мир на войну.
Я взрываю мосты, но я никак не пойму: кто их строил?
И последний автобус ушел уже давно,
И денег на такси мне не хватит все равно.
Я видел все это когда-то в кино,
И все равно я расстроен.

Но не пугайся, если вдруг
Ты услышишь ночью странный звук.
Все в порядке. Просто у меня открылись старые раны.

И я пишу стихи всю ночь напролет,
Зная наперед, что их никто не прочтет.

Зачем я жду рассвета? Рассвет не придет. Кому он нужен?
Слава Богу, осталась бутылка вина,
Но как странно ползет на стену стена,
И я посредине, но я сам виноват,
И к тому же простужен.

Но не пугайся, если вдруг
Ты услышишь ночью странный звук.
Все в порядке. Просто у меня открылись старые раны.

И даже тишина звенит в моих ушах,
И стрелки почему-то застыли в часах,
И дым в глазах, и цепь на руках, и нечего есть,
Но все будет так, как оно быть должно.
Все будет именно так, другого не дано.
И все же, как бы я хотел,
Чтобы ты была здесь.

Но не пугайся, если вдруг
Ты услышишь ночью странный звук.
Все в порядке. Просто у меня открылись старые раны.

И на завтра ожидается мрачный прогноз,
К тому же я остался без папирос,
И в каждой клетке нервов горит свой вопрос,
Но ответ не найти.
Но так ли я уверен, что мне нужно знать ответ?
Просто я часть мира, которого нет.
Мой последний шедевр - немыслимый бред.
Мой последний куплет давно уже спет.
Так было, так есть, так будет много-много лет.
И нет другого пути.

Так не пугайся, если вдруг
Ты услышишь ночью странный звук.
Все в порядке. Просто у меня открылись старые раны.

СЛАДКАЯ N

Я проснулся днем одетым, в кресле,
в своей каморке средь знакомых стен,
Я ждал тебя до утра. Интересно, где
ты провела эту ночь, моя Сладкая N?

И кое-как я умылся и почистил зубы,
и, подумав, я решил, что бриться мне лень.
Я вышел и пошел, куда глядели глаза -
благо было светло, благо, был уже день.
И на мосту я встретил человека,
и он сказал мне, что он знает меня.
И у меня был рубль, и у него четыре,
в связи с этим, мы взяли три бутылки вина.

И он привел меня в престранные гости:
там все сидели за накрытым столом,
Там пили портвейн, там играли в кости
и называли друг друга говном.
Все было так, как бывает в мансардах -
из двух колонок доносился Бах. И каждый
думал о своем: кто о шести миллиардах,
а кто всего лишь о шести рублях. И
кто-то, как всегда, нес чушь о тарелках,
и кто-то, как всегда, проповедовал дзен,
А я сидел в углу и тупо думал, с кем и где
ты провела эту ночь, моя Сладкая N?

Не принимая участия в общем веселье,
я забился в кресло и потягивал ром.
А люди приходили и опять уходили,
и опять посылали гонцов в гастроном. И
дамы были довольно любезны,
и одна из них пыталась захватить меня в плен,
А я молчал, пень пнем, и думал, с кем и где
ты провела эту ночь, моя Сладкая N?

И я был зол на себя, и я был зол на вечер,
и к тому же с трудом отыскал свой сапог. И
хотя меня так просили остаться,
я решил уйти, хотя остаться мог. И
когда я вернулся домой, ты спала,
но я не стал тебя будить и устраивать сцен. Я
подумал: так ли это важно, с кем и где
ты провела эту ночь, моя Сладкая N?

УТРО ВДВОЕМ

Открой бутылку. Треснем зелья –
Необходимо ликвидировать похмелье,
Иначе будет тяжело прожить этот день.
Как вкусно пахнет, явно щами, Мой разум
занят очень странными вещами. И я ничего
не хочу, мной овладела лень.

Я ничего не обещал тебе, И ты мне ничего
не должна, Но мы же любим друг друга?
Наверное, да - ведь ночь была так нежна.

Немножко кофе, немножко сэкса,
Совсем чуть-чуть Tyranozaurus Rexa.
Отбойный молоток за окном стучит, почти как Стив Тук.
Открой окно. Как там погода?
Чуть-чуть прохладно? Что ж, такое время года,
Но мне пока что тепло в кольце твоих рук.
Горячий душ и легкий завтрак,
И мы идем гулять, но
Скажи, почему меня бросает в дрожь,
когда ты пытаешься меня обнять?

BLUES DE MOSKOU

Здесь нас никто не любит, и мы не любим их.
Все ездят на метро, ну, а мы не из таких.
Ага, мы берем мотор, хотя в кармане - голяк,
И мы киряем свой портвейн, мы пьем чужой коньяк
Я не люблю Таганку, ненавижу Арбат -
Еще по одной, и пора назад.

Здесь нас никто не любит и не зовет на флэт,
Не выставляет пива, не готовит нам обед.
Мы всем поддерживаем кайф, нам кайф ломают кругом,
В Сокольниках и в центре - один крутой облом.
Здесь холодно и гадко, здесь очень не в умат -
Еще по одной, и пора назад.

И барышни в столице милы, но не для нас.
Они не любят музыкантов, идут в сплошной отказ.
Меня динамит телеграф, не выдавая перевод,
Мне некуда укрыться, когда болит живот.
Из порванной штанины глядит мой голый зад -
Еще по одной, и пора назад.

Там стрёмно в магазинах, там все не как у нас,
Там не купить портвейн, в продаже только квас.
Народ там озверевший, он бьет друг другу фэйс,
Никто не слышал STRENGLERS, на топе только SPACE.
От этой всей достачи так и тянет на мат -
Еще по одной, и пора назад.

СВЕТ

И когда мне так плохо, что вынести это никак нельзя,
И когда жизнь - это не жизнь, а просто обломок странного дня,
И когда в сером небе над полем кружит воронье,
Я шепчу: «Да святится имя Твое».

Откуда столько сомнений?
Я пытаюсь их гнать.

Но если связаны руки, очень сложно играть.
Я - простая дворняжка, и одет я в рваньё,
Но я шепчу: «Да святится имя Твое»

Думай - не думай, если хочешь жать, сначала посей,
Но ты же знаешь, ты же знаешь, в этом мире
слишком мало людей
И они говорят мне так много слов, но я знаю - все вранье,
И я шепчу: «Да святится имя Твое»

Только тот и несчастлив, кто не смеет украсть.
Ну, а если всю жизнь ты прожил на дне - невозможно упасть.
Но костры еще не сгорели, и глумится зверье,
Мои руки в огне, мое сердце - мишень,
Но я кричу: «Да святится имя Твое!»

ПРИГОРОДНЫЙ БЛЮЗ

Я сижу в сортире и читаю «ROLLING STONE»,
Венечка на кухне разливает самогон, Вера спит
на чердаке, хотя орет магнитофон, Ее давно пора
будить, но это будет моветон.

Дождь идет второй день,
Нужно спать, но спать лень.
Хочется курить, но не осталось папирос,
Я боюсь спать, наверно, я трус,
Денег нет, зато есть пригородный блюз.

Какая-то мадам звонит мне третий раз, От нее меня
тошнит, тошнит уже не первый час. Я говорю ей:
«Ненавижу, не люблю и не хочу». Я говорю:
«Меня здесь нет, я давно ушел к врачу».

Разбиваю телефон, иду пить самогон.
Хочется курить, но не осталось папирос, Я
боюсь пить, наверно, я трус, Денег нет,

зато есть пригородный блюз.

Часы пробили ровно одиннадцать часов, Венечка
взял сумку с тарой и без лишних слов Одел мой
старый макинтош и тотчас был таков, Вера слезла с
чердака чтоб сварить нам плов.

Двадцать лет, как бред,
Двадцать бед - один ответ,
Хочется курить, но не осталось папирос,
Я боюсь жить, наверно, я трус,
Денег нет, зато есть пригородный блюз.

Я боюсь думать,
Я боюсь спать,
Я боюсь пить,
Я боюсь жить.
Наверное я трус - ну и что же.
Денег нет, зато есть пригородный блюз!

СЕДЬМОЕ НЕБО

Ты сидела и скучала в мягком свете свечей,
И чей-то рок-н-ролл мешал тебе заснуть.
Я сказал тебе: «Пойдем со мной». И ты пошла.
Даже не спросив, куда лежит мой путь.
И вот мы пришли, скажи, куда мы пришли?
Ты говоришь, что это рай. А не надо так шутить!
Здесь слишком грязно, здесь слишком темно,
Здесь слишком много дверей, но мне никак не уйти.

И ты тянешь меня на седьмое небо, Постой,
зачем? Я там был и не раз. Ты тянешь меня на
седьмое небо, Постой, не сейчас, может быть,
в другой раз.

У, ты красивая вещь из тех, что ставят на каминную полку,

Ты не умна и не глупа, ты - никто, но что же из того?
Из всех нас слишком мало толку.
Я прошу тебя: давай не будем лезть друг другу в душу,
Искать напрасно то, чего нет.
Зачем же усложнять, ведь мы так дружно делим
Портвейн, телевизор, сортир и обед.

Ты тянешь меня на седьмое небо, Пстой,
зачем? Я там был и не раз, Ты тянешь меня на
седьмое небо, Пстой, не сейчас, может быть,
в другой раз.

Седьмое небо-это так высоко Колени дрожат и кружится голова.
И если ты первой не столкнешь меня вниз,
Рано или поздно я столкну тебя.
Послушай, милая, ведь это же страшно -
Поставить свою жизнь и на кого? На меня.
А забудь все, что я тебе сказал,
Иди сюда, я опять хочу тебя.

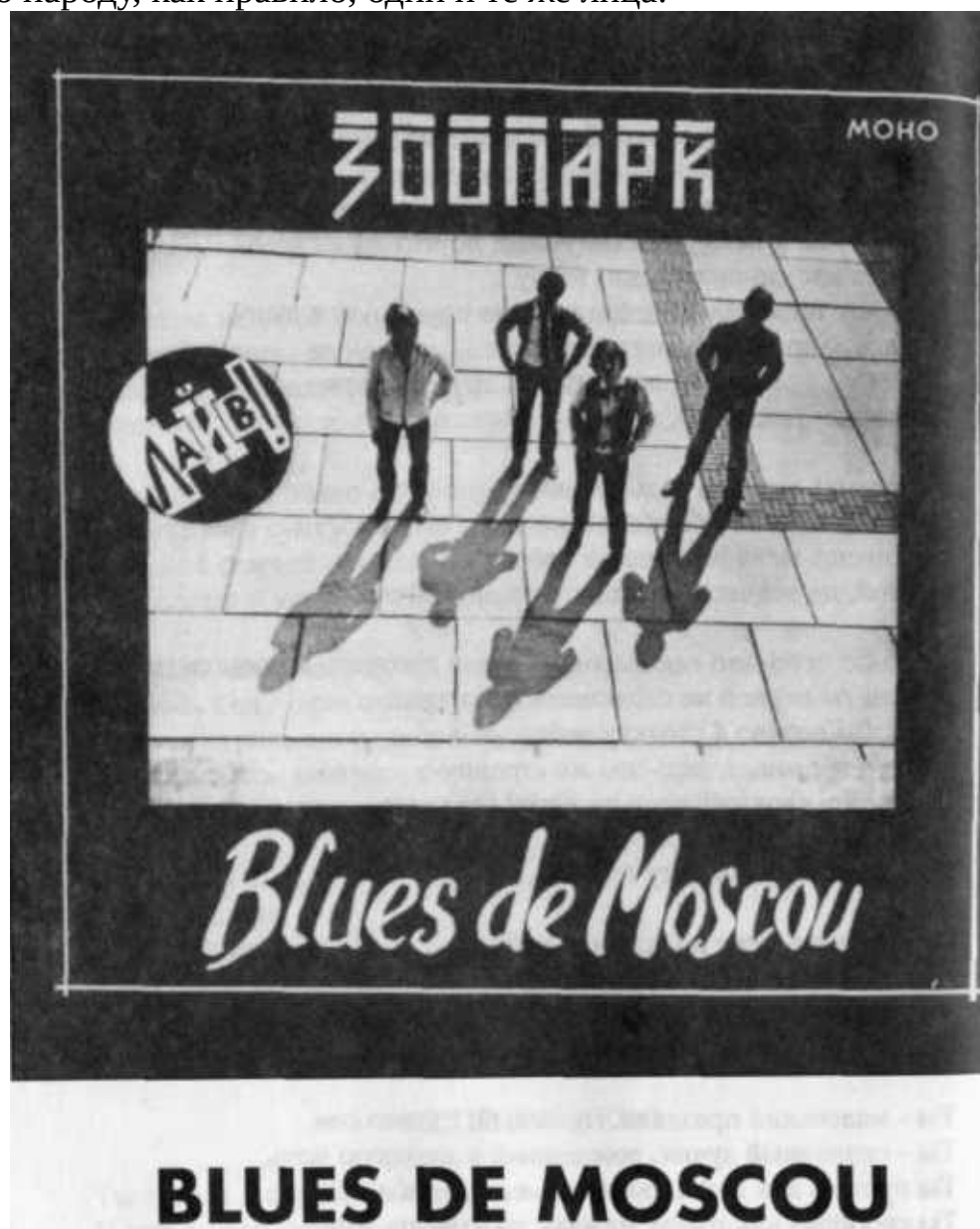
И ты тянешь меня на седьмое небо, Пстой,
зачем? Я там был и не раз, Ты тянешь меня на
седьмое небо, Пстой, не сейчас, может быть,
в другой раз.

Ты - маленький праздник, чудесный, словно сон,
Ты - солнечный лучик, рожденный в звездную ночь,
Ты пришла как июль, ты знала, я ждал тебя всегда,
Ты свободна как птица, я знаю, ты умеешь летать.
Глаза твои - крылья, река течет в твоих волосах,
Я вошел в эту реку, и я вышел другим. Я стал тем, кто я есть
Ты святая колдунья, ты танцуешь сквозь запах весны,
Ты научила меня видеть небо и верить в себя,
Где мне взять сил прожить эту жизнь без тебя?

Илья Смирнов

Эта история уже достаточно хорошо известна. Я входил в такую группировку людей, которые собрались около 1980-81 годов вокруг студенческого клуба «Рокуэлл Кент» в МИФИ, первоначально никак не связывал свои цели и задачи с музыкой. Я был приглашен туда в качестве специалиста по изданию подпольных журналов, не уточняя направленности. И хотя специалистом я был довольно хуевым, то единственное, чего мне удалось добиться, это то, что меня-таки забрали. Но учитывая то, что у нас «вор в законе» - это человек, который не вылезает из тюрьмы, в отличие от западных представлений о профессиональном преступнике, может быть, я действительно был специалистом. Во всяком случае, нам удалось наладить издание журнала «Зеркало», от которого пошли «Ухо» и «Урлайт». И только потом, после того, как мы столкнулись с абсолютной неспособностью богемно-литературной интеллигенции что бы то ни было делать, в частности, издавать журнал, мы переквалифицировались на рок-музыку, чему способствовал человек по имени Володя Литовка, арестованный впоследствии по делу Романова в начале 1984 года. Он как раз пришел на одно из маразматических этих заседаний и сказал, что если журнал будет уделять половину своего внимания рок-музыке, то он берется вместе с товарищами по дискотеке наладить распространение и изготовление журнала, что и было сделано. Так сложился наш забавный коллектив. А я тогда, кроме Макаревича, вообще ничего не знал в советском роке и поинтересовался, что это такое, «советский рок»? Мне сказали, ну, как же, мол, есть, например, такой Гребенщиков. Таким образом, в качестве полпредов к нам попали сначала Гребенщиков и Дюша, которых туда ангажировал Троицкий, который у нас официально значился в бумагах как «ведущий семинара «Искусство и коммунистическое воспитание», которые мы сдавали в партком. Журнал, собственно, и выходил в качестве стенгазеты при этом семинаре. Ну, всем было достаточно понятно, что это такое, и поэтому, когда клуб закрывали, то перед носом у президента трясли последним номером «Зеркала», где были напечатаны стихи Звездочетова: «Приветствую вырождающиеся нации - в них сладостная нега и гниль аристократии, а так же вершина человеческого общения - половые извращения». Говорили в парткоме: «Что, сука, это и есть твое коммунистическое воспитание?!» Таким образом, мы вышли на

Гребенщикова, а Гребенщиков, в свою очередь, очень рекламировал Майку. На памятном своем концерте в НПО «Норпласт» на задворках Москвы он исполнял майковский «Пригородный блюз» и, на мой взгляд, не в обиду Майку, это было лучшее прочтение этой песни. И он всем кричал: «Вы знаете такого человека - Майка?» И человека три с половиной ему ответили: «Да, знаем». На самом деле, тогда круг любителей советского рока был невероятно элитарным - вширь все это пошло только году в 82-м, благодаря магнитофонной индустрии. А тогда на концерты ходило очень немного народу, как правило, одни и те же лица.

Вообще, информации никакой не было, однажды я начал говорить о

Гребенщикове с молодыми ребятами - студентами, своими друзьями, а они спрашивают: «А, это тот, который гомосексуализмом в Тбилиси занимался?» Это все, что они знали с подачи Саульского, который, обидевшись на то, что его выкинули из зала, начал пускать всякую клеветническую парашу про Б.Г. А люди, кроме этого, вообще больше ничего не знали.

Итак, Гребенщиков очень агитировал нас пригласить Майка. И вот, Володя Литовка договорился о снятии огромного киноконцертного зала в Москворечье и выписал туда «Аквариум». Директор ДК в это время был в отпуске. Через МИФИ Литовка каким-то образом провернул эту аренду, и замдиректора, который где-то там все время тусовался, мы упоили до такого состояния, что он, вероятно, не мог бы отличить «Секс-Пистолз» от Боба Дилана. И поэтому, против всех законов природы, концерт прошел до конца. Очень хорошая была аппаратура - Макаревичевская. Концерт этот был для меня замечателен тем, что в первом отделении, к моему удивлению, публика очень холодно отнеслась к Майку, еще холоднее, чем к Б.Г. На Б.Г., когда он играл на химзаводе, уходила, примерно, треть зала (пытаюсь восстанавливать историческую правду), здесь - ушла едва ли не половина, в том числе люди, которые потом его полюбили. В основном, как я понял, обламывала музыка. Люди привыкли к более или менее сложной музыке типа «Воскресения», и вот эта, намеренно упрощенная музыка «Зоопарка», она с самого начала людей шокировала. Эта ситуация Майка, несмотря на то, что он выпил пару стаканов вермута, сильно обломала, да и меня тоже. Но, что-то нужно было делать, как-то выправлять концерт, и я ему сказал: «Ну что, надо гнать всю стрему, чтобы людям понравилось». И покатили - «Дрянъ», «Пригородный блюз», все те вещи, которые тогда воспринимались просто, как сейчас вооруженное восстание. Это, конечно, произвело впечатление даже на пожилых людей. Я помню реакцию моего папы, который тоже присутствовал на концерте, так он потом сказал, что Майк - это большой лирический поэт.

Вот так я к нему до сих пор и отношусь, хотя он к себе относился совершенно иначе. И когда он писал свою автобиографию для нашего «Зеркала», он как раз упирал на свои англосаксонские корни, я его вполне понимаю, но я его воспринимал и воспринимаю только так. По умению работать со словом это, наверное, после Башлачева второй человек. У него, конечно, вещи достаточно неровные, но есть произведения, которые читаются с листа - это большая редкость для рок-поэзии. Вообще, рокеры ведь страшно отрицают свою преемственность от бардов, всем же надо быть непременно Иисусами Христами, основателями совершенно новой

религии, которой никогда не существовало. На самом деле ясно, что в основе всего этого движения у нас, конечно, лежало слово, потому что на том уровне магнитофонных записей, на том уровне концертов, которые у нас тогда происходили, никакой музыки реально человек услышать и въехать не мог. Люди слушали на самом деле, слова и очень простое к ним сопровождение. Это просто объективная реальность, от которой никуда не денешься. Были группы предыдущего поколения типа «Воскресения», был Рацкевич и другие, которые делали ставку на музыку, но они нуждались в совершенно другой материальной основе своей деятельности. Ведь Майк в Москву приезжал так же, как Цой и другие - концерты-то в основном были квартирные, акустические. Такой большой концерт, как в Москворечье, у «Зоопарка» был, собственно, всего один. А в акустике за те же годы он дал десятки концертов. Он часто выступал по Подмосковию, аппаратура была лажовейшая - брали ее на дискотеках, она звучала, как сортирный бачок. Но даже такой иногда достать не удавалось. Вот, например, в городе Троицке концерт не состоялся, и Майк пошел вместе со зрителями в лес и пел на полянке под гитару.

Майк был человеком, сознательно не трогающим политику. Политики в его песнях было гораздо меньше, чем у Гребенщикова, просто ноль. Но, тем не менее, его здесь власти не любили больше, чем кого бы то ни было. Свинью (Андрей Танов, лидер «АУ») просто мало знали тогда, и, пожалуй, самым нелюбимым существом для властей был Майк. Только на моей памяти было три концерта «Зоопарка», обломившихся в последний момент - в Моспроекте, на Фрунзенской и в этом самом Троицке. Один раз концерт обломился, потому что умер Брежнев. То есть тут еще был элемент невезения. В конце концов настал такой момент, когда «Зоопарк» вообще приезжать в Москву не мог. Это было как раз начало той репрессивной кампании, которая, пожалуй, сильнее всего прошла по Москве. В Питере арестовали группу «Трубный зов», а у нас довольно много народу пострадало: человек, который из-за этого не вырос в нашего Тропилло - Арутюнов Алексей, Леша Романов, Ива (Жанна Агузарова). С Майком же получалось так: мы его приглашаем, но каждый раз облом.

Вот, опять-таки концерт в Троицке, как все получилось на самом деле. Мы приехали в зал, а ребята нам говорят, что вот, мол, приехала Лубянка и Петровка. Они всегда приезжали тандемом. Кстати сказать, это привет от Ленинградского рок-клуба. С какого-то момента каждое обращение в Ленинградский рок-клуб по поводу вызова группы заканчивалось этим. При Гене Зайцеве как было? Посылаешь письмо, запрос от какой-нибудь комсомольской организации, и приезжает группа. Потом началось -

приезжает группа, следом за ней КГБ и Петровка. Наконец, группы вообще перестали приезжать, и приезжали только КГБ и Петровка. Соответственно, я начал рассуждать, как Винни Пух: что называется ульем? Это место, где живут пчелы. А если какое-то место в ответ на обращение присылает ментов, то что это за место? Рок-клуб?

В каком-то смысле жертвой всех этих прихватов стал Майк. Мы в очередной раз ему позвонили и говорим: «Приезжай». Он говорит: «Не могу, рок-клуб запретил нашей группе гастролировать». Вот это номер! Я спрашиваю: «А тайно как-нибудь нельзя?» А как тайно, когда все равно это в общем-то в своей среде, все равно это моментально будет всем известно. Если это было просто отделение милиции, а то, фактически, отделение милиции у тебя дома. Я говорю: «Ладно, давай мы это как-нибудь обойдем». Придумали для него замечательный вариант. Я договорился с группой «ДК» - у них был богатый опыт ресторanno-филармонической деятельности. Они разучили по записи программу «Зоопарка», приехал Майк как бы один, без ансамбля, сам... И впервые в жизни встретившись с «ДК», выступал в качестве их солиста, а они ему подыгрывали. То есть в случае чего, если бы его вдруг вызвали пред светлые очи, он бы сказал, что случайно оказался в Москве, «Зоопарк» не имеет к этому никакого отношения, и концерта «Зоопарка» не было. Но шли люди на «Зоопарк». А после этого уже вторым отделением играло собственно «ДК» и с ними Женя Морозов, которого потом тоже посадили - это рефрен всей нашей истории.

Я помню, что Майк тогда был очень доволен гитаристом «ДК» Димой Яншиным и очень недоволен барабанщиком. Это не потому, что судьба Жарикова сложилась таким говнюшечным образом, а просто это объективные воспоминания. Это был 1983 год, последний год, когда в Москве вообще шли концерты, потому что Андропов где-то в 1984 году уже навел порядок - арестовывать начали в августе 83-го, а в 84-м, после облавы на концерте «Браво», концерты в залах прекратились примерно на год, остались только акустические квартирники. К тому времени относится наша последняя деловая встреча с Майком. Мы с Юрой Непахаревым, моим коллегой по журналу «Ухо», ездили в Питер, были у Майка, просидели там сутки и, надо сказать, в панике оттуда сбежали. Панику вызвала атмосфера Ленинградского рок-клуба. А Майка мне было чудовищно жалко. Потому что он оказался погруженным в тусовку настолько ниже его уровня и вынужден был выступать в качестве развлекателя перед людьми, которые просто... Ну, я не знаю, это все равно, что заставить Пушкина где-то в пивной развлекать пьяное быдло. Я не

сравниваю Майка с Пушкиным, но это был человек, который действительно творил и умел это делать. Поэтому для меня понятно, что с ним произошло. Человек оказался волею обстоятельств втиснут в чужую референтную группу, которую он, наверное, и не осознавал сам, как чужую. Он-то думал, что это все братки, все свои по-прежнему, относился к этому очень легко. Что могло случиться с ним дальше? Он мог бы приспособиться к этому, как многие наши рок-музыканты, а мог сломаться. Но я считаю, что первый вариант худший, потому что на тех, кто приспособился, смотреть совсем грустно. Выбор Майка был более честным. А игра была нечестная. Все это мажорище, которое там плясало и выебывалось, особенно перед иностранцами, изображало, что это все - проявление свободы в Советском Союзе. А при этом у каждого из-за спины выглядывало по два стукача.

Я не говорю здесь про алкоголь, потому что алкоголь - это следствие, а никогда не причина. Один ведь спился, другой - нет. Как правило, не спился тот, кто нашел в жизни свое решение.

Этот человек вписал свою страницу в русскую культуру. Тут не при чем какой-то там рок - это может называться каким-либо другим словом - явление Майка - абсолютно самобытное, в независимости от того, как сам художник его определяет. Бальзак думал, что он защищает монархию, а делал прямо противоположное. Конечно, жалко, что Майк сделал меньше, чем мог бы - ну что же, мы все ходили под Богом, и все что угодно могло с ним случиться. И в 81-м уже было ясно, - что времени нам отпущено очень немного. По той или иной причине, но как правило, для большинства это так и оказалось.

Дядюшка Ко (Артем Троицкий). ПЕСНИ ГОРОДСКИХ ВОЛЬЕРОВ. (М.НАУМЕНКО И ДРУГИЕ).

Существует ли рок-поэзия? Не просто, как рифмованные слова, которые поют, а как отдельное явление, обладающее своей спецификой.

Скажем, в джазе достаточно сильна вокальная традиция, но джазовой поэзии нет. Битниковские штучки Гинзберга и Ферлингетти сочинены «по поводу» и непосредственно к «телу» джаза имеют не большее отношение, чем популярные джазовые эссе Кортасара.

Другой, более спорный прием - КСП. Я считаю, что КСП тоже не породил своей поэзии. Во-первых, потому что в «лучших» традициях этого движения заимствовать стихи у прошлых и здравствующих знаменитостей. Во-вторых, то, что создается в оригинале, как правило не ново и ублюдочно: лексикон от символистов, настроение - от Есенина, плюс синдром романтики дальних дорог, королей, свеч и т.п.

Заметьте: я не говорю о качестве и коэффициенте Аи Кью авторов, меня интересует только факт наличия (отсутствия) чего-то специального. В современной эстрадной поэзии (текстовке) пример обратного рода - о качестве творчества, судя по общепринятым критериям, речи вообще идти не может. Но как чудесен, самобытен этот мир! Запредельные строчки типа «пусть созвездие любви наведет на нас мосты» (слова поэта-лауреата и пр. Андрея Дементьева) не только спокойно исполняются телерадиосолистами, но и с энтузиазмом подхватываются (особенно на припевах) тысячными массами слушателей. Это замечательно, это фантастично, иной мир, иные законы ...

Вернемся к изначальному вопросу. Я склонен дать на него положительный ответ. Неповторимость словесной стихии рока обусловлена тем обстоятельством, что это самая массовая (а), непрофессиональная (б), не тиражируемая (в), что отличает ее от стихов в альбомах (г), поэзия из всех существовавших когда-либо. Поскольку больше к теме профессионального стихосложения я не вернусь, обращаюсь с призывом: изучайте творчество Дербенева, Шаферана; это куда более занятно и полезно, чем копать в Окуджаве.

Отсюда, именно отсюда - имманентные, наиболее характерные «видовые» черты рок-поэзии: естественность, простота, уличность. Кроме

того, лексикон, основанный на разговорном языке, жаргоне. Наконец, проблематика, касающаяся «здесь и сейчас».

Однако, дела обстоят несколько сложнее. Рок-поэзия очень неоднородна. В ней сосуществуют и «академическая» струя, и масса штампов «профессиональной» массовой культуры, и чисто фольклорные, традиционные дела. Конечно, все годится. Но вот парадокс: «очень культурный» негр Чак Берри, писавший стихи с рифмами вроде «танго-мамба», совершил переворот в мозгах, и песни его - в том числе и благодаря словам, с кайфом распеваются до сих пор. А, скажем, Пит Синфилд (текстовик Кинг Кримсон, ЭЛИ), поразивший на один сезон воображение готическими сюрреализмами, грандиозными аллегориями и пр., давно забыт и так и остался одним из сонма небестальных подражателей титанов поэтической цивилизации - от Мильтона до Т.С.Эллиота.

Так что у рок-поэзии тоже свои законы и своя система ценностей, во многом противоположная той, к которой мы привыкли. И глупо подходить к словам рок-песен с критериями академической литературы. Еще глупее следовать этим критериям. Одна милая дама, послушав Гребенщикова, скисломордилась: «Примитив, джамбульщина, что вижу, то пою». (Гм, что уж говорить о Майке...). Мне не приходилось читать Джамбула (имя мне нравится), но, кажется, петь и надо о том, что видишь.

Конкретнее. Вот четыре наших популярных стихотворца на ниве рок-музика (в алфавитном порядке): Гребенщиков, Майк, Макаревич, Рыженко. Они очень разные: первый - философичен, второй - лиричен, третий - дидактичен, четвертый - саркастичен. Гребенщиков и Майк тяготеют к жаргону и проблемам личным, Макаревич и Рыженко - к нормальному лексикону и проблемам, так сказать, общественным. Майк и Макаревич пишут стихи в традиционно равномерно-рифмованной манере, БГ и Рыженко больше экспериментируют с формой. Пожалуй, самое главное: Макаревич и Гребенщиков в своем творчестве больше исходят из, если можно так выразиться (надеюсь, вы поймете), поэтического интеллектуального самосознания, Майк и Рыженко - из конкретных жизненных ситуаций. Особенно Майк. И за это ему - мерси. Почему-то поют о чем угодно, только не о том, что с ними лично происходит. Как редко услышишь настоящую песню от первого лица! «Я» Макаревича служит или назиданием другим («Кафе Лира»), или исполнено возвышенного пафоса («Три окна», «Свеча») и вряд ли доступно простому парню (вроде меня). Монологи БГ не столь патетичны, но все равно, за редким исключением («Кто ты такой», «Все, что я хочу») в них играет

рефлексия и мало милой сердцу джамбульщины.

Представим себе их муз. У БГ - богемная чудачка, неглупая и прихотливая. У Майка, конечно же, Сладкая Н - славная, центровая давалка, примодненная и, натурально, пьяница. Макаревич уже тыщу лет не писал о любви и вообще о женщинах, музу его представляю себе с трудом, в виде средних лет учительницы, незлой, интеллигентной и с устоями. Муза Рыженко - слепок патологий обыденности: нечто среднее между дикторшей телевидения и продавщицей из гастронома.

Вопрос к читателям: кто из этих баб нам всего ближе? Конечно, Сладкая Н (образ Рыженко чересчур умозрителен)! А потому сермяжная правда рока - за Майком. Нет, он не лучший поэт, но он более всего «в жанре».

Никто не снискал в последнее время столько комплиментов и, одновременно, столько ругани в свой адрес, как Майк. Уже на первом же его московском концерте часть зала иступленно аплодировала после каждого куплета, а другая часть синхронно и с чувством свистела. Как пишут в таких случаях, «равнодушных не было...».

Люся Петрушевская сказала, что ничего лучшего в жизни не слышала и через пару дней спела по телефону сочиненный под влиянием Майка (но с ее типичными героями) «Бабушкин блюз» про то, как соседи выживают из коммунальной квартиры старушку, страдающую недержанием кала... Напротив, Макаревича (а он, кстати, выступал непосредственно перед Майком) я редко когда видел таким раздраженным и недобрым. На мой вопрос «Ну как?» он ответил совсем не свойственными ему словами типа «хулиганство» и «безобразие». Уже на автобусной остановке, как мне рассказали, между сторонниками и противниками Майка (все они впервые услышали его за полчаса до того) произошла драка.

Дело в том, что находясь вполне в рамках (западной) роковой поэтической ортодоксии, Майк вместе с тем радикальнее любого другого порывает с существующими у нас песенными (в том числе и роковыми) словесными традициями. Идеалом здешних фанов уже много лет является Макаревич. Не будем ставить ему это в вину, но он крепко вшиб в юные головы любовь к трем вещам: «серьезности» тем (равнодушие, предательство, карьеризм и т.п.), «красивости» языка (свечи, костры, замки...) и общей символичности - аллегоричности - абстрактности (скачки, корабли с капитанами, барьеры, дома с окнами...) Гребенщиков чуть более интимен и вольнее в обращении с языком (сленг, англицизмы), но, в остальном столь же божественно возвышен и глубокомысленен, как Макаревич. Для довершения картины добавьте нетленное наследие

всевозможной Окуджавы, а также Созвездие Любви.

Бедный мальчик Майк! Какую толщу добротных стереотипов приходится ему пробивать своим аденоидным голосом! Единственная явная параллель - ранний «блатной» Высоцкий («С водки похмелье, а с Верки - что взять...»). Да и того, как не трудно заметить, любят не за исповеди молодых лет, а за следовавшие маски алкоголиков и солдат, притчи о волках и конях.

Легко быть умным, легко быть серьезным. Легко и надежно. Трудно быть искренним, трудно быть самим собой («но возможно...»). Один на сцене - всегда босс, скромный вождь и учитель. Другой - не очень понятен, но полон тайн, очарования. Один - над залом, другой - далеко в стороне. Только Майк стоит среди них. Голый, как в своей ванной комнате, куда неожиданно набежало столько сотен народу. Он демонстративно незащищен. Он позволяет себе выглядеть в песнях жалким и нелепым. Он нарочито антипатичен, даже в самых драматических ситуациях. И, в результате, он пожинает урожай глупых смешков и свиста нормальных ребят и девушек, у которых свои представления об искусстве. Они не хотят видеть себя, это зеркало плюет им в глаза.

У Майка полно посредственных песен. Он не гений, напротив, фантастический разгильдяй. Вряд ли его одного хватит на то, чтобы разогнать смурь праведного провинциализма нашей рок-поэзии. Если вам так уж дорого «разумное, доброе, вечное», то подумайте о наших потомках! Бедные чуваки, слушая современные рок-песни, решат, что мы жили в замках и башнях при свете свечей, не имели представления о гигиеническом сексе и портвейне, а разговаривали только о борьбе добра и зла.

Майк, первая пьяная ласточка. Он хил, но именно он подвинул Рыженку, именно он стал катализатором для варварской молодой шпаны Удовлетворителей. Да и на Гребенщикова, парня умного, он, несомненно, произвел большое впечатление. Остальные... пока «невинны, как младенцы, скромны, как монахи». В конце концов, это их личное дело. И единственное что меня огорчает - за последние полтора года гадкий Майк написал полторы песни. Никаких поблажек этому самодовольному Козлу (по гороскопу)!

М.НАУМЕНКО «ЗООПАРК».

«ЗЕРКАЛО», АПРЕЛЬ 1982, МОСКВА.

Журнал «Зеркало» весьма туманно намекнул мне на то, что очередной номер его выйдет в свет со статьей о нас. На тот случай, если редакция не отказалась от этого достойнейшего намерения, посетив наш концерт, я присылаю ей эти записки.

Я только что вернулся из Москвы в Петербург, сейчас ночь, половина второго, я сижу на кухне, курю любимый «Беломор» и пытаюсь более или менее связно и внятно изложить на бумаге свои мысли о нашей группе.

Для начала: сам факт существования «Зоопарка» меня глубоко удивляет. Мне до сих пор не ясно, каким образом удалось заманить трех человек в подобное заведомо безнадежное предприятие, но пока (тьфу-тьфу-тьфу) все складывается лучше, чем могло бы быть.

Я люблю группу «Зоопарк» за то, что многие ее не любят. Есть люди, которые нас буквально ненавидят. Я им очень за это обязан. Есть люди, которые нас считают одной из лучших (по крайней мере, в Ленинграде) групп. Им я, наверное, тоже обязан.

Играем мы нарочито грязный рок-н-ролл, не заботясь чрезмерно о чистоте звучания и тому подобном. Главное - это общий кайф, интенсивность звука, энергия, вибрации. Многие считают, что все должно быть прилизано и красивенько (петербургские группы «Зеркало», «Пикник», например). Я же придерживаюсь другого мнения. По-моему, главное, чтобы публике было не скучно. В конечном итоге мы все играем для (и на) нее.

История «Зоопарка» кратка. Мне всегда хотелось сделать программу, состоящую из моих песен, причем сделать ее в электричестве. Довольно долго это по разным причинам не удавалось. В конце концов все случилось так.

Однажды осенью 1980 года, когда я киял в гостях у своего приятеля Иши (Иша Петровский - замечательнейший человек, соавтор песни «Блюз де Моску»), к нему домой приехал его школьный приятель Илья Куликов, который оказался басистом. Мы понравились друг другу (оба - Овны) и, стоя на балконе и распивая очередную бутылку рома с пепси-колой (мой любимый напиток), решили попробовать поиграть вместе. Удивительно то, что утром мы об этом вспомнили. Попробовали. Понравилось.

Дело оставалось за вторым гитаристом и барабанщиком. Искали мы их довольно долго. Перепробовали несколько кандидатур, которые при ближайшем рассмотрении оказывались или хорошими людьми, но ни к черту не годными музыкантами, или наоборот. Наконец басист - перкуссионист «Аквариума» Михаил «Фан» Васильев порекомендовал мне некоего барабанщика, с которым играл в армии..

Барабанщиком этим оказался Андрей Данилов. Играл он в составе малоизвестной группы «Прощай, Черный Понедельник»(помните Воннегута?). Это был традиционный состав - гитара, бас и барабаны и играли они все, что не лень, начиная с Дин Перил и кончая «Б 52». Были у них и свои номера, которые лично мне не понравились, но многие отзывались об этом составе весьма положительно.

Я поговорил с Андреем и Шурой Храбуновым (лидер-гитаристом), и мы - эх, да заиграли вместе. Для начала мы не смогли придумать ничего умнее, как сесть на «точку» за город и играть на танцах. Место было весьма специальное: совхоз. Люди еще более специальные: подавай им «Бонн М» и «Машину Времени». Но платили нам мало и играли мы в этой связи то, что хотелось нам, а не им, а именно классические рок-н-роллы (Чака Берри, Карла Перкинса, Ларри Вильяме а и т.д.) и классику 60-х (Стоунз, Боуи, Ти Рекс). Правда, в коммерческих целях (чтобы не побили) приходилось исполнять им что-то «за Одессу» и пресловутый «Поворот», который мы играли, чтобы не было совсем тошно, в стиле реггей.

Работали мы там месяца три, но в конце концов пришли к выводу, что овчинка выделки не стоит: платят мало, ездить далеко, уволились и засели за свои номера.

Отрепетировали кусок программы, в мае прошли официальное прослушивание, залиговали часть песен (худшую) и получили разрешение на концертную, правда, непрофессиональную деятельность.

Сейчас играем концерты (реже, чем хотелось бы), репетируем (реже, чем хотелось бы), валяем дурака (больше и чаще, чем хотелось бы). На что-то надеемся, правда, на что, не знаем сами. Немного подробнее о музыкантах «Зоопарка». Лидер-гитарист - Александр Храбунов (Весы, Кабан). Всю жизнь играл в составах без ритм-гитары и потому любит «пилить» помногу. Сначала мне это не нравилось, но потом я понял, что в этом есть свой кайф, и сейчас с трудом могу представить, как бы мы звучали с другим гитаристом. Шурина гитара придает моим довольно легким песням уместную тяжесть. Шура очень тихий и спокойный, но несколько раз в году напивается сверх меры и становится абсолютно неуправляемым: пытается набить всем морду и прихватить всех барышень

в радиусе трех километров (ни то, ни другое обычно не получается). На сцене он преступно скромн. Бегать, прыгать и вставать в красивые позы отказывается напрочь, ссылаясь на занятость своими педалями. Я не теряю надежды на его перевоспитание. У меня есть подозрение, что моя музыка ему глубоко безразлична. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь.

Барабанщик Андрей Данилов (Дева, Обезьяна). Жуткий бабник. У него феерическая куча дам, которая к тому же непрерывно растет. Основной недостаток его заключается в том, что в нетрезвом виде он решительно отказывается держать ритм и забывает все свои достаточно хорошо отрепетированные барабанные партии. Мы постоянно пытаемся не давать ему алкоголь перед концертами, но удается это, увы, далеко не всегда. Андрей любит всякую музыку и на данном этапе хочет играть «новую волну». Занимается фотографией.

Бас-гитарист Илья Куликов (Овен, Крыса). Несмотря на сравнительную юность имеет немалый музыкальный опыт. Играл везде, начиная с Ленконцерта, продолжая цирком и кончая разнообразными рок-группами. Я слышал только последнюю, она называлась «Маки» и была хороша. Я считаю Илью превосходным басистом. У него колоссальное чувство ритма и гармонии и весьма незаурядный вкус. Любит «Дорз», «Битлз», «Ху» и многое другое. Он пишет песни, которые, я надеюсь, мы когда-нибудь будем играть. У Ильи есть кое-какие черты, которые мне иногда не нравятся, но что делать, у кого их нет.

Наконец, дело дошло до меня. Я - Михаил «Майк» Науменко (Овен, Коза), играю на гитаре, пою и пишу (пока) все песни.

О себе придется писать поподробнее. За гитару взялся сравнительно поздно, лет в 15, естественно, под влиянием Битлз. Тут же начал писать песни, причем, по молодости лет, на английском языке - я знаю его не так уж плохо. Играл во множестве дряннейших составов, причем играть приходилось полный бред: от «Айрон Баттерфляй» и «Лед Зеппелин» до «Битлз» и «Ти Рекс» и все, что посередине. В 1975 году довольно близко познакомился с «Аквариумом» и под благотворным влиянием Гребенщикова начал писать песни на родном языке. Некоторое время играл с «Аквариумом» электрическую рок-н-рольную программу в качестве лидер-ритм гитариста. Мы лихо одевались и накладывали на лица килограммы грима. Это был кондовый, правда, несколько запоздалый глэм-рок.

Летом 1978г. мы с Гребенщиковым, сидя на берегу Невы, записали на пленку ряд наших акустических песен и выпустили «альбом» под названием «Все братья-сестры». Качество записи было устрашающее, но

это были хорошие времена.

В 1980 году, опять-таки летом, я записал (спьяну и сдуру) уже совсем сольный акустический «альбом» «Сладкая N и другие». В записи мне помогали все тот же Борис Гребенщиков и Вячеслав Зорин, гитарист весьма специальной группы «Капитальный Ремонт», с которой в 1979 году мы гастролировали по Вологодской области. Запись получилась хотя и хорошей по качеству (писались, наконец, в студии), но на удивление занудной (не многим она нравится). Впрочем, там есть, как мне кажется, хорошие песни. Осенью и зимой 1980 года я вместе с «Аквариумом» несколько раз приезжал в Москву, где пел и играл в качестве «сольного автора». Принимали меня неплохо, и я почти полюбил столицу, к которой раньше относился весьма скептически. К тому же у меня появился ряд очень приятных знакомств, которые я очень ценю, в их числе чудесная группа «Последний Шанс». Я отношусь к ней очень нежно.

В 1981 году начался «Зоопарк», о котором я написал все, что мог. Кроме того, в этом году я начал толстеть и катастрофически тупеть.

Моя анкета: (не знаю, кому и зачем она нужна, но тем не менее).

НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ: Михаил Васильевич Науменко.

СЦЕНИЧЕСКОЕ ИМЯ: Майк.

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 18.04.55

РОСТ: 1.73м. (что-то около).

ВЕС: не знаю.

ЦВЕТ ГЛАЗ: карие.

ЦВЕТ ВОЛОС: шатен.

ХОББИ: собирание материалов о Марке Болане и Т.Рекс.

1-е ВЫСТУПЛЕНИЕ: ей-богу, не помню.

КРУПНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ В КАРЬЕРЕ: пока не было.

НЕПРИЯТНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ В КАРЬЕРЕ: работа в ресторанном ансамбле на Кавказе.

ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ: очень темно-синий.

ЛЮБИМЫЙ НАПИТОК: ром, красные сухие вина.

ЛЮБИМАЯ ЕДА: не знаю.

ЛЮБИМАЯ ГРУППА (отечественная): «Аквариум», (зарубежная): «Битлз», «Т.Рекс», «Роллинг Стоунз».

ЛЮБИМЫЙ СОЛЬНЫЙ АРТИСТ: Лу Рид, Боб Дилан.

ЛЮБИМЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ: чтение западной музыкальной прессы и отечественных детективов 40-50-х годов, сдача пустых бутылок, валяние дурака, общение с рок-музыкантами посредством сухого вина.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ: играть и записывать ту музыку,

которая мне нравится.

P.S. На концерте к нам пришла записка, в которой любознательные слушатели интересуются, почему мы играем песни из репертуара группы «Аквариум». Думаю, что нужно разъяснить ситуацию. Мы НЕ играем чужих композиций. Все вещи, которые мы исполняли, были написаны мной. А Гребенщикова за то, что он не объявляет автора «Пригородного Блюза», я еще затаскаю по судам!

ПРОКОП СУРОВЫЙ

ИЗ СТАТЬИ «ЗАМЕТКИ О НОВОЙ ВОЛНЕ»

«УХО» 5(9), МОСКВА, 1983

В Ленинграде из ряда вон выделяются группы «Зоопарк» и «Кино». «Зоопарк» является значительным явлением рок-музыки 80-х. Модель, которую преподносит слушателям группа со своим лидером М.Науменко, свидетельствует о том, что в Союзе понимают и тонко чувствуют современную музыку. Группа играет панк-рок, разумеется, в отечественном его варианте. Автору трудно отметить какие-либо качества этой группы, ибо он глубоко

симпатизирует обитателям Зоопарка, а умение играть просто и ясно лишь подчеркивает профессионализм и великолепное чувство стиля (!), яркую и свежую концептуальность.

ИЗ СТАТЬИ «ВЕСЕННЯЯ ОПЕРА», УХО» 4, МОСКВА 1983

Акт 2. Смена лидеров. Хит парады областных газет и наблюдения за сейшенами наводят на мысль, что «Зоопарк» выходит вперед. Все, кто присутствовал на концерте 27 февраля под Москвой, не забудет в свой смертный час этого зрелища - лучшего сейшена в истории советского рока. Он продолжался до поздней ночи, музыканты свободно общались с публикой, исполняли вещи по заказу - такое трогательное единство, как разве что в старину, на концертах Высоцкого и Северного.

Это не мода, не продукт рекламы, а человеческое понимание и близость.

То, что произошло через месяц, в конце марта, послужило лишним доказательством особого положения М.Науменко в советской рок-музыке. В районе «Белорусской» выступали ленинградские группы, в том числе должны были пригласить и «Зоо», но устроители как-то случайно забыли вовремя позвонить и передать свое приглашение, поэтому в последний момент Майку пришлось обламываться с работы и срочно собирать группу. Тщетно. С ним приехал только ударник. Попросили подыгрывать гитариста «Пепла». Казалось бы, какая это группа? Огрызок от группы. Но в итоге зал слушал Майку наполовину стоя, рев заглушал 2-х киловатный аппарат, и хотя странный полу-«Зоопарк» выступал в середине концерта, в конце их приглашали на сцену и скандировали без конца: «Майка! Майка!» Только строгий приказ администрации разогнал фанов.

СТРАННЫЕ ДНИ

Странные дни отыскивали меня,
Странные дни принесли с собой странные ночи и запах огня.
Кто был прав, кто был виноват?
Кто запер Рай и спустился в Ад?
Кто, кто, кто поставил мне детский мат
В эти странные дни?

Странные дни пришли, как туман,

Странные дни подарили мне горькую правду и сладкий обман.
Кто превратил твою воду в вино?
Кто вышиб двери и вышел в окно?
Кто, кто, кто, а не все ли равно?
Странные дни.

Зачем ты считаешь, кто сколько взял,
Кто сколько выиграл, кто все проиграл,
Кто взял все и ничего не отдал
В эти странные дни?
Странные ночи и странные дни,
Тусклые будни мерцают, как яростный праздник, как странные
сны.
Нет сил думать, нет сил, чтобы петь.
Я прожил жизнь, я попался в сеть.
И я уже не боюсь умереть
В эти странные дни.

ГОРЬКИЙ АНГЕЛ

Ночь нежна. Свет свечей качает отражение стен.
Диско грохочет у меня в ушах, но мне не грозит этот плен.
Я ставлю другую пластинку и подливаю себе вино.
В соседней комнате Верочка с Веней.
Они ушли туда уже давно.

И я печально улыбаюсь их любви, такой простой и такой земной
И в который раз призрак Сладкой N встает передо мной. Когда-
то мы были вместе. Я вижу это словно сквозь стекло. Мы были
ближе многих других. Увы, это время прошло.

Но все сроки исполнились в срок, и каждый сыграл свою роль.
И я уже не говорю о разбитых сердцах, но я запомнил боль. Я
гляжу туда, где секунду назад еще стояла стена. Мой странный
гость - тень Сладкой N Смотрит сквозь огонь на меня.

Я знал других, но ее лицо я видел в своем лице.

Я знал все, что случится вначале, но кто мог знать, что нас ждет в конце.

И я летел так высоко, что сжег свои крыла,

И, падая вниз, я слышал звон.

Она сказала: «Это колокола».

И вот я здесь, и я еще жив, но я живу, как во сне,

И лишь видение Сладкой N - это все, что осталось мне.

Я видел горы, я видел моря, я был во многих городах.

Мне кажется, я знаю, что такое любовь, я знаю, что такое страх.

И слишком часто мне делали больно, я до сих пор не знаю за что.

Наверное, счастлив может быть только тот, кому не нужен никто.

Я одиноко курю, пуская кольцами дым, я уже не жду перемен.

Со мной остался только горький ангел -

Призрак моей Сладкой N.

КОГДА Я ЗНАЛ ТЕБЯ СОВСЕМ ДРУГОЙ

Когда-то ты жила рядом со мной,

И я был вхож в твой дом.

Я часто видел себя в твоих зеркалах,

Я любил играть с твоим котом.

Но время текло слишком быстрой рекой,

Ты не стала женой, я не стал звездой.

Но я часто вспоминаю те времена,

Когда я знал тебя совсем другой.

Ты верила в то, во что верить нельзя, Но ты

знаешь, тебе это шло. Ты видела свет, ты

писала стихи. Скажи, куда все это ушло?

Теперь ты стала чужой, Но твое число –

девять, твой цвет голубой. Я помню все это с

тех самых пор, Когда я знал тебя совсем

другой.

Ты помнишь, мы с тобой говорили о снах?

Теперь ты говоришь о деньгах.

Твой рот стал жестче, руки - смелей,
Но свет потух в твоих глазах.
Тебе нужна передышка, нужен покой,
Но на это наплевать тому, кто рядом с тобой.
Он очень мил, но он не знает о том,
Что когда-то ты была совсем другой.

Он приносит бутылки в гитарном чехле,
Он крайне доволен собой.
И вы проводите день в обсуждении того,
Кто стоит за чьей спиной.
И вы проводите ночь в ожидании дня.
День придет и уйдет, не оставив следа.
Я смотрю на вас и вспоминаю о том,
Что я когда-то знал тебя совсем другой.

Я посижу рядом с вами, я послушаю джаз
И даже поддержу разговор.
И когда, наконец, я захочу курить,
Ты прогонишь меня в коридор.
И когда соседи застучат за стеной,
Я посмотрю на часы, я пойду домой.
И дома я увижу сон о тех временах,
Когда я знал тебя совсем другой.

ПРИГОРОДНЫЙ БЛЮЗ N2

В который раз пьем с утра.
Что делать на даче, коли такая жара?
Минуты текут, как года,
И водка со льда льется, как вода.
И мы могли бы пойти купаться на речку,
Но идти далеко, да к тому же и в лом,
А у меня есть червонец, и у Веры - трюндель, И
Венечка, одевшись, пошел в гастроном.

В который раз пьем целый день,

Сидя на веранде, спрятавшись в тень.
Я подливаю пепси-колу в ром,
И всем наплевать на то, что будет потом.
И в пятисотый раз мы слушаем Дэвида Боуи,
Хотя Дэвид Боуи всем давно надоел.
И мы играем в дурака, и мы валяем дурака,
Ведь сегодня лето и нет других дел.

Вот уже вечер, а мы все пьем.
Венечка прилег, мы пьем с Верой вдвоем.
Странно, но не хочется спать.
Мы взяли с ней бутылку и пошли гулять,
И я сказал ей: «Вера, стало прохладно -
Давай пойдем к стогу».
Она сказала: «Не надо». Но пошла.

Она спросила меня: «А как же Сладкая N?»
Запечатлев на моем плече финальный укус.
И я ответил пространно: «Я влюблен в вас обеих,
И меня так сейчас достал все тот же пригородный блюз».
Она спросила меня как бы невзначай:
«А как же Венечка, он будет сердит?»
Я сказал ей: «Ах, какая ерунда, пойдем, заварим чай.
Знать ему зачем? Ведь он еще спит».

В который раз пьем всю ночь.
День и ночь, день и ночь, еще одни сутки - прочь.
Венечка проснулся и киряет опять.
Он спросил меня: «Тебе наливать?»
Я сказал: «Оставь назавтра, завтра будет новый день,
завтра все это будет важнее,
А теперь - я пошел спать».

Интервью с Пашей Краевым.

Паша: Сначала я с Майком познакомился, не с его творчеством. Вообще, я не знал, кто он такой, мне сказали, что есть такая группа - «Зоопарк», говорят, что очень хорошая группа

Корр.: Ты тогда учился во ВТУЗе?

П: Я уже закончил ВТУЗ, когда услышал об этой группе. Вот когда он у меня на улице Композиторов появился, вот тогда и у слышал. У соседки Ольги и услышал. Она сказала, что ей кто-то сказал, что есть такая группа «Зоопарк» - хорошая, прямо вообще, полный атас и все. А кто и что, я даже и не знал, имени «Майк» даже не слышал тогда Это был конец 82-го года.

К: Так значит, это Шебашов Майка привел?

П: Да, так же, как и нас.

К: А какое впечатление на тебя Майк произвел?

П: Отличное просто: очень мне понравился, как человек, ну фазу же просто. К: А чем понравился-вот он пришел с Шебашовым..

П: Его сразу же ко мне на кухню привели, как водится, ну и давай выпивать. Шебашов ему лекцию прочел - вот здесь, мол, туалет, здесь - ванная, это - Оля, это - Паша, здесь у них, мол, нечто вроде коммуны... Майк с солидным видом кивал, осматривал все, а Шебашов рядом, как экскурсовод какой, хи-хи. Ну, налили, выпили, все отлично. Нет, ну у Майка вид такой был., действительно, солидный, серьезный такой

К. А как это все оплачивалось?

П: Юраня всем распоряжался. Вообще, интересно было все устроено - были два брата больших, забыл фамилию, у меня где-то записано. Ходили они с повязками - то ли дружинники, то ли что-то вроде этого. Вот. На дверь комнаты, где Майк играл, повесили табличку - «Закрыто. Вечер», а Юраня всех обходил и теребил, чтобы ему сдавали все по два рубля, даже с меня снял. Ну, я думаю - ладно, дал ему два рубля... Что там склоку устраивать.

К: А разговоры были о дальнейшем вашей сотрудничестве?

П: Нет. Я уже потом стал звонить Юране, Шебашову, узнавать майковский телефон, потом позвонил Майку, напомнил ему, кто я...

К: А как ты считаешь - он ответственно подходил к квартирникам?

П: Очень ответственно подходил. Всегда строго приезжал во время и без всякой халявы играл. Наиля готовил, чтобы тот нормально подыгрывал. Один раз только он переусердствовал с алкоголем и позабыл все тексты

напрочь. Потом долго извинялся.

К: Ты считаешь, ему очень мешали напитки, или это, так сказать, входило в его имидж? Питие я имею в виду.

П: Ну, питие... Не он же один. А кто тогда не выпивал?..

К: Нет, ну мне, например, это мешает - я не могу совмещать работу с выпивкой - либо одно, либо другое.

П: Нет, ему это не мешало. Ну, можно, конечно, упиться совсем - тогда это любому помешает...

К: Ну, а меру свою он, как это называется, знал?

П: Да, пожалуй что, знал. Ну, а дальнейшее знакомство... Я позвонил ему, он сказал - подъезжай, мол, ну, я приехал, поговорили, потом я ему еще концерт сделал, к Наилу вместе на день рождения ходили, ну, так все ближе и ближе общались. После третьего концерта он сказал, что ему у меня очень нравится, что это идеальное место для квартирников, и вообще все в кайф. И вообще, говорит, я к тебе очень хорошо отношусь... Это его слова были.

К: А какие у вас с ним были точки соприкосновения - вот, к примеру, музыку ведь вы несколько разную слушали - ты - Цеппелин и проч., а он совсем другое...

П: Да, у него вкусы по-рок-н-рольнее... Но для нас-то он всегда был учителем, учителем рок-н-ролла...

К: Учителем в музыке или учителем вообще?

П: Сначала, конечно, в музыке, а потом... Он же - хранитель традиции, понимаешь? Я у него даже манеру говорить на какое-то время перенял, да и не только я. Все мы у него учились.

К: Ты работал на заводе каждый день по восемь часов. Ты не завидовал образу жизни Майка?

П: Я всегда завидовал. Ну, то есть, как, понимаешь, дело-то не в этом. Я мог такой вариант повернуть - уйти с работы да и все, тоже - сторожем, или, там, в кочегарку... И Майк мне, кстати, говорил, и Цой - чего ты, мол, давай в Камчатку... Я даже и с начальником один раз договорился. Но у Майка ведь было свое дело - музыка, а у меня такого дела не было, я бы, конечно, развлечение себе нашел, но ведь это не то...

К: А как ты считаешь, Майк освобождал себе время для творчества, или... Или просто лень ему было каждый день работать, или еще что-то?

П: Вообще-то творчеством можно заниматься, и работая на заводе - это же все в голове происходит. Он просто не мог быть в этой системе. Она же гробит человека.

К: А на твой взгляд, например, в Америке или какой-нибудь другой

стране, смог бы он ходить на работу каждый день - от звонка до звонка?

П: Мне кажется, нет, не смог бы. У него другое отношение к жизни было. Его бы там тоже в конце концов задолбало.

К: Ты ездил с «Зоопарком» на гастроли, скажи - они много репетировали, готовились?

П: Я ездил с Майком в Челябинск в составе фестиваля «Рок-акустика» (1990) и могу повторить его любимую фразу: «Пусть репетируют те, кто не умеет играть». Все именно так и было. И Наиль даже это здоровое раздолбайство у «Зоопарка» перенял.

К: А сверхзадачей его гастролей что было - деньги, реклама, удовольствие или что-то еще?

П: Ну, деньги, конечно, это была насущная проблема - Майк ведь, ты знаешь, человек был очень небогатый. И квартирнички тоже - подспорье для него... Правда, он мне ни разу не звонил и не говорил - давай, мол, квартирник сделаем, а то денег нет. В отличие, кстати, от Цоя и даже Башлачева - те частенько просили подработать. А у Майка какой-то чистый интерес был. Он мог отказаться от выгодных концертов, если ему что-то не нравилось - город, организаторы или еще что...

К: А как тебе его квартира?

П: Ну, квартира-то - полный кайф, конечно. Отъявленная коммуналка.

К: А он не прилагал усилий для того, чтобы переменить обстановку?

П: У него, по-моему, были кое-какие возможности для этого, то ли к родителям переехать, не знаю... А в эту коммуналку к нему все любили ходить, кто только мог. И на работе у него хорошо было - туда тоже все ходили. Я раз даже заночевал там на полу...

К: Как ты считаешь, Майк мог бы в этой стране стать звездой - раскрученной, хорошо оплачиваемой?

П: Мог бы.

К: Ой, ну этим же надо специально заниматься, а эти занятия от души-то кусок оторвут. Если бы он стал таким, он уже не был бы тем Майком.

К: А ты можешь назвать музыкантов, которые бы никогда не шли на компромисс с шоу-бизнесом?

П: Нет, только Майк. Он и не стал существовать в этом качестве. Его жизнь как раз и показывает это.

К: А по какому принципу он подбирал себе музыкантов?

П: О-о-о! У него были сложные периоды в группе - то барабанщика не было, то басиста... А у Майка были жесткие требования: во-первых, чтобы человек не был наркоманом - это принципиально. С этим у Майка было очень строго. Но, это, наверное, два. А раз - чтобы просто человек был

хороший. Пускай он не так круто играет, но чтобы это был наш, кайфовый человек. И по этому принципу, насколько я знаю, вся группа и создавалась. Он бы не потерпел прекрасного музыканта, но как человека не устраивающего его и его коллектив.

К: А какими общими качествами обладают члены группы «Зоопарк»?

П: Ну, как это... Ну, образ жизни. Не оттяг даже, а близость духовная - вот, они все близки..

К: Но «хороший человек» - это, в принципе, нормальное состояние, а не достоинство.

П: Верно, но, к сожалению, это не на каждом шагу встречается.

К: То есть, ты считаешь, что хороших людей мало, и их приходится искать?

П: Да Майк, в принципе, и не искал никого - Кирилов, вот, сам появился. Вполне достойный член группы, хи-хи.

К: На твой взгляд Майк стремился играть, выступать почаще или ему это было безразлично? Главное для него - оставаться поэтом внутри себя или демонстрировать это?

П: Нет, главное, по-моему, для него было оставаться художником внутри себя. Мне так кажется. Ему в кайф было играть, но чтобы он специально куда-то стремился - нет. Вот. Если хорошие люди пригласят, и условия хорошие, не денежные, а вообще, если люди интересные, город, тогда - пожалуйста. А гоняться за деньгами, за популярностью - нет.

К: А он любил гулять по новым местам, смотреть, или на гастролях он основное время проводил в гостинице?

П: По рассказам знаю, что все-таки ходил, смотрел. По городу, по книжным магазинам... Другое дело, что денек походишь, а там уже и не до этого, ха-ха... То есть, даже если и не удавалось погулять, то в душе-то он это делал, ходил, скажем так. От Горького вот у него были большие впечатления, от Волгограда. От российских таких городов.

К: А как ты думаешь, он удовлетворен был таким вот своим образом жизни?

П: По-моему, да. Он старался не зависеть от внешней среды, весь мир был в нем, как у йогов.

К: А он больше был веселым человеком или грустным?

П: Я не знаю, какие мысли были у него, когда он улыбался - веселые или грустные. На мой взгляд, он был веселый человек. И все любили приходить к нему - всегда было весело и хорошо.

К: Но песни-то у него, прямо скажем, в основном, довольно трагичные.

П: Ну, веселых тоже хватает. Может быть, когда он оставался один, тогда там мысли всякие... А так чего, когда друзья пришли - праздник. Чего грустить - надо веселиться. Вокруг друзья, на столе вино - чего же тут грустить?

К: А от вина он мог отказаться?

П: Конечно мог, но зачем? Чтобы заняться шоу-бизнесом? Так ему это было не нужно. Вот. У него никогда и вопроса такого не стояло. Человек он был не запойный.

К: А что тебе сейчас первое приходит в голову, когда ты начинаешь думать о Майке?

П: Первое? Его комната, мы все там сидим, тепло и хорошо, душевно так. Это первое, что приходит в голову.

К: Майк был обидчивый человек, ранимый?

П: Думаю, что да. обидчивый и ранимый. Но он умел прощать. Не все, правда.

К: А он завидовал кому-нибудь из своих коллег?

П: Думаю, что не завидовал, тем более, что половину этих коллег он сам воспитал - и Цоя, и «Секрет»... и еще целую кучу.

К: А чем он отличается от основной массы наших рокеров?

П: Ну, я же говорил - он хранитель традиций и жизненных, и музыкальных. И вклад его состоит в воспитательном воздействии его музыки. Опять-таки и Цой, и Кинчев, и толпа других музыкантов - они ведь все сначала слушали Майка, а потом уже создавали свои вещи. Даже Наумов - уж совсем другую музыку делает, но даже он считал Майка своим учителем, еще не будучи знаком с ним.

К: А почему все-таки его музыка была для многих эталоном, чем она отличалась, почему от нее, как от печки, начинали совершенно разные музыканты?

П: Отличалась своим качеством, естественно. Это действительно был рок. И Майк не вдавался в заумности, он был ясен, он делал качественный рок-н-ролл, а не стиль, он делал жизненный рок-н-ролл. А многие, как «Секрет» и другие, делают стиль, а это немножко не то.

К: А с каким цветом у тебя ассоциируется Майк?

П: С черным. Он любил черную одежду. Его один раз спросили: «А почему вы в черной рубашке, черных брюках, черном галстуке, да еще и в темных очках?» А Майк ответил: «А почему это вы в голубой рубашке?» Но он был не «черный человек», на нем не было мишуры, он не любил навешивать на себя всякие штучки, как вы с Цоем, например, у него к этому было очень спокойное отношение. Вся веселость должна быть в тебе

самом, а не наружу выпирать и не на рубашке висеть. Он же не новогодняя елка... А в данном случае черный - просто строгий цвет, солидный. Он вообще был солидным. При всем его раз дол байстве и веселье. Это вопрос интеллигентности.

К: Хорошо. А чем он тебя еще привлекал? Кроме веселья, кроме солидности?

П: Так он же был просто кладезь всего, энциклопедист настоящий. На любую тему говорил. Анекдоты новые я всегда у него слышал, о литературе - он всегда советовал мне, что читать, даже по телевизору нашему дурацкому что-то умудрялся отлавливать интересное. Он за информацией вообще-то не бегал, она к нему как-то сама стекалась, как к магниту. Он умел ее получить и выбрать то, что ему надо. Доя него и для всех. И умел передавать эту информацию. Уж не говоря о музыке... Столько я от него узнал, что вообще... А информация-то вокруг каждого из нас, ее просто море. Просто надо уметь ее принимать. Он вот умел. А отдавал он людям гораздо больше информации, чем получал от них. Изначально был образованный человек.

К: А в жизни он играл когда-нибудь или всегда оставался самим собой?

П: Вот уж точно, никогда не играл. Всегда был сам собой. Я немного назову людей, которые не играют.

***СПИ, БЭБИ, СПИ (БЛЮЗ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ВАРШАВСКОГО
ДОГОВОРА).***

Спи, бэби, спи, уже уснули двери. И
затихает наш полночный разговор, Спи, нет
причин для страха и волнений: Хранит твой
сон Варшавский договор.

Пускай враги нам машут кулаками, Мы не
боимся Люксембургов и Андорр, Спи,
бэби, спи, день был таким тяжелым, Спи,
ведь не спит Варшавский договор.

Пусть дураки кричат о водородной бомбе,
Спи, бэби, спи, не надо слушать этот вздор.
Ведь наши бомбы круче и числом по боле,
В обиду нас не даст Варшавский договор.

Забудь про то, что сотни самолетов Гудят так
злобно, к нам спеша во весь опор. Надежен щит
противовоздушной обороны -Его создал
Варшавский договор.

Агрессор нагл.
Он снова строит козни.
К границе он тайком крадется, словно вор.
Спи, бэби, спи, нахал тот будет обезврежен,
Под зад поддаст ему Варшавский договор.

Спи, бэби, спи, пусть будут сны твои спокойны,
Пусть голоса цветов сольются, словно хор.
Устала ты, но бодр ангел-хранитель - Всегда на
страже Варшавский договор.

Глаза слипаются: темно и чуть прохладно,
Спи, бэби, спи, я докурю свой «Беломор», И
перед тем, как лечь в объятия Морфея, Я
допою твой блюз, Варшавский договор.

Владик Шебагиов

Дюжина слезинок умиления в общую лужицу.

Летом 82-го я потерял записную книжку. Ее нашла девушка и, недолго думая, позвонила родителям Майка (телефон был записан по поводу предстоящих квартирников), он позвонил ей, они встретились и пришли ко мне в гости. Так мы познакомились.

В день нашего знакомства на столе были пять бутылок красного вермута и пять бутылок белого сухого. Майк предложил смешивать поровну. Пользуясь случаем, я врубил магнитофон и уговорил его записаться.

«У нас в гостях звезда ленинградского панк-рока Михаил Науменко!» - радостно объявлял я в паузах.

- Ну почему же панк-рока, ритм-энд-блюза, скорей, - скромно протестовал Майк. «Звезда» его не задевала.

В квартирнике на Петроградской участвовали «Кино», Майк и находящийся в Ленинграде с «Машиной Времени» Рыженко. Все отыграли «на ура». Рыженко во время своих номеров люто панковал и привел в замешательство солидных хозяев квартиры. Выручка от сбора составила 30 рублей, которые я отдал Майку, как коммерческому директору предприятия. Нищий Майк великодушно вручил все 30 р, составлявшие тогда почти половину его зарплаты, Сергею

Рыженко, который от этого очень растерялся и пытался отнекиваться. Зеленых тогда еще Цоя с Рыбой в расчет не принимали.

Майк привез ко мне брагу, и мы гнали ее через чайник. Вечером он заявил, что едет домой на моем велосипеде. Отъехав от парадной, он приветливо махнул на прощание рукой и тут же круто зарулил на газон. С тяжелым сердцем я поднялся домой. Через 15 минут зазвонил телефон.

«С велосипедом все в порядке, - сказал Майк. - Этот пидор в «Жигулях» ездить не умеет! Велосипед тут у Фана в коридоре, на Большом, заberi после».

Более благоразумный, чем я, Фан лично усадил Майка в такси. Кажется, он тогда сломал руку.

У меня на дне рождения Майк заманил одну из подвыпивших девиц в другую комнату. Выйдя оттуда, он почему-то пожал мне руку и душевно

поблагодарил, хотя уходить не собирался.

Я согласился посторожить на майковской работе, пока он где-то отыграет. Выпивка была обещана вперед.

«Вино прекрасное, - объявил Майк, доставая из авоськи бутылку «Изабеллы». - И не заметишь, что красное», - добавил поэт.

На майковской работе мы соображали на троих. «А у меня только рубль», - объявил Майк и вытащил не из того кармана червонец. На него было жалко смотреть. Однако, червонец пришлось пропить.

В три часа ночи мы с Майком прибыли в Москву. Ближе всех от вокзала оказался его приятель Л., которого дома не оказалось. Однако дверь открыло гостившее у Л. молодое дарование (я до сих пор не понял, в какой именно области) по прозвищу «А». «А» не пустил Майка за порог, ссылаясь на то, что «соображать надо, какое время». До «приличного» времени мы дремали на автовокзале. А потом пошли в гости к куда более гостеприимному Рыженко.

В ДК Крупской выступал «Зоопарк». Майк, как всегда, забыл слова в середине песни, но почему-то продолжал открывать рот. Как потом выяснилось, таким наивным образом он пытался обмануть публику, переложив вину на якобы отказавший микрофон.

- Пора домой, - сказал Майк и попытался зайти за дверцу стоявшего рядом с выходом из моей комнаты шкафа. Это были уже девяностые...

«Музыкантыдохнут как мухи», - сетовал Майк незадолго до своей гибели.

«Бога нет. А если бы он существовал, то я бы дал ему по роже за то, что вокруг происходит», - сказанул однажды Майк для красного словца.

ИГОРЬ «ПАНКЕР» ГУДКОВ, инженер звукозаписи альбома «LV».

Я хочу начать с того, почему мы к этой записи вообще подошли, в принципе. Даже с того, как познакомился с Майком. Это был 80-й год, и мы со «Свином» Пановым повсю уже слупили панк-рок, хотя все остальные его тогда не очень слушали. И был новогодний концерт «АКВАРИУМА» в ЛИСИ, где они играли вместе с Майком рок-н-роллы. Я там присутствовал и сильно был потрясен этим делом. И Гребенщиков сказал в микрофон, что те, кто хочет получить их альбом «Все братья-сестры» («альбом» - как-то это было в диковинку), тот может подойти после концерта к музыкантам и спросить, где его взять. Я, естественно, тогда был наглый и подошел. Мне было сказано, что пленка стоит, не помню, но типа 6 рублей, что сейчас ее нет, но можно все сделать, и мне был оставлен телефон гребенщиковской квартиры на Алтайской. Тогда все это было просто - получить телефон какого-то Гребенщикова.

Я позвонил, и мне был продан альбом. Потом мы с Гребенщиковым стали меняться пластинками - мы с Пановым давали ему всякий панк - Игги Поп, «СТРЭНГЛЕРЗ», «ПАБЛИК ИМИДЖ», тогда мало было таких дисков вообще, а он осчастливил нас своей записью «Концерт в Гори», по приезду сюда. Мы были, наверное, одними из первых, кто ее получил.

А потом он сказал, что Майк записал новый альбом «Сладкую N», тоже его распространяет, и дал мне майковский телефон. Я позвонил, и Майк спросил, как удобнее встретиться - может, я зайду? Я, конечно, за эту мысль ухватился, приехал. Хотя вообще все это забавно - какое время - звонит неизвестный человек с улицы, говорит, что хочет купить пленку, а за продажу пленки можно было очень лихо загреметь - спекуляция и т. д. Ну, ладно, прошел я в комнату, очень в кайф - завешана вся фотографиями, плакатами. Ну, вот я сидел и хотелось мне выпить, но я не знал, пьет ли Майк, ибо пустых бутылок я нигде не видел и, вообще, жилище не производило впечатления человека выпивающего. Тем более, Майк сказал, что курит обычно на лестнице, но вот сейчас лето, родители на даче, и можно курить в комнате. Мы сидели, курили в комнате и пили чай, выпили, наверное, кружек по 6 чаю. Уходить мне не хотелось, ему, наверное, тоже как-то было скучно быть простуженным в одиночестве, он мне рассказывал всякое за рок-музыку, кстати, тогда я впервые услышал о Лу Риде. Потом

он снизошел и сыграл мне несколько своих песен. И вот я сижу, думаю про выпить, смотрю на часы и понимаю, что стрелки приближаются к времени «Ч», когда закроются магазины, а спросить как-то боязно. И тут Майк пошел к окну выкинуть хабарики, отодвинул занавесочку, и там стояли бутылочки - вот тут-то я их и увидел, причем что удивительно - из-под рома, хотя мы тогда пили портвейн, ну, и водку. Я понял, что - ага и сказал: «Майк, ты знаешь, когда я заболеваю, я сразу выпиваю алкоголь, и мне помогает». Он согласился и сказал, что тоже, но вот у него с деньгами туго - не хватает, и спросил меня - выпиваю ли я. «А как же», - и мы тут же вскочили и побежали в магазин, мгновенно! Обратно мы вернулись довольные, беседа потекла непринужденнее, и потом мы поехали к Рыбе, этим же вечером, просидели там всю ночь, и после этого мои отношения с Майком переросли в дружеские, то есть мы общались почти каждый день.

А у меня давно была идея - я знал, что есть студия звукозаписи при Театральном институте. Сначала, с подачи Майка, я устроился в Большой Театр Кукол, где записывалась «Сладкая N». Там тоже была студия, несколько раз там писался «АКВАРИУМ». Но работать нормально там было трудно - и аппаратура была не ахти (не было возможности наложений), сумасшедшее начальство и рядом трамвайная линия - все тряслось и детонировало.

И с разными сложностями, но я все-таки устроился звукооператором в Театральный институт, где и студия была лучше и вообще посвободнее. Майк туда ко мне приходил, ему все нравилось, так как по тем временам иметь доступ к 16-канальному тесловскому пульта, микрофонам австрийским всяким было очень ничего себе. Проработал я там месяца четыре, наступило лето - никто не учился, приемная комиссия в другом здании, короче, работы нет.

И Майк решил, что надо записаться. Я, конечно, немного опасался. Первым делом мы секретно пронесли туда две майковские гитары, и я их спрятал в кладовой. Но барабаны туда пронести было нельзя, а Майк хотел электрический альбом, и поэтому он пошел и надыбал драм-машину, вещь по тем временам тоже диковинную, по-моему, у Тропиллы, ту, с которой потом «КИНО» писалось - то есть реликвию, вообще интересно, где она сейчас?!

Майк веселился с ней, как ребенок. Сначала он притащил ее домой, подключил через «Маяк» и экспериментировал. Звуки она издавала ужасные, если вспомнить динамики «Маяка». А самыми ужасными были ритмы - «Бесамемучо» всякие. Кнопка с надписью «Рок» угнетала - она регулировалась только по скорости!

Наконец, день настал, после всяких задержек - лето все-таки. Майк приехал ко мне в институт, и мы стали вдвоем пробовать. Потом поехали в какие-то гости, а на следующий день он пришел с идеей записать песню целиком. Это были «Золотые Львы». Она, наверное, хуже всего и удалась, потому что первая, там звук плавает. Майку не очень понравилось, мы пленку отложили, продолжали возиться с педалью «дисторшн», которую взял у маленького Дюши. При записи были как удобства, так и неудобства. Например, на пленке мы не экономили, пленка вся была государственная. (Вот когда писали Кинчева, там было другое дело, и на одну песню нам даже не хватило.) С другой стороны, студия была разделена на два помещения, и мы не могли друг друга видеть, а могли только слышать, что было неудобно. В результате мы стали писать гитары в большой комнате.

Вообще Майк все так организовывал, что основное время мы находились вдвоем. Он что-то делал, а потом приводил того, кто был ему конкретно нужен. Но бывало и по-другому: вот Илья Куликов, например, с бэкинг вокалом на «Гуру из Бобруйска» просто так зашел. Там где был хор, пел вообще кто угодно, так как мы поняли, что заниматься в этой студии многоголосием сложно.

Гребенщиков заходил; сейчас кажется, что как будто случайно, но ему тут же находилось дело. Например, под его влиянием сделана вещь «Сегодня ночью». Майк помогал мне в полный рост. Имея опыт работы звукооператором в Большом Театре Кукол, он сразу расставлял микрофоны, цокая настраивал магнитофоны. Вообще, обстановка была самая рабочая, не как сейчас - приходят музыканты в студию, и вокруг них все начинают бегать. Потом во время записи никто не думал, что мы делаем что-то такое этакое. Никто не знал, например, сколько песен войдет в альбом.

Еще у него была твердая идея сделать именно сольник. Если большинство было ориентировано на группы, и слово «ЗООПАРК» уже существовало, он хотел именно сольник, наверное, потому что любимый Лу Рид, Дилан и в какой-то степени Болан были соло-артистами. И у него была концепция - в процессе записи он придумывал оформление, что и где будет написано, и как все будет выглядеть и звучать. Например, майковской идеей было вступление к «Увертюре». Он сказал, что хочет вставить в начало что-нибудь из классики. С классикой у всех дела обстояли не очень. А фонотека была у меня, и у меня возникла мысль о кусочке из «Половецких плясок», где барабаны. Майк послушал и сказал, что это не то, он не хочет барабанов, а хочет, чтобы это выглядело, как настройка оркестра перед игрой. А альбом был уже весь записан, и это произошло уже на сведении, на оригинал это вообще не легло, почему это и пропало на

виниле. И я вспомнил про Вагнера, которого режиссеры использовали на своих дурацких учебных мини-спектаклях. Мы ее достали, поставили, и Майк сказал: «То, что надо!». И он сам сел за пульт и стал двигать ручку ввода «Валькирий», а я убирал гитары. То, что мы попали в такт - с первого раза - это чистая случайность, и радовались этому как дети. Таких оригиналов было два, мой украли в ЛДМе, а майковский куда-то пропал у него.

«Белая ночь, белое тепло» была тяжелой для записи - там много наложений. Шурина гитара, бас и, может, поэтому она мне не нравилась. Равно, как и «Гуру из Бобруйска» - я не понимал, как Майк, такой мягкий человек, мог написать такую песню. А вот «Растафара» - это было очень здорово, хотя Майк считал это стебальным. Он вообще негров не очень любил и всегда приводил перевод какой-то песни реггей-группы. Суть там в том, что пришел растафара в бар, переколотил всю посуду, побил бутылки, подрался как следует, а белые полицейские повязали его. Припев: «Вот как плохо живет нефам на Ямайке».

Еще я очень люблю «Песню для Свина» - потому что чистый панк-рок. Майк делал ее один с начала до конца. А история с ней была замечательная. Все, песня записана, осталось наложить только соло - соло с дюжиной педалью - ужасное, как будто человек мычит. Майк берет гитару, начинает, и тут появляется муха и садится Майку на нос. Я смотрю, он мотает головой, в конце концов смахивает ее и, естественно, сбивается с ритма! Мы записывали это соло четыре раза! Мы пытались убить эту муху, но пойдй убей - старое здание с пятиметровыми потолками! И четко, как только начиналось соло, так прилетала эта чертова муха! Каждый раз он сбивался по-разному, а один раз доиграл почти до конца, и тут она села ему на палец! Я кричал, я был в истерике! И когда мы наконец записали, я просто заплясал от радости!

«Лето» записалось очень легко. Там был Гребенщиков, который пальцами на этой драм-машине наигрывал всякие колокольчики, еще чего-то. Вообще атмосфера записи была очень легкая, если были пререкательства, то по конкретным вопросам, а уж когда приходил Гребенщиков, наступало всеобщее умиротворение. Что удивительно, в студии мы напились всего один раз и то по весьма специальному поводу. Мы должны были идти к кому-то на веселье, и у нас с собой было. А институт вечером закрыли, а мы на пятом этаже. Вот и пришлось провести ночь в студии.

«Шесть утра» тогда для Майка особого значения не имела, соло там наложил Юлик из группы «АМАЛЬГАМА», который случайно зашел в

студию. Почему он переписал ее на «Музыку из фильма», я не знаю.

Сейчас для меня это время, запись «LV», является воспоминанием о лучшей поре моей жизни, когда проблем было мало, мы все были моложе, и мне тогда очень нравилось этим заниматься. А если говорить о творчестве Майка, то на меня повлияло не творчество, наверное, а сам Майк. В том, что я стал таким, а не другим, - заслуга, а может быть, вина, это кто как ко мне относится - именно Майка. Март, 1994

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД (МОЛОДЕЖНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ)

Раньше в это время было темно,
А теперь совсем светло.
Раньше в это время было темно,
А теперь совсем светло,
Время летит вперед, и мы летим вместе с ним.
Время бежит вперед, и мы бежим вместе с ним,

Сейчас в это время совсем светло,
А скоро будет темно.
Сейчас в это время совсем светло,
А скоро будет темно.
Время летит вперед, и мы летим вместе с ним.
Время бежит вперед, и мы бежим вместе с ним.
Раньше в это время было темно,
И скоро будет опять темно.

Раньше в это время было темно,
И скоро будет опять темно.
Время летит вперед, и мы летим вместе с ним.
Время бежит вперед, и мы бежим вместе с ним.

Я НЕ ЗНАЮ ЗАЧЕМ (ПЕСНЯ ДЛЯ СВИНА)

Я просыпаюсь каждое утро.
Ко мне приходят мои друзья.
Они приносят мне портвейн и пиво,

Но я знаю, они ненавидят меня.
А я не знаю, зачем я живу, ну и бу с ним.
А я не знаю, зачем я живу, ну и бу-бу-бу-бу-бу
С ним.

У меня есть жаба - редкостная дура,
И я бу-бу ее каждый день.
И нам давно плевать друг на друга.
И я бы бросил ее, но бросать лень.
А я не знаю, зачем я живу, ну и бу с ним.
А я не знаю, зачем я живу, ну и бу-бу-бу-бу-бу
С ним.

И каждый день я хожу на работу.
Всем было бы лучше, если б я не ходил.
Но если я умру, то кто тогда вспомнит,
Что я вообще когда-то жил.
А я не знаю, зачем я живу, ну и бу с ним.
А я не знаю, зачем я живу, ну и бу-бу-бу-бу-бу
С ним.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ДУБЛЬ

Ты проснулся днем, ты не знаешь, зачем.
Шум за окном - вестник перемен.
Ты говоришь себе: «Мой мальчик, как дела?»
Ты берешь стакан воды с грязного стола.
Я думал, что ты коронованный принц,
Я думал, ты знаешь все.
Но взгляни на себя: ты разбит с утра,
Тебе нужно побриться и сделать кое-что еще.
Все верно, вот до чего ты дошел,
Вот до чего дошло.
И это был такой долгий путь,
И это был такой странный путь.

Нет горячей воды, на дворе мороз,

На улицу страшно высунуть нос.
Нет, дело вовсе не в грязном стекле,
Ты просто видишь все испачканным в золе.
Намыль подбородок, встань в красивую позу.
Смотри, ты чем-то сродни Деду Морозу.
Аплодисмент заслужен, но от кого его ждать?
Кстати, не забудь застелить кровать.
Я думал, ты стайер. Ты бежал вперед,
Но ты сбился с цели, и второе дыхание уже не придет.
В зеркале процессия; идут не спеша.
Спроси: «Кого хоронят?» Ответят: «Тебя».
Все верно, вот до чего ты дошел,
Вот до чего дошло.
И это был такой долгий путь,
И это был такой странный путь.

Помнишь, ты был юн,
Ты думал, что ты всегда будешь таким?
Ты бродил по лесам, ты смеялся и пел,
Ты помнишь, что это такое быть молодым?
И где бы ты ни был, твоя любовь была с тобой всегда.
И ты был влюблен, я помню ты был влюблен,
Но, ах, как быстро текут года!
Все это прошло, растворилось, как дым.
Ты помнишь, что это такое - быть молодым?

Ты сжимаешь кулаки, кровь стучит в висках, И
вены, как мосты, встают на руках. В крови
бьется тигром адреналин. Ты помнишь, что это
такое - быть молодым? Ты можешь пойти,
позвонить друзьям, Сходить в кино, встретить
милых дам. Нетрудно уйти от печальных
проблем: Столько вариантов, неиспользованных
схем.

Пожалуйся Богу, но что это даст?
Напейся опять, продолжи свой фарс.
Остался рубль до получки и пять тысяч мечтаний,
Но все, на сегодня довольно терзаний.

Дед Мороз у зеркала с бритвой в руке...
Но чей это голос там, вдалеке?
«На сегодня довольно, - говорит режиссер, -
Дубль удался, свободны все.
Завтра приступим к съемке сцены номер семь».

ПЕСНЯ ГУРУ

Здрассьте, я родом из Бобруйска.
Я - Гуру, по-вашему, это будет «учитель».
Я щас вам расскажу о смысле жизни.
Ведь я, в натуре, профессионал, а не любитель.
Эй, ты, там, на седьмом ряду, с портвейном,
Ну, что ты хлещешь из горла, щас дам стакан.
Вернешь с глоточком, но ты лучше бы послушал,
Что тебе говорят, пока ты не шибко-то пьян.

Сначала маленький экскурс в историю, А к
практике мы перейдем потом.
Так вот, все это началось в те самые времена,
Когда Иисус Христос сказал впервые «Ом». И
Будда это тоже был из наших, Он выпустил
приказ: «Всем всех любить. Носить цветы, усы,
бороду и хаер подлинней, А на войну ни в коем
разе не ходить!»

А щас займемся самосозерцанием.
И у кого с собою лотос, а ну, садись в него.
Эй, ты, пора бы уже и знать, что лотос -
Это такой цветок, а не стиральный порошок.
Ежели у вас чагой-то там не так,
То медитация тут враз поможет вам.
Эй, герла, я же говорю «медитация», а не «мастурбация».
Ну, ты, в натуре, даешь - трамтарарам.

А теперь послушаем маленько святой музыки,
И душами совместно воспарим.

Я вам поставлю Юрия Морозова,
Он - типа Кришны, тоже всеми шибко любим.
Ну тут уж можно и углубляться в себя,
Но не слишком далеко - нужно будет потом вернуться обратно.
Не стесняйтесь, почем зря, выходить в астрал.
Встретите там Нир Ванну, скажете:
«Здрасьте, мол, очень приятно»

Приступаем к маленькому уроку дзэн-буддизма.
А ну-ка изо всех сил врежь соседу по зубам.
Врубаешься, вот оно - просвет л енье-то!
Усекли - вот то-то - вижу по глазам.
Да, мир-любовь - это вам не хухры-мухры.
Вот сам Джордж Харрисон то же самое говорил.
А ну-ка все хором затянули «Хари Кришну»!
Ты возлюби друг дружку изо всех сил.
Харя Кришны, харя Кришны.
Кришны, Кришны, харя, харя.
Харя Рамы, харя Рамы,
Рамы, рамы, харя, харя.

РАСТАФАРА

Кто пришел ко мне утром и разбудил меня -
Растафара.
Кто съел мой завтрак, не сказав мне «спасибо» -
Натти Дрэда.
Кто выпил все пиво, что было в моем доме -
Растафара.
Кто обкурил сансимильей всю мою квартиру -
Натти Дрэда.
Кто заставил меня слушать Боба Марли целый день -
Растафара.
Кто ушел через неделю и увел мою жену -
Натти Дрэда.
Кто вернулся через месяц и привел ее обратно -
Растафара.

МЕДЛЕННЫЙ ПОЕЗД

Стоя на перроне, я смотрю на вас.
Зеленый свет зажегся, красный свет погас.
Вот идет мой поезд, рельсами звеня.
Спасибо всем, кто выбрал время проводить меня.

Смотри, вот идет мой поезд, Вот
идет мой медленный поезд. Смотри,
вот он идет, мой поезд, И завтра
меня здесь уже не будет.

Мне не нужны вопросы, вам не нужны ответы. Мне не
нужны признания, вам не нужны мои советы.
Последний час настал, теперь уже все равно. Спасибо
вам за ласку, спасибо за вино.

Смотри, вот идет мой поезд, Вот
идет мой медленный поезд.
Смотри, вот он идет, мой поезд, И
завтра меня здесь уже не будет.

Я сказал все, что хотел сказать.
Что я могу сказать еще?
Все, что я хочу - это чтобы всем было хорошо.
И кто-то плюнет мне в спину, и кто-то помашет рукой.
И кто-то назовет меня негодяем, но кто-то назовет звездой.
Зовите меня как вам угодно, я все равно останусь собой.
По знаку Зодиака - Овном, по году рожденья - Козой.

Смотри, вот идет мой поезд, Вот идет
мой медленный поезд. Смотри, вот он
идет, мой поезд, И завтра меня здесь
уже не будет.

ЛЕТО

Лето. Я изжарен, как котлета.
Время есть, а денег нету. Но мне
на это наплевать. Лето. Я купил
себе газету. Газеты есть, а пива
нету. И я иду его искать.

Лето. Сегодня сейшн в Ленсовета.
Там будет то и будет это. А не
сходить ли мне туда? Лето. Все
хулиганы при кастетах. У них,
наверное, вендетта. Но, впрочем, это
ерунда.

Лето. От комаров спасенья нету. А в
магазине нету «Деты» -В почете
доноры у нас. Лето. Оно сживет
меня со света. Скорей, карету мне,
карету! А, впрочем, подойдет и квас.

Лето. Штаны истерты, как монета.
Во рту дымится сигарета.
Иду купаться в водоем.
Лето. Недавно я услышал где-то,
Что скоро прилетит комета,
И что тогда мы все умрем.

ЗОЛОТЫЕ ЛЬВЫ

Я не знал, куда я шел, но я шел с тобой, и ветер почему-то
всегда дул мне прямо в грудь. И когда дорогу
преградил обрыв, я не смог найти в себе сил,
чтобы в него заглянуть. Ты видела шрамы
на моих руках, но чужие раны
не так глубоки. И мой огонь горел, он горит и

сейчас, но праздники были
еще далеки.
Они не наступили.

И солнце садилось в горящую нефть, и тень твоя
стала короче других теней, И всадник подъехал к
моим дверям, но он не привез от тебя
никаких новостей. И ангелы осени
были в тысячу раз добрей,
чем ангелы весны, Но чем холодней
становилась зима, тем теплей
становились сны.
Они меня согрели.

Я проснулся посредине реки, думая, как часто
все бывает не так. Течение несло меня на
скалу, а с берега я слышал
лай голодных собак. И я тонул, но ты не
могла, а может быть, не хотела
меня спасти. Но тот, который стоял на
мосту, зачем-то сказал,
куда мне грести. И я выплыл.

Я так давно не знал покоя, что я успел забыть,
что такое покой. И я поцеловал золотого льва,
который охранял границу
между мной и тобой. И в этот час
рыбы легли на дно, и дождь уснул
в молчанье травы. Я знал - другого не
дано, но кто мог знать, что это
скажешь мне ты.
Ты сказала.

Ты сделала больно всем, кого я любил, и молчанье твое было
слишком похоже на ложь.
Но мне важно лишь то, что ты жива. Мне наплевать на то,
с кем ты живешь. Вчера ты спросила,
как мои дела, и я не знал,
что ответить тебе. И подлил тебе

вина, но почему-то забыл
подлить его себе. Я
забыл.

Но время идет и не ждет никого, и как я ни старался, я не смог
ничего забыть. И все мои друзья живут рядом со
мной, но меня удивляет, как
они могут так жить.

Ты никогда не поймешь, как плохо мне было, и какую боль я
разжег в себе. И мне всегда будет больно оттого, что я
никогда не узнаю
ничего о тебе.
Но я люблю тебя.

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

Сегодня ночью все будет хорошо.
Сегодня ночью все будет хорошо.
Никто не будет петь, никто не будет спать.
Никто не будет любить, никто не будет летать.
Сегодня ночью все будет хорошо.
Будет не лето, не осень, не весна и не зима.
Никто не будет думать и никто не сойдет с ума.
Сегодня ночью все будет хорошо.
Никто не родится и никто не умрет.
И не покончит с собой, и никто никого не убьет.
Сегодня ночью все будет хорошо.
Никто не будет уродлив, не будет красив.
Никто не будет мертв, зато никто не будет жив.
Сегодня ночью все будет хорошо.
Сегодня ночью нигде не будет ничего.
Сегодня ночью нигде не будет никого.
Сегодня ночью все будет хорошо.

ШЕСТЬ УТРА

Серый туман и дождь. Светает. Шесть утра.
Вот и наступило то самое завтра,
О котором я что-то слышал вчера.
И звезды на небе гаснут,
И звезды рок-н-ролла ложатся спать.
А я возвращаюсь домой,
Всю ночь веселились опять.
И восприятие крайне обострено,
Все любопытно, все не просто так.
Я смотрю на себя, и я смотрю на вас,
И в голове царит сплошной бардак.
О, город - это забавное место!
Он похож на цирк, он похож на зоопарк.
Здесь свои шуты и свои святые,
Свои Оскары Уайлды, свои Жанны д'Арк.
Здесь свои негодяи и свои герои.
Здесь обычные люди и их большинство.
Я люблю их всех. Нет, ну, скажем, почти всех.
Но я хочу, чтобы всем им было хорошо.
Серый туман и дождь. Светает. Шесть утра.
Вот и наступило то самое завтра,
О котором я что-то слышал вчера.

БЕЛАЯ НОЧЬ, БЕЛОЕ ТЕПЛО

Сегодня был самый длинный день, нечем дышать,
и духота давит грудь. Сегодня –
самая короткая ночь, и я хочу спать, но
мне мешают уснуть -Белая ночь, белое
тепло. Белая ночь, белое тепло.

Фонари не горят и мосты разведены, на улицах
поют про новый поворот. Я
мечусь в постели, простыни в поту,
мне нужен февраль, холод, стужа и лед.
Но здесь лишь -Белая ночь, белое тепло. Белая
ночь, белое тепло.

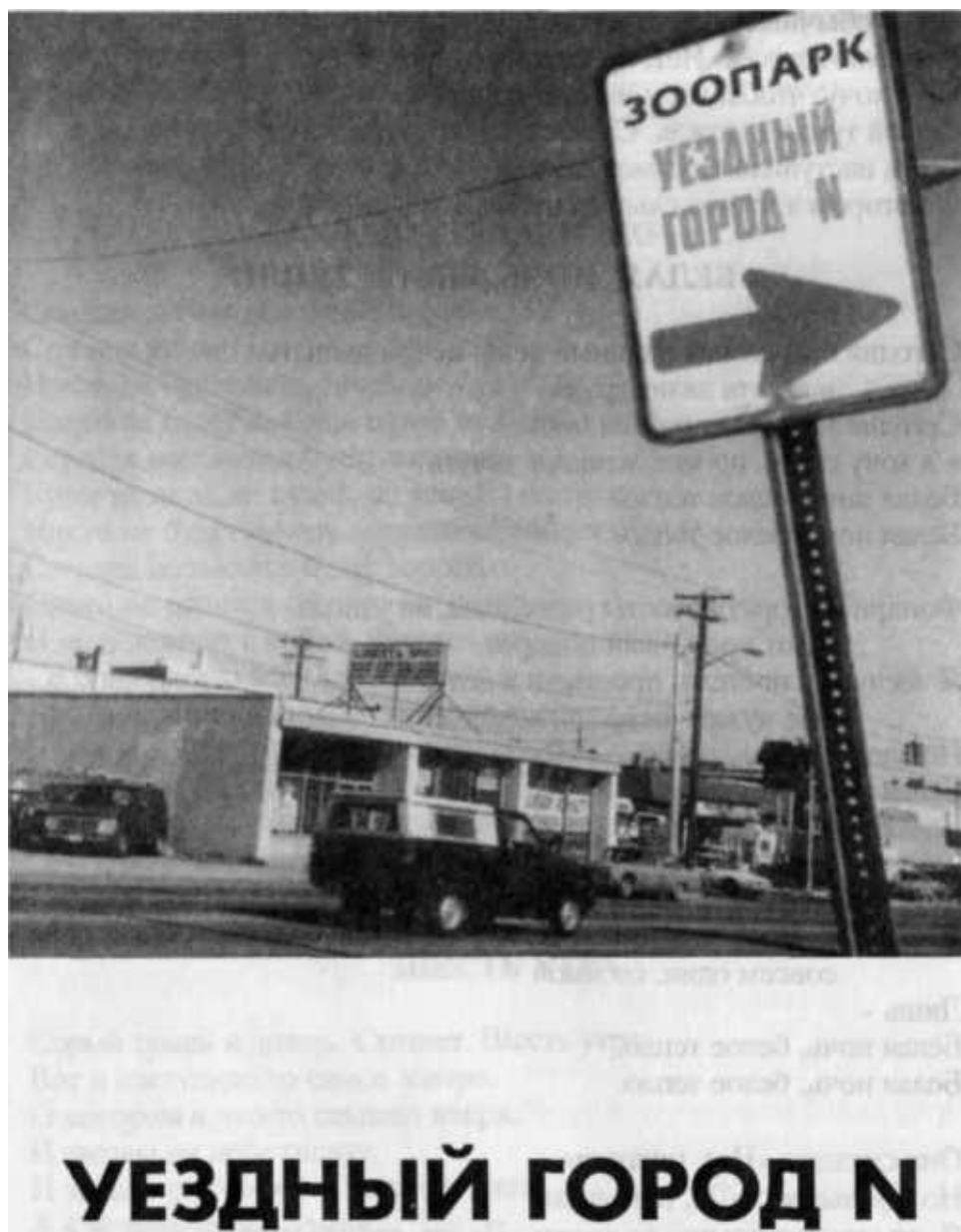
Мне нужен февраль, мне нужна она, нам было тепло зимой.
Я знаю, я сделал что-то не так, и вот я один,
совсем один, со мной
Лишь -
Белая ночь, белое тепло. Белая ночь, белое тепло.

Она сказала: «Нет, никогда».
Но я услышал: «Да, навсегда».
Я до сих пор помню ее слова: «Да, да, да, навсегда!»
Я мог бы быть вместе с ней всегда.
Белая ночь, белое тепло.
Белая ночь, белое тепло.

РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ «ЗООПАРК», «УЕЗДНЫЙ ГОРОД N». «Рокси» N6, К.Кич.

Новый Майк интересно...

«Уездный город N» - это квинтэссенция понятия «рок-музыка». Безо всяких приставок типа «панк», «хард», «софт», «барокко» и т.д. Можно спорить, но мое мнение таково, что это один из лучших альбомов, записанных в Союзе. Вот как я «ЗООПАРК» хвалю. Нравится, не скрою. Итак, что же у нас внутри альбома? А это именно альбом - четыре стороны у конверта. Дня начала нужно отметить, что Майк твердо усвоил традиции ранних «Декки» и «Парлофона»: издавать одни и те же вещи на разных альбомах; первые четыре номера - «Странные дни», «Если ты хочешь», «Дрянь» и «Пригородный блюз» - прямо скажем, вещи известные. Первая - с концертника «Блюз де Моску», остальные три - со «Сладкой N», где они присутствовали в акустическом варианте. Но это день и ночь - в электричестве они приобрели ударную силу. «ЗООПАРК» делает рок-н-роллы в студии, не теряя при этом живого концертного кайфа. Как-то это у них получается.

Я слышал недоуменные вопросы - зачем Майк записал старые вещи? Нового нет, что ли? Но согласитесь - слушать рок-н-роллы с полудомашним звучанием «Сладкой N» или с глухим, как в бочку, звуком концертника не очень-то приятно. Поэтому понятно желание Майка записать хоть раз по-человечески свои хиты, пусть даже и с опозданием.

«Блюз де Моску 2» - песня про гастроли в Москве, пожалуй, самая интересная в музыкальном отношении (хотя «Странные дни» могут составить ей конкуренцию). Но что касается текста, то мы имели песню группы «АКВАРИУМ» про группу «АКВАРИУМ», а теперь вот получили песню группы «ЗООПАРК» про группу «ЗООПАРК». Я не убежден, что

строчка «эй, басист, что мы делаем здесь?» вызовет вот так сразу чувство глубокого сопереживания у всех подряд, хотя, может, многим музыкантам она будет близка и понятна.

Первый раз на альбомах Майка имеется номер не за его авторством. (Впрочем, если быть точным, «Блюз де Моску 1» - текст - был написан вместе с Ишей Петровским, кстати, автором четвертой стороны обложки данного альбома). «Колокола» - шикарный блюз в клэптоновских традициях, повествующий о муках похмелья, написал Шура Храбунов и, по традиции, сам же его и спел. Последнего, впрочем, он мог бы, и не делать.

Когда я услышал «Мажорный рок-н-ролл» впервые, то сказал, что вещь настолько коммерческая, что может понравиться даже Садчикову из «Смены», который составляет там «Парады популярности». И что же - действительно, открываем газетку и видим - Майк в списках. Но сделана эта песня с таким драйвом и чувством, что не восхищаться ею нельзя. И потом, разве «Рок вокруг часов» Билла Хэйли не был коммерческим номером?

«Все те мужчины» - Майк «эт хиз бест». В смысле текста это несомненно лучший номер альбома. Бэнд выдает плотный звук в лучших традициях «РОЛЛИНГ СТОУНЗ», а фразы обладают убойной силой крупнокалиберного пулемета. У Майка есть замечательная способность двумя-тремя словами нарисовать совершенно конкретный образ. И потом, его отношение к женщине. Бабы, конечно, причиняют много хлопот и боли (да и мы небезгрешны), но в песнях Майка никогда не бывает попыток оскорбить их. Всегда (даже в «Дряни») какое-то понимание, сочувствие и даже прощение.

«Уездный город N» - 14-ти минутная баллада, давшая название этому альбому. Это энциклопедия нашей жизни, где «все лица знакомы, но каждый играет чужую роль». Пересказывать ее невозможно, да и нет смысла. Надо слушать.

Хочется обратить внимание, что все-таки это не Майк сам по себе, а несомненно, «ЗООПАРК», состоявшийся, как бэнд. Сей факт радует, ибо много было разговоров, что Майку-де все равно, с какими музыкантами играть. Барабанщик сыграл более, чем недурно; басист надежен и тверд, как гранитная скала; а звук Шуриной гитары это вообще пол-«ЗООПАРКА». На удивление мало халявы - это позволяет питать надежды на будущее.

Этот город странен, этот город непрост,
Жизнь бьет здесь ключом.
Здесь все непривычно, здесь все вверх ногами,
Этот город - сумасшедший дом.
Все лица знакомы, но каждый играет чужую роль.
Для того, чтоб хоть что-то в этом понять,
Нужно знать тайный пароль.
Я приглашаю вас побродить вечером
Средь площадей, домов и стен.
Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.
Вот он - Уездный Город N.

Смотрите, вот леди Макбет с кинжалом в руках,
Шатаясь, ввалилась в кабак,
Прирезав педиатра Фрейда
В очередной из пьяных драк.
Король Артур с друзьями за круглым столом
Прилежно стучат в домино,
А папаша Бетховен лабает свой блюз
На старом разбитом фоно.
Он сед и беден, как церковная мышь,
Он не смог избежать перемен.
А когда-то он был королем рок-н-ролла
Уездного Города N.

У стойки бара Ромео курит сигару, допив аперитив.
Он поведет Джульетту в кино на новый модный детектив.
В его кармане фляжка.
Не с ядом - с коньяком.
А проводив свою подружку домой,
Он поспешит в публичный дом,
В котором заправляет маркиз де Сад -
Поклонник секты дзен.
Он - самый галантный кавалер
Уездного Города N.

Вот Гоголь, одетый как Пушкин,
Спешит, как всегда, в казино.
Но ему не пройти через площадь -

Юлий Цезарь там снимает кино.
Он мечется среди камер, сжимая мегафон в руках.
А суперзвезды Пьер и Мария Кюри
Снимаются в главных ролях.
Но вот дана команда «мотор!»,
И оператор Роден
Приступает к съемкам сцены номер семь
На главной площади Города N.

Папа Римский содержит игорный дом, По
вечерам здесь весь высший свет. И каждый
раз, перед тем, как начать игру, Он читает
вслух Ветхий Завет. «Медам, месье, ваши
ставки!»-
Кричит крупье, одетый в черный фрак.
«На красное - двадцать тысяч», -
Отвечает Иван-дурак.
Он известный фальшивомонетчик,
Его сообщница - Софи Лорен.
Они - заправила преступного мира
Уездного Города N.

Волосатый малый торгует овец.
По этой части он - спец.
Он главный компаньон коммерческой фирмы
«Иисус Христос и Отец».
Его дела процветают,
И от того жестокий сплин
Владеет главой конкурентов -
«Иван Грозный и Сын».
На бирже творится черт знает что, но за стабильностью цен
Следит Пол Маккартни - финансовый гений
Уездного Города N.

Родион Романыч стоит на углу,
Напоминая собой Нотр-Дам.
Он точит топоры, он правит бритву,
Он охоч до престарелых дам.
Он с интересом наблюдает за дракой -

Это наш молодежный герой,
Опять затеял битву с дураками,
Но бьется он сам с собой.
К нему подходит Жорж Сайд, одетая в смокинг,
И шепчет: «Я - Шопен».
За ней следит Оскар Уайльд - шеф полиции нравов
Уездного Города N.

Чарли Паркер говорит Беатриче:
«Не угодно ли потанцевать? Я знаю
прекрасное место. Здесь рядом,
рукой подать». Входя в дискотеку,
они слышат, Как главный диск-
жокей Кричит: «И все-таки она
вертится!» Вы правы - это Галилей.
Он приветливо машет вошедшим рукой и
ставит диск «Steely Dan». О да, это самая
модная группа Уездного Города N.

Лев Толстой вырыл яму, залез в нее
И отказался наотрез вылезать.
Он поносит всех оттуда такими словами,
Что неловко их повторять.
Наполеон с лотка продает ордена,
Медали и выцветший стяг.
Ван Гог хохочет: «Нет, ты не император!
Я знаю, ты - просто коньяк!
Но я возьму весь товар, правда, только на вес».
И он достает безмен.
В это время Луна, как ржавый таз,
Встает над Городом N.

Диоген зажигает свой красный фонарь.
На панели уже стоят
Флоренс Найтингейл и Мерелин Монро,
Разодетые, как на парад.
К Джоконде пристали Казанова с Пеле:
«Мадам, разрешите наш спор.
В чем смысл прихода Боддисатвы с юга?

Мы не можем понять до сих пор».
«А идите вы к бую», - отвечает Джоконда,
Садится в свой «Ситроен»
И, улыбаясь, исчезает в лабиринте улиц
Уездного Города N.

Таксист Харон выключает счетчик, говорит:
«А вот и вокзал».
Его пассажир Эйнштейн в смятении:
«О, я чуть не опоздал!»
Он подбегает к кассе и просит
На пригородный поезд билет,
Но кассирша Эдита Пьеха отвечает:
«Билетов нет».
Анна Каренина просит всех покинуть перрон
И не устраивать сцен.
Все равно, поезда никогда не уходят Из Уездного Города N.

Три мушкетера стоят у пивного ларька,
К ним подходит д'Артаньян.
Он небрежно одет, плохо выбрит
И к тому же заметно пьян.
На вопрос: «Не желаешь ерша с лещом?»
Он отвечает: «Мне все равно».
В этот миг за спиной они слышат
Скрип телеги и крики: «Но!»
Это Маяковский в желтой кофте,
Доходящей ему до колен,
Везет пятнадцать мешков моркови
На рынок Города N.

Архимед из окна вопит: «Эврика!»
Но мало кто слышит его.
Все прохожие смотрят на милую даму,
Проезжающую мимо в ландо.
Это - Мария Медичи,
А служит она медсестрой.
Сейчас она торопится к Мао Цзе Дуну -
Вылечить ему геморрой.

Но что бы она ни прописала ему,
Мышьяк или пурген,
Вскоре станет еще одной могилой больше
На кладбище Города N.

Дон Жуан на углу читает серию лекций
О дружбе и о любви.
Вокруг него толпа, и в ней среди прочих -
Спиноза, Блок и Дали.
А вот и Золушка - милая девочка,
Но как она-то оказалось здесь?
Она так устала, она запыхалась,
Ей некогда даже присесть.
Она когда-то мечтала стать балериной,
Но ей пришлось взамен
Каждый вечер подметать тротуары улиц
Уездного Города N.

Вокруг происходит так много всего,
Что я не знаю, что еще показать.
Поверьте, я мог бы говорить часами,
Но, пожалуй, пора кончать.
Пора садиться на корабль.
Кавалеры, пропустите дам!
В гостях хорошо, но дома лучше.
Итак, нам пора по домам.
Равномерней размещайтесь в каютах,
Иначе корабль даст крен.
Я надеюсь, вы остались довольны прогулкой
По славному Городу N.

БЛЮЗ ДЕ МОСКУ N2

Из вагона - на перрон. Не забывать вещей!
Мне это кажется, или здесь и впрямь чуть-чуть теплей?
Такси уже ждет, куда меня везут?
В квартиру чьих-то друзей - мы там найдем приют.

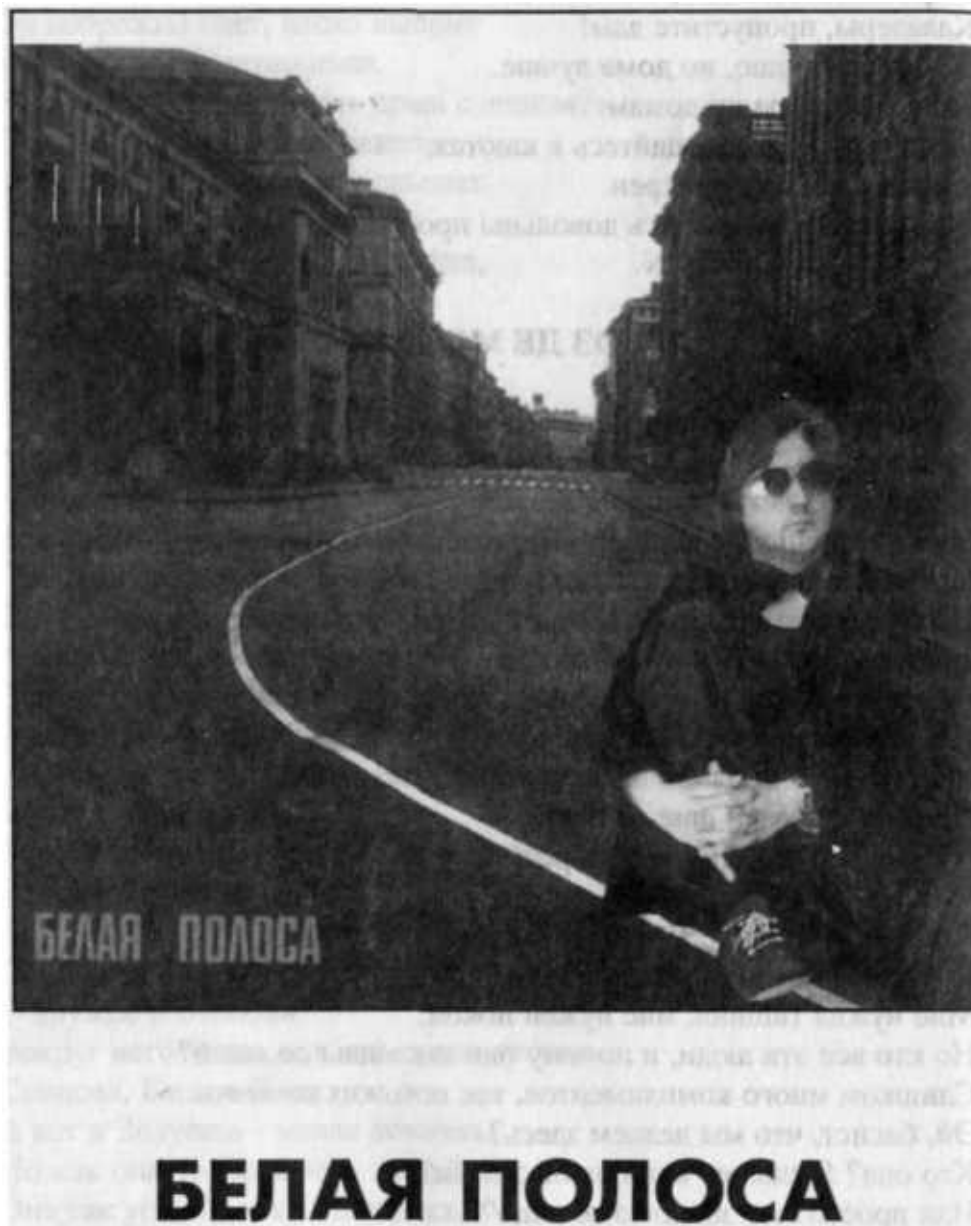
Что это за проспект? Я не был здесь никогда.
Игра - в девятнадцать, мы будем здесь опять в двадцать два.
Опять машина. Нужно ехать в зал.
Еще только день, а я уже устал.
Где можно раздеться? Какой аппарат?
Мысль: еще по одной наливай и пора назад!
Пора на сцену. Я еще не одет.
Ах, как все это похоже на бред!

Последний аккорд. Я выжат как лимон.
Круги в глазах, и в ушах - звон.
Мне нужна тишина, мне нужен покой,
Но кто все эти люди, и почему они так милы со мной?
Слишком много комплиментов, так похожих на лесть.
Эй, басист, что мы делаем здесь?
Кто она? Я знал ее в прошлой жизни?
Или просто мне знакомо ее лицо?
Эй, где коньяк? - Вот он там, на столе.
Сегодня ночью нас не найдут нигде.
Эй, басист, что мы делаем здесь?
Ах да, это просто Москва. Принимай все так, как оно есть.

РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ «БЕЛАЯ ПОЛОСА» Студия «АНТРОП». «Рокси» N8, ЯНВАРЬ 1985.

Майк занимает в нашей рок-музыке совершенно особое положение. Его творчество - это именно то, что папы, мамы и добрые дяди ни за что не порекомендуют слушать своим и чужим великовозрастным детям. Ведь у «ЗООПАРКА» можно услышать такое, такое... Интересно, какое?

Там можно услышать и боль, и сочувствие, и злую сатиру, но главное - все это правда, правда о нас самих, а мы ведь частенько, ой как не ангелы. Что удивительно, ругань в адрес Майка исходит от тех людей, что восхищаются реализмом Ремарка, болью Пушкина, иронией Воннегута или лексиконом Гашека. Одним словом, это жлобы с пренебрежением к содержанию и любовью к престижным ценностям. Положение «Зоо» можно сравнить в некотором отношении со статусом «РОЛЛИНГ СТОУНЗ» в 60-х годах. Дети любят, а отцы нет.

«ЗООПАРК» выпустил новый альбом. Это очень приятно и здорово. По продуктивности Майк после «АКВАРИУМА» на втором месте. Не считая «Все братья-сестры» - это уже пятый альбом.

Если говорить о стиле, в котором играет «ЗООПАРК», то наиболее удачно будет определить его термином «новый ритм-энд-блюз». «Белая полоса» целиком выдержана в этом духе, за исключением баллады «Ночной гость».

Начинается альбом коммерческим хитом «Буги-вуги». Шура там играет довольно смешной рифф на гитаре через дисторшн. Правда, открывать данный альбом коммерческим номером мне кажется не совсем

целесообразным, ибо дальше речь идет о довольно серьезных вещах.

«Бедность» - куда уж серьезнее, с блестящей строчкой «Дайте мне денег не в долг, а просто так!» Все обычно ухмыляются при этом, а я вам хочу сказать, что во времена былые такое вполне было принято. При этой ухмылке большинство опускает глаза, потому что в голову назойливо лезет вопрос: «А ты бы дал? Просто так?». Вот только рифф из «Сатисфэйшн», он же из «Вишиос» Лу Рида... Все-таки вещи совсем уж известные.

«Белая полоса» - да, это заглавная песня. Действительно, вот такая ситуация, тридцатник на носу, самая настоящая середина дороги, только движение происходит, если вы обратили внимание, не вдоль, а поперек дороги.

«Песня простого человека» - посмотрите вокруг! Производят единицы, а потребляют тысячи. В этом нет ничего плохого: внимательное прикосновение к психологии потребителя, но без каких-либо требований к нему. Опять же заметно, что Майк с энтузиазмом изучает творчество Боба Дилана.

«ОТЕЛЬ под названием «Брак» - моя любимая вещь с альбома. Я что-то не припомню, чтобы наши славные рокеры брались за разработку семейной темы. А «ОТЕЛЬ» написан с иронией к себе и к ситуации, причем ирония эта сочетается с мягкостью.

Иногда Майка называют мужским шовинистом. Может быть, на словах это и так, а на деле, то есть в своем творчестве, он обнаруживает понимание женщин и явное сострадание к ним. «В этот день» - пример этому. Очень симпатичная кантри-мелодия, а Шурино гитарное соло одно из самых душевных.

«Гопники» - это шедевр. Так и видишь эти тупые гнусные хари с тусклым взглядом и дремлющей злобой. Здесь уже не ирония и не сатира, здесь настоящая, полноценная ненависть. Ничего общего с персонажем «Простого человека».

«Хождения», очевидно, навеяны разговорами типа «хорошо ли знакомиться по брачным объявлениям?». Ничего бы без «Хождений» альбом не потерял,

«Вперед, Боддисатва» - самая заводная вещь альбома, была написана после сытного обеда в чебуречной. По сравнению с ней создается впечатление, что половину материала Майк писал с голодухи. Шура выпилил здесь блестящее соло на гитаре в стиле Элвина Ли. Голос специально сдвинут немного назад, чтобы создать концертное звучание, правда, в первом куплете с этим немного перестарались. Была еще одна версия, где Шурина гитара забивала все остальное напрочь, и Александр

требовал включить в альбом именно тот вариант. Он топал ногами и кричал: «Я под этим не подпишусь!» Насилу уломали. Все, конечно, радуются строчке про такси, но не менее забавна фигура «друга», с упорством маньяка задвигающего свои заумные телеги.

«Ночной гость» - баллада, которая еще и хорошо спета. Тема зеркала, кстати, не впервые появляется у Майка. От «Гостя» веет такой же грустью, как в лучших вещах с «LV».

«Страх» аранжировка Евгения Губермана. По рассказам, он явился в студию и стал стучать поперек, чем сначала всех испугал, потом удивил, а затем врубил, что так и надо. Так и сделали.

В «Детке» задействовано пять гитар - бас, ритм, два перекликающихся соло, их играют Васильев и Шура, и основное соло Майка.

Вследствие однородности стиля этот альбом вполне поддается сравнению с предыдущим. «Уездный город» произвел большее впечатление. По этому поводу хорошо сказал Тропилло: «На «Уездном городе» присутствует озарение свыше, а здесь его нет». Есть и другие причины, более материальные: на том альбоме играл ансамбль, где ритм-секция, может быть, была и слабее в музыкальном отношении, зато имелось наличие группового сознания. А на «Белой полосе» это все-таки Шура + Майк с разными музыкантами - посмотрите на обложку; ритм-секция постоянно меняется, а кое-где Майк и Шура берутся за бас.

Майк и его «ЗООПАРК» единственная у нас группа, играющая подобную музыку. Поэтому, когда я слышу, что, дескать, все это - топтание на месте, то хочется сказать: «Если кто-то здесь должен меняться, то мне не кажется, что это Майк. Ведь можно выразить особенность музыки «ЗООПАРКА» и по-другому: «Верность стилю».

Что ж, бедность - не самая удачная семейная жизнь; воспоминание о старой любви, одиночество, пьянство и бессонница от разговоров с самим собой не самый веселый мир. Взгляд автора на этот мир осознанно реален, и потому - оптимистичен.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Сегодня ночью, где-то около трех часов,
я поймал на себе чей-то взгляд. Я
оглянулся и в зеркале увидел его,
я знал его много лет назад.

Мы уставились с ним друг на друга -
я не знал, кто он, он не знал, кто я. Я
улыбнулся ему, он улыбнулся в ответ,
и я решил, что мы с ним друзья.

Но я не знал, что ему нужно,
я не знал, о чем с ним говорить. Я
сказал: «Прости, уже поздно»,
но он не хотел уходить.

И я заглянул ему в глаза,
но ничего не увидел в них, Мне
стало страшно: я никогда
не видел глаз настолько чужих.

Он смотрел на меня с упреком,
он смотрел на меня, как судья. Я
не мог оторвать свой взгляд,
я не знал где он, я не знал, где я.

И я подумал: если он пришел сегодня,
то завтра он вернется опять. И я
разбил зеркало ко всем чертям,
и с чистой душой лег спать.

СТРАХ В ТВОИХ ГЛАЗАХ

Мы познакомились с тобой в «Сайгоне» год назад.
Твои глаза сказали «да», поймав мой жадный взгляд.
Покончив с кофе, сели мы на твой велосипед.
И обгоняя «Жигули», поехали на флэт, на красный свет.
Я быш невинен, как младенец, скромн, как монах,
Пока в ту ночь я не увидел страх-трах-трах
В твоих глазах.

С тех пор мы виделись с тобою каждый божий день.
Мы прятались от солнца, мы так любили тень.

И я не знаю, кто прислал тебя ко мне - Рай или Ад?
Я разучился думать и, представь, тому был крайне рад. О, да!
Я был готов презреть служебный долг, забыть о всех друзьях,
И я спешил к тебе, чтоб вновь увидеть страх-трах-трах
В твоих глазах.

Я был уволен с работы, и я похудел,
И я так мало спал, и я так редко ел.
И так прошло все лето, и осень так прошла,
Ушел декабрь, и вместе с ним ты от меня ушла.
О, этот Дед Мороз не так уж прост - он обскакал меня.
И я не знаю, что мне делать, где искать тебя, о где?

И снег стучит в мое окно, и полночь на часах.
О, дай мне шанс последний раз увидеть страх-трах-трах...
В твоих глазах.

ГОПНИКИ.

Кто это идет, считая все на своем пути?
Кто одет в цветную рубашку и красные носки?
У кого на плече висит сумка с надписью «AC-DC»?
У кого на ногах из черной резины грязные сапоги?
Это - гопники, они мешают нам жить.

Кто слушает хэви-метал, «Арабесок» и «Оттован»?
Кто бьет друг другу морду, когда бывает пьян?
У кого крутые подруги, за которых не дашь и рубля?
Кто не может связать двух слов, не сказав между ними «бля»?
Это - гопники, они мешают нам жить.

Кто хлещет в жару портвейн? Кто не греет пиво зимой? Кто
плюется, как верблюд? Кто смеется, как козодой? Кто гадит в
наших парадных? Кто блюет в вагонах метро? Кто всегда готов
подбить вам глаз и всадить вам в бок перо? Это - гопники, они
мешают нам жить.

Их называют гопники.
Их называют жлобы.
Их называют урлой.
А также лохами.
Иногда шпаной.
Их называют хамами.
Но имя им - легион.
Потому что они гопники. Они гопники. Они гопники.
Они мешают нам жить!

ХОЖДЕНИЯ

Мальчики и девочки ходят по улицам, надеясь неизвестно на что.
Мальчики и девочки сидят на скамейках в парадных и в метро.
Их личная жизнь зависит от жилищно-бытовых проблем, И если бы не было этих проблем, то каждый завел бы себе гарем.

Дома мама и папа, в гостиницах мест нет, В общежитии на вахте
стоит вахтер непреклонный, что твой Магомет, Целоваться в
парадных - это так неудобно, особенно зимой, Все члены стынут,
люди ходят мимо, отсутствует душевный покой.
Летом можно оказаться друг с другом в лесу, но до леса час
езды...

А если местные гогатки поймут тебя, то можно получить по
ушам
Итак мальчики и девочки ходят по улицам,
им негде друг друга любить, И
если нам негде любить друг друга,
давай тогда хотя бы ходить!

БУТИ-ВУТИ КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Субботний вечер, и вот опять
Я собираюсь пойти потанцевать,

Я надеваю штиблеты и галстук-шнурок,
Я запираю свою дверь на висячий замок.
На улице стоит ужасная жара,
Но я буду танцевать буги-вуги до утра,
Ведь я люблю буги-вуги,
Я танцую буги-вуги каждый день.

Но тут что-то не так, сегодня я одинок,
И вот я совершаю телефонный звонок,
Я звоню тебе, я говорю тебе: «Привет!
Я не видел тебя сорок тысяч лет.
И если у нас с тобой нечем вечер занять,
То почему бы нам с тобой не пойти потанцевать?»
Ведь ты же любишь буги-вуги,
Ты танцуешь буги-вуги каждый день.

В дискотеке темно, мерцают огни,
Танцуем мы, и танцуют они,
И если ты устала, то присядь, но ненадолго:
В сиденье на скамейке, право, нету толка.
Новую пластинку ставит диск-жокей,
Я приглашаю тебя потанцевать: хэй, хэй!
Ведь мы же любим буги-вуги,
Мы танцуем буги-вуги каждый день.

ВПЕРЕД, БОДДИСАТВА!

Мы сидели с моим другом и пили вино, И
Нанимались этим делом мы уже давно, По
комнате клубами плавал никотин, И к
концу подходил наш запас сухих вин.

Мой друг сказал мне: «Мы с тобой Боддисатвы».
Я ответил: «Да, но нам пора в магазин!
Вперед, вперед, Боддисатва!
Нам с тобой пора в магазин!
Мы сходили и купили три бутылки вина,

Но очень скоро мы выпили их до дна.
Однако, никто из нас не был пьян,
Но магазин уже закрылся, и захлопнулся капкан.
Мой друг сказал мне: «Мы с тобою Боддисатвы».
Я ответил: «Да, но нам пора в ресторан!»
Вперед, вперед, Боддисатва!
Нам с тобой пора в ресторан!

В ресторане мы купили бутылку коньяка.
Жизнь стала прекрасна, жизнь стала легка,
Но и коньяк был выпит. В это время часы показывали ровно 23.03
Мой друг сказал мне: «Мы с тобою Боддисатвы!»
Я ответил: «Побежали за водкой в такси!»
Вперед, вперед, Боддисатва!
Полный вперед, в полный рост!

СИДЯ НА БЕЛОЙ ПОЛОСЕ

Меня спросили, что происходит со мной, и я не знал,
что сказать в ответ.
Скорее всего - ничего, перемен, во всяком разе, нет. Мне,
право, недурно живется, хотя я живу, не как все. Я удобно
обитаю посредине дороги, сидя на белой полосе. Машина
обгоняет машину, и каждый спешит по делам, Все что-то
продают, все что-то покупают, постоянно спорят
по пустякам. А я встречаю восход, я
провожаю закат, я вижу мир
во всей его красе, Мне нравится жить посредине
дороги, сидя на белой полосе.

Я хотел бы стать рекой, прекрасной рекой и течь туда,
куда я хочу.
Возможно, это покажется странным, но поверьте, я не шучу.
я городской ребенок, а реки здесь одеты в гранит. Я люблю
природу, но мне больше по нраву
урбанистический вид,
Я ничего не имею против того, чтоб пробежаться

босиком по росе, Но я живу здесь, дыша парами
бензина, сидя на белой полосе.

Я хотел бы стать садом, прекрасным садом и расти так,
как я хочу.

Возможно, это прозвучит забавно, но поверьте, я не шучу.
Но при каждом саде есть свой садовник, его работа -
полоть и стричь. Работа прекрасна и даже
безопасна, но желаемого
трудно достичь.

А я доволен любой погодой, я счастлив солнцу, я рад грозе, И я
живу так, как мне живется, сидя на белой полосе.

Мне недоступна вся ваша спешка, мне непонятен ваш ажиотаж.
Я не вижу причин суетиться, я не знаю, зачем входить в раж. И
я намерен жить здесь вечно, а нет так почить в бозе. Прямо
здесь, прямо здесь - на этом самом месте, сидя на белой
полосе.

В ЭТОТ ДЕНЬ

В тот день, когда ты решишь, что жизнь была напрасна,
Когда осыпятся краски с картин на твоей стене, Когда
твои друзья уйдут, чтобы никогда не вернуться, Может
быть, в этот день ты зайдешь ко мне.

Когда твой сын забудет твое имя,
Когда твой любимый вернется к своей жене,
Когда тебе захочется плакать, но слез уже не будет,
Может быть, хотя бы в этот день ты зайдешь ко мне.
Я ждал тебя так долго, но я умею ждать,
И, ты знаешь, как ни странно,
Я помню все, что ты забыла мне сказать.

Когда твой отец прогонит тебя с порога,
Когда твои мемуары упадут в цене,
Когда ты будешь кричать «Караул!», но не придет подмога,

Может быть, тогда ты придешь ко мне.

Когда твои кредиторы потребуют уплаты долга,
Когда ты увидишь врага на своем коне,
Когда тебя оденут в дерюгу вместо шелка,
Может быть, тогда ты придешь ко мне.
Я не судья, со мной не нужно быть милым,
Мне можно обо всем рассказать,
Но, ты знаешь, как ни странно, я забыл больше,
Чем ты будешь когда-то знать.

Когда в твоей реке обмелеет русло, Когда твои
пажи погибнут на чужой войне, Когда даже
солнце покажется слишком тусклым, Может быть,
в этот день ты придешь ко мне.

В тот день, когда в твоих ушах зазвучат сирены, Когда ты
тщетно будешь мечтать о тишине, Когда тебе будет нужен
кто-то, с кем не нужно говорить, Может быть, в этот день
ты вернешься ко мне.

БЛЮЗ СУББОТНЕГО ВЕЧЕРА

Субботный вечер, а я совсем один.
Еще один субботный вечер, а я совсем один,
И никого нет рядом, я сам себе господин.
Мой телевизор сломался, в эфире только треск и шум.
Есть время подумать, но я боюсь своих дум.
В моей квартире темно, как на обратной стороне Луны,
И так же тихо и странно, как после мировой войны.
Я слышу стук в дверь - это входит мой брат,
Я слышу стук в свою дверь - это входит мой брат.
Его зовут Одиночество, и все же я ему рад.
Я говорю ему: «Брат, ты что-то зачастил ко мне».
Я говорю ему: «Брат, не слишком ли часто ты заходишь ко мне?
Подари мне свой портрет, и я повешу его на стене».
Он отвечает мне: «Брат, с тобой стряслась беда».

Он отвечает мне: «Брат, я знаю, с тобой стряслась беда,
Но я не брошу тебя, я останусь с тобой навсегда. Да!»

ПЕСНЯ ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА

Я обычный парень, не лишен простоты,
Я такой же, как он, я такой же как ты,
Я не вижу смысла говорить с мной,
Это точно тоже самое, что говорить с тобой.
Я такой же, как все.

У меня есть жена, и она мила, Она
знает все гораздо лучше, чем я, Она
прячет деньги в такие места, Где мне не
найти их никогда, Она ненавидит моих
друзей За то, что они приносят
портвейн, Когда я делаю что-то не то,
Она тотчас надевает пальто И говорит:
«Я еду к маме».

И, как у всех, у меня есть друг, У него на
стене повешен круг, В круге нарисован мой
портрет, Мой друг заряжает духовой
пистолет, Он стреляет в этот круг, этот круг
- мишень, Он стреляет в него каждый
божий день, Я рад удружить ему, у меня
миллион друзей!

Летом я хожу на стадион.
Я болею за «Зенит», «Зенит» - чемпион!
Я сижу на скамейке в ложе «Б»
И играю на большой жестяной трубе.
Но давеча я слышал, что все выйдет не так,
И чемпионом станет «Спартак».
Мне сказали об этом в Москве.

По субботам я хожу в рок-клуб,

В рок-клубе так много хороших групп,
Я гордо вхожу с билетом в руке,
А мне поют песни на родном языке,
Я люблю «АКВАРИУМ»,
Я люблю «ЗООПАРК»,
Я люблю «СЕКРЕТ»,
Я люблю «СТРАННЫЕ ИГРЫ»,
Я люблю «КИНО»,
Я не люблю «ЗЕМЛЯН»,
Я люблю только подпольные группы.

И если вы меня спросите: «Где здесь мораль?» Я
направлю свой взгляд в туманную даль, И скажу
вам, что как мне не жаль, Я не знаю, где здесь
мораль. Но так мы жили, так мы живем, Так и
будем жить, пока не умрем, И если мы живем вот
так, Значит, так надо!

ОТЕЛЬ ПОД НАЗВАНИЕМ «БРАК»

Здесь бегают дети и мешают спать,
Здесь некогда подумать, здесь нечего читать,
Здесь, в этом отеле под названием «Брак» .
Здесь каждый день необходимо платить
Тем, что пить крайне вредно и нельзя курить,
Здесь, в этом отеле под названием «Брак» .
И из окна зачастую совсем не тот вид,
И в ресторан не пускают, и буфет закрыт,
И каждый несет груз душевных обид
О, да!

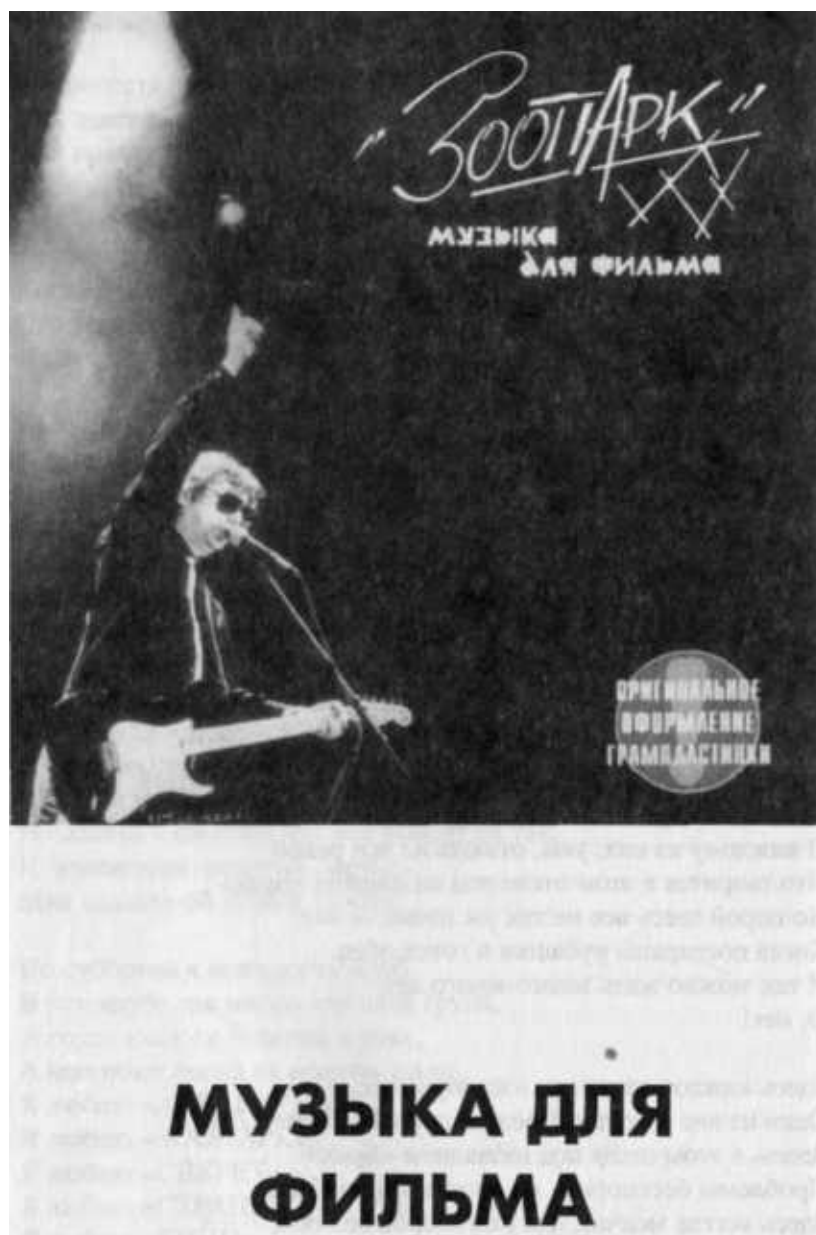
Здесь не бывает любовниц, не бывает друзей,
Но, как ни странно, здесь всегда слишком много людей,
И соседи лезут в щели и смотрят в окно,
И каждому из них, увы, отнюдь не все равно
Что творится в этом отеле под названием «Брак» .
Но порой здесь все не так уж плохо, о, нет,

Когда постираны рубашки и готов обед,
И так можно жить много-много лет,
О, нет!

Здесь каждое слово это - компромисс, Один из нас
- Братец Кролик, другой - Братец Лис, Здесь, в
этом отеле под названием «Брак» Проблемы
бесспорны, но споры без проблем, Здесь всегда
молчат, для разговоров нет тем, Здесь, в этом
отеле под названием «Брак».

Шпионство

Ты старый контрразведчик,
Но ты не первый класс. Ты
старый контрразведчик, Но
ты не первый класс. Ты
ищешь в каждом шпиона, Ты
оторвался от масс.

ПРАВО НА РОК

Есть люди, которые при слове «РОК»
Начинают глотать валидол, Они
ненавидят нас и всех тех, Кто играет
рок-н-ролл.

Они хотели бы одеть на нас ошейник И
держат в руках поводок, Но этот

номер не пройдет, У нас есть право на рок.

Рок ругали в прессе; там полагали, Что рок это «что-то не то». Они делали свое дело, Мы же делали свое.

Но кто они такие, чтобы нас учить И лить на нас грязи поток? Что бы они не говорили о нас, У нас есть право на Рок!

Каждая пластинка Битлз давала нам Больше, чем школа за год. И мы покупали первые гитары, Хотя еще не знали нот.

И наши первые герои давно постарели, Иных уже нет в живых. Но они не подвели нас и проложили Дорогу для нас, молодых.

Когда мы начинали, мы знали, что не будем Ни сдаваться, ни отступать. Ведь иначе не имело бы смысла Вообще начинать играть.

Все это не напрасно, ведь не зря же Был открыт электрический ток. Годы прошли и мы получили Наше право на рок!

Спасибо вам, вы приходили на наши концерты, И вот вы пришли опять. Пусть слушает тот, кто пришел нас слушать, Пусть танцует, кто пришел танцевать.

Мы будем играть для вас, пока мы нужны, Пока не выйдет наш срок. Спасибо всем

вам. Вы заслужили Ваше право на рок.

ОНА БЫЛА

Я познакомился с ней в гостях у своих друзей.
Я не помню зачем я пришел и чего ждал,
Но тут я увидел ее и понял:
О, это именно то,
О, да, это именно то, что я всю жизнь искал.
В ней было столько шарма, что меня настигла
внезапная карма.

Как я ни старался, я уже не мог устоять.
Я был в черном, она была в белом,
И я повел себя довольно смело:
Я пригласил ее потанцевать.
И я еще не понимал насколько это опасно,
Но она казалась мне такой несчастной,
А музыка в это время играла фокстрот.
О, она была прекрасна, и я обнял ее страстно,
И мы танцевали всю ночь напролет.

Когда все ушли, мы остались вдвоем,
И хотя я вел себя дурак дураком.
По отношению к ней я был очень непрочь,
Мое сердце стучало как паровоз,
И я не помню, какую ахинею я нес.
Но так или иначе, мы были с ней вместе в ту ночь.

Все это было, словно сон.
О, боже!!! Я был влюблен.
Душа моя кричала: «Гип-гип, ура!»
Я целовал ее в рот, а она меня наоборот,
И мы с ней не сомкнули глаз до утра.
Погода была ненастной,
Но она была прекрасной.
И похожей на Софи Лорен точь-в-точь,

О, она была страстной,
Все это было не напрасно,
О, как мы любили друг друга в ту ночь.

Но днем я проснулся один,
И мной овладел жесточайший сплин.
Она ушла и я не знал, где ее искать.
И я молю своих друзей артистов, художников, поэтов
и лидер-гитаристов,
Если вы встретите ее, дайте мне знать.
О, да, этот случай был частный,
Но она была опасной,
Она была похожа на частицу огня.
Она была прекрасной,
И мое чувство к ней не угасло.
Дорогая, скорее найди меня.

Мне не пережить одиноких дней
И день, и ночь я думаю о ней.
Я стараюсь, но не могу себя превозмочь.
Это был просто поворот судьбы,
Но, дорогая, я ищу тебя, где же ты,
Вспомни, как мы любили друг друга в ту ночь.

ВЫСТРЕЛЫ

Каждый день ты просыпаешься с мыслью:
а не последний ли это день? Ты чувствуешь
себя так, будто у тебя На спине татуировка
- мишень.
Ты задаешь себе надоевший вопрос:
Ну, и как будем дальше жить?
И ты сам себе отвечаешь:
Все это глупости, их нужно забыть.
Но каждый день - это меткий выстрел,
Это выстрел в спину, выстрел в упор,
За все эти годы можно было привыкнуть,

Но ты не привык до сих пор.
Каждый день - это меткий выстрел,
И выверен прицела створ.
Знакомцы приносят к тебе вино,
Им лестно с тобою пить.
Вероятно, они хорошие люди,
Ведь иначе и не может быть.
И они приходят, и они уходят,
И прощания безмерно пылки.
Но в конечном итоге тебе остаются
Лишь грязная посуда и пустые бутылки.
И потом они говорят о тебе:
«Он мой лучший друг, я с ним пил».
А ты не помнишь этих «лучших друзей»,
Они ушли, и ты их забыл.
Они стреляют в тебя, и стреляют метко,
Стреляют из-за угла, стреляют в упор.
За все эти годы можно было привыкнуть,
Но ты не привык до сих пор.
Каждый день это меткий выстрел
И выверен прицела створ.
Помнишь ли ты, как вы с ней
Танцевали в последний раз?
Ты знал, что этот раз последний,, и ты
Не мог оторвать от нее своих глаз.
И группа играла громко,
И в зале был притушен свет.
Ты пытался объяснить ей что-то,
Но она лишь улыбалась в ответ.
Вы ушли, когда вечер подходил к концу,
И ты помнишь, как сейчас:
Ты сказал: «Отдай мне свою любовь».
Она ответила: «Бог подаст».
И это был самый меткий выстрел,
Выстрел в лицо, выстрел в упор.
Это было давно, прошло столько лет,
Но боль не прошла до сих пор.
Каждый день - это меткий выстрел,
И выверен прицела створ.

Вчера на улице ты встретил ее.
Еще не взошла луна,
И в темноте ты не видел ее лица,
Но ты знал, что это была она.
Она танцевала на пустой мостовой,
И оглянувшись и увидев, что вокруг нет людей,
Она остановилась и, обняв,
Поцеловала того, кто был рядом с ней.
Она стреляла, не целясь, но метко,
Это был выстрел в сердце, выстрел в упор.
Тебе было больно и как-то неловко,
Ты чувствовал себя, словно вор.
Каждый день - это меткий выстрел,
И выверен прицела створ.
Ты боишься выходить из дома,
Ты начал бояться людей
Знакомых и незнакомых.
Учреждений и очередей.
В тебя стреляют, значит, не просто так.
Стреляют - значит ты заслужил.
Наверное, ты слишком опасен, мой друг,
Не слишком ли долго ты жил?
Они стреляют стоя, лежа, с колена,
Из-за угла, но всегда в упор.
Сколько раз ты уже умирал,
Так почему же ты не привык до сих пор?
Каждый день - это меткий выстрел,
И выверен прицела створ.
Но каждый раз приходит мать-ночь,
И когда ты ложишься спать,
В голову приходит старый вопрос:
Ну, а будет ли завтра новый день опять?

МАРИЯ

Мария, я что-то не вижу
Нимба над твоей головой.

Наверное, мне будет неловко,
Если меня встретят рядом с тобой.
И все это кажется странным,
Но, как говорят, c'est la vie.
А когда-то я был готов отдать все
За тень твоей любви.
Мария,
Лунный свет в твоих глазах.
Я сдался тебе, хоть ты не успела
Объявить мне даже шах.
Мне трудно говорить; возьми мои письма,
Прочитай их и порви.
А когда-то я был готов отдать все
За тень твоей любви.
Мне говорили о тебе так много,
Но я был к тому готов.
Пусть их, пусть себе говорят.
Ведь они знают столько слов.
Они так часто открывают рты,
И извлекают языками звук,
Что иногда я завидую глухонемым,
Объясняющимся с помощью рук.
Мария, меня любит другая,
Поверь мне, я не шучу.
Ты всегда знала, что мне нужно;
Она знает, чего я хочу.
Она сняла бубенцы с моей короны,
Она сказала мне: «Живи!»
А когда-то я был готов отдать все
За тень твоей любви.
Ты знаешь, я понял однажды,
Что я не был никогда отважным,
И каждый час я ждал новой беды.
И хотя в тот день дождь прошел дважды,
Я все равно умирал от жажды,
Но она дала мне то, что чище самой чистой воды.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ. 1984

А.Морозов, М.Садчиков, В.Добрынин

«Рокси», как журнал, издававшийся безумно малым тиражом тем не менее был читаем. Его читали, и не то, чтобы рвали из рук в руки, но читали. К 84 году в этом издании сложилась достаточно парадоксальная ситуация. - практически, там писали два критика, которые, наверное, думали о себе слишком много. Один из них был Александр Старцев (Алек Зандер, К.Кич, Саша-С Кримами). Второй, лучший, был Анатолий Гуницкий (Старый рокер, Бенедикт Бурых). Как ни странно, они сотрудничали на страницах одного журнала скорее всего потому, что больше им негде было. Очень часто у них сходились мнения о результатах фестиваля, но вот о «Зоопарке», как правило, мнения у них расходились. То, что вы прочитаете сейчас, это будет тот спор, и он был важен для них, о группе, которую они любили по-разному.

К счастью, в этот раздел привлечены и другие рок-критики. И с точки зрения А.Старцева, споры со смертью Майка о его творчестве, отнюдь не закончились.

1 фестиваль рок-клуба. Май 1983 УЛМДСТ. М. Садчиков.

Из статьи «Фрагменты рок-фестиваля», «Рокси» №6

«Зоопарк» можно отнести к неудачникам фестиваля. Группа выступала в составе: М.Науменко - руководитель, гитара, вокал; А.Храбунов - лидер-гитара; И.Куликов - бас; А.Данилов - барабаны; А.П. Донских - клавиши. Подвел ужасный саунд. Потом, судя по всему, Майк чисто психологически сломался после такого блистательного выступления «Мануфактуры» (их ведь бисировали, обсуждали в кулуарах) и выглядел не в себе. А самое главное, публика, не услышав у «Зоопарка» ничего нового, мгновенно сменила милость на гнев; приятное настроение, навеянное мастерами «ручной выработки» - «Мануфактурой», было испорчено. Право же, неумно выглядело желание Майка рассказать фестивальной публике о своем цикле, посвященном «Сладкой N», когда эта публика, разбуди ее ночью, могла бы процитировать весь «зоопарковский» цикл. Не хотелось

бы, чтобы мы и дальше говорили, что знали Майка «совсем другим», но справедливости ради отметим, что даже в стихах он стал повторяться. Ироничным выглядело решение жюри присудить Майку Науменко приз за лучшие тексты; нет, тексты - что надо, но на фестивале в грохоте и каше этих текстов просто никто не мог расслышать.

Редакционные комментарии. Майк, конечно, уникальный раздолбай. Включить в последний момент в группу еще один инструмент фоно, который помимо ритм-гитары, собственно, и делает музыку - это не что иное, как самая натуральная халява. Естественно, без всяких предварительных репетиций. Но я сильно подозреваю, что Майка за весь этот бардак, сопутствующий ему почти всегда, тоже любят. Дело в том, что он внешне много проще других музыкантов и на сцене не шоу делает, а является самим собой. Но основной повод любви к нему в том, что творчество его народно (только без всяких параллелей, пожалуйста), хотя бы в городском смысле.

По поводу старых программ так, и Леви не очень новые песни пел, и нет ничего удивительного в том, что музыкант на конкурсе делает то, что считает лучшим в своем творчестве. К вопросу о текстах - или публика знает их наизусть, или никто ничего не мог понять. И что ироничного в решении жюри - непонятно, потому как если такой приз есть, то кому его давать, как не Майку? Не говоря уже о том, что эти тексты, распечатанные и залигованные, были у членов жюри перед носом. Что касается ужасающей «Хиросима все еще пылает, Хиросима все еще горит», исполненной Александром Петровичем Донских - ну, если без антивоенной песни на фестиваль не пускают... В школе тоже заставляли коротко стричься и носить форму.

***Фестивальные хроники: 2 фестиваль, май 1984, ЛМДСТ. Алек Зандер.
Из статьи «Быстрые заметки». «Рокси» N7.***

Майк, появившись на сцене, с ходу кинулся в «Белую ночь, белое тепло», и с этого момента на фестивале и возникла атмосфера праздника, началось то, ради чего мы все, собственно, и собрались. Начался рок. Выяснилось, что кроме «Зоопарка» никто рок-н-рольную музыку как таковую играть не умеет. Майк это настоящий, корневой человек. А надо сказать, что сложностей у него было, что называется, до фига. Уже довольно давно все привыкли к тому, что «Зоопарк» на записях - это одно, а на концертах - совершенно другое (постоянная халява, лажа и т.д.).

Нормального живого звучания, по крайней мере в Ленинграде, Майку никак не удавалось добиться. Причина была ясна всем. Наконец, ее заметил и Майк и внес некоторые изменения в состав группы; на этом концерте мы увидели, а главное, услышали совершенно другой «Зоопарк»: на басу сражался Михаил «Фан» Васильев, на барабанах бился Евгений Губерман, а на клавишные был высажен десант в виде Александра Донских. Из старого состава сохранился только гитарист Шура Храбунов, любитель дисторшенов и запилов. Тут, однако, на запилы наложили некоторый мораторий и в этом хватанули через край. Гитары не было слышно на «Мажорном рок-н-ролле», то есть там, где она просто необходима. Недоволен был Шура, хмурился. Ну, и Фан лажанул пару раз - в «Лете» и «Медленном поезде» - сами понимаете, глупо было бы, если бы «Зоопарк» без этого обошелся. Но это все уже, конечно, «с жиру», потому что «Зоопарк» несомненно, лучшее выступление фестиваля. Они играли с таким драйвом и напором, какого я никогда не слышал. Майк - молодец, вместо того, чтобы скандалить и дебоширить по поводу травли, которая ведется в последнее время на страницах прессы («Смена», «Комсомольская правда»), он взял и сыграл, и сыграл отлично, сразу поставив все на свои места.

Примечание: по опросам публики, проводившимся под руководством Бориса Малышева, «Зоопарк» занял первое место, опередив (правда, незначительно) «Аквариум». (Из статьи Б. Малышева «О популярности», «Рокси» N 8.)

***Фестивальные хроники: 2 фестиваль. Из статьи Старого Рокера
«Расклад-84», «Рокси» N8.***

После фестиваля много раз пришлось отвечать на вопрос, почему «Зоопарк» и «Странные игры» не стали лауреатами? Ответ, как правило, звучал так: «Да, разумеется, это наши ведущие группы, но на фестивале они выступили слабее, чем можно было ожидать. Прошлые заслуги не учитывались...». Я и теперь считаю, что жюри вынесло правильное решение. Разве было бы правильно, если бы «Зоопарк» включили в семерку сильнейших просто так, за один факт присутствия или назло Садчикову и К?

В принципе, я согласен: «Зоопарк» выступил неплохо. Это даже закономерно, ведь существует определенный уровень, ниже которого ни «Зоопарк», ни «Странные игры», ни «Аквариум» опуститься не могут, даже

не имеют права. Этот уровень определяется многим: репертуаром, личностями музыкантов (Майк, БГ, Гусев, Сологубы) и т.д. А вот если взглянуть выше уровня? Происходит ли сейчас у «Зоопарка» движение вверх? По-моему, нет. Непонятно, почему Алек Зандер считает, что «Зоопарк» выступил лучше всех, и уж совсем остается загадкой, каким образом он выяснил, что «кроме «Зоопарка» никто рок-музыку, как таковую, играть не умеет»? Если имеются в виду рок-н-роллы, тогда другое дело, все эти ретро-штучки Майк делает мастерски, никто так органично, как он, не умеет следовать традициям, используя, в отличие от «Секрета», более современные средства и приемы. Все же, возвращаясь к зандер-восторгам, надо заметить, что выражение «рок-музыка как таковая» - опасная игра. Недолго ведь додуматься до того, что все, кроме рок-н-ролла и ритм-энд-блюза, не рок вообще. Похоже, что автор попал во власть неких клановых симпатий, мешающих ему заметить, как «Зоопарк» явно топчется на месте.

С текстами все в порядке, они, как всегда, интересны, умны и злободневны, а вот с музыкой... увы!

В малышевском топе «Зоопарк» на первом месте, но похоже, что большинство отдало за него голоса по привычке, автоматически, а фестиваль тут не при чем. Традиции традициями, а времена-то меняются, и наступила пора, когда Майку надо придумывать что-нибудь новенькое, хотя и на старых дровах можно греться полтора-два года. Нужно ли это «Зоопарку»?

Его выступление не было удивительным, в рамках привычного, не более. Страшно мешал свирепый пианист Донских; столь бесхитростного клавишника мне еще не приходилось слышать. Он грохотал, гремел, лез во все щели, старательно заглушая партнеров, звероподобно улыбаясь залу. Это однообразное, безэмоциональное долбежное музицирование имело осознанную цель разломать пианино к чертовой бабушке! Увидев такое, поневоле закричишь: «Рок давай!» Он и давал. Корневой рокер, ничего не скажешь. Губерман, несмотря на потрясающую технику, в музыку «Зоопарка» не вписывался и был сам по себе. Едва ли он будет сотрудничать с Майком постоянно, а последнему был необходим стабильный состав, иначе можно погрязнуть в джемах.

Концертные хроники: осень 1984. А. Зандер. Из статьи «Осенние варианты».

За осень сорвались два концерта «Зоопарка». В декабре в ДК Газа должны были играть «Алиса» и «Кино». Но Цой отправился на гастроли в Новосибирск, а вот выбраться оттуда к концерту не смог. Потом говорили,

что ему даже понравилось чем-то эта погода... Пришлось Коле Михайлову произнести сакраментальную фразу: «Кина не будет». Зал обиженно загудел. «Но,- сказал Коля, - перед вами выступит автор-исполнитель Михаил Науменко, в сопровождении инструментального ансамбля под управлением А.Храбунова». На сцене появился Майк, Шура и ритм-секция «Алисы». Своим напором Майк взял зал за горло, и отыграли они отлично. Майк узнал о концерте в два часа того же дня. Шура, к счастью, оказался рядом, но ни Фана, ни Губермана разыскать не удалось. Час репетиций в задней комнате и «Алисопарк» вызывали на бис.

Интервью с Майком, взятое Алеком Зандером в июне 1984 года. «Рокси» N 7.

- Майк, что нового происходит с тобой за последнее время?
- Собственно говоря, ничего. Перемен, во всяком разе, нет. Пишу, пою, читаю газету «Смена». Любимая рубрика «Кто нужен «Зоопарку»?». Спасибо О.Власову - читай М.Садчикову - за бесплатную рекламу.
- А что происходит с «Зоопарком»? В чем причины смены состава?
- Барабанщик Андрей Данилов кончил ВУЗ и по распределению отъезжает в Петрозаводск. Сейчас мы работаем с Женей Губерманом; я бы играл с ним всю жизнь, но он очень занятой человек. Басист Илья Куликов в армии. Михаил «Фан» Васильев любезно предложил свои услуги, которые были приняты с благодарностью.
- Михаил теперь - постоянный член группы?
- Да, пока ему это нужно.
- Как тебе с ним играть?
- Хорошо. Главное то, что мы с ним знакомы миллион лет. Гораздо приятнее играть с людьми, которых ты знаешь и знаешь, что от них можно ожидать. Я очень люблю Михаила.
- За последние три месяца я видел с «Зоопарком» на сцене трех барабанщиков - Данилова, Троценкова и Губермана. Кого из них ты предпочитаешь?
- Губермана. Мы играем, вообще говоря, старомодную музыку. Данилов ее играть умеет. Петя Троценков играет очень здорово, но он более склонен к новомодным штучкам. Женька же может играть все. Работать с ним очень интересно и легко.
- Критика считает, что гитарист «Зоопарка» Шура Храбунов очень прибавил в последнее время. Ты разделяешь это мнение?
- Да. Он занимается гитарой каждый день, относится к этому крайне серьезно, паяет разные приставки - кстати говоря, очень неплохие. Он, вероятно, относится к нашей музыке серьезнее, чем все остальные, вместе

взятые.

- Прокомментируй, пожалуйста, фестиваль.
- Я был только на трех концертах. Что понравилось? «Теле-У» - я был в шоке! «Телевизор» - колоссальная группа, жаль, что на следующих концертах она спала. «Аквариум» - как всегда, это моя любимая группа. Честно говоря, я был разочарован «Кино». Цоя очень люблю, и как мне кажется, он способен на большее. Ура «Секрету»! Величайшее занудство фестиваля - «Орнамент». А вообще, все это было весьма забавно.
- Что бы ты мог сказать по поводу кампании, поднятой в прессе?
- Нужно соблюдать элементарную порядочность. К тому же, как не вспомнить классическую фразу «а судьи кто?».
- Как тебе нравится то, что ты сделал за последние года три?
- То, что делается, обычно нравится недели три. Потом наступает разочарование и чувство, что то же самое можно было сделать иначе и гораздо лучше. Наверное, это присуще каждому артисту.
- Почему на концертах ты играешь в основном старые вещи?
- Отнюдь! Есть и новые. Сложность состоит в том, что у нас нет постоянной точки для репетиций. Репетируем мы в ужасающих условиях и удивительно, что каким-то образом мы делаем то, что делаем.
- Обычно на концертах «Зоопарка» довольно много лажи. Почему?
- Потому что все понемножку лажают. Ну и что?
- Майк, как насчет нового альбома?
- Он скоро будет.

Концертные хроники. «Рокси» N10, 1985. Алек Зандер.

Из статьи «Рок-н-ролльный маятник или новости нашей коммунальной кухни».

На сцене появился долгожданный «Зоопарк». Сей коллектив не выступал полтора года после фестиваля 1984 года (на 3 фестивале группа не выступала). «Рок-н-ролл» мы долго ждали»...

Барабанщик Валерий Кирилов, игравший в «Джунглях» в самый начальный период, а затем профессионально - в «Калинке», басист Сергей Тесюль из печальной славы «Зенита». Валерий придал «Зоопарку» заметную тяжесть в звуке, а Сергей - несколько менее традиционный для рок-и-ролла стиль игры. По содержанию же Майк остался верен себе.

Старый девиз - «Зоопарк» без лажи не бывает!» и полный вперед, в полный рост! На первом концерте дважды забываются слова песен, а номер «Она была» исполняется, простите, по бумажке. (Номер, кстати, абсолютно вторичный по отношению, например, к «Страху в твоих глазах».) Я понимаю, конечно, славные традиции, эпатаж и все такое, но это похоже скорее на неуважение к публике и элементарную лень. На втором концерте Майк, находясь в состоянии освобожденного вокалиста, принялся бегать по сцене и с маху наступил каблуком на Шурины приставки. Надо было видеть, как Шура, мгновенно налившись белой злостью (его гитара, разумеется, моментально вырубилась), бросился шарить по проводам. Ну и напоследок уже сыграли «Медленный поезд» по системе «кто в лес, кто по дрова». Справедливости ради надо оговориться, что в эпизоде с поломкой гитарных приставок Майк нашелся, используя просто свой голос, потом Валера выдал барабанное соло, Шура (честь ему и хвала) в минуту ликвидировал все разрушения, и зал взорвался аплодисментами, когда заиграли вновь.

Вообще Майка принимают очень тепло. Он по-прежнему популярен, и все рады видеть его снова на сцене. Я сам его люблю, и вся моя критика вызвана тем, что я по-прежнему пристрастен, и мне, как зрителю, неприятно видеть то, что я описал.

Хочется отметить новые песни Майка - «10 лет назад», правда, сильно ностальгическую (сравните с «Двигаться дальше» БГ), «Салоны» - закоренелая нелюбовь к снобам, «Мария» - думаю, что это одна из лучших за последний период, во всяком случае для меня она входит в золотой фонд ленинградской рок-лирики, и «Твой новый пудель» - несколько менее злобный, чем обычно, пресловутый «мужской шовинизм». Приятно было и то, что дню рождения Кейта Ричарда Майк посвятил все-таки «Старт ми ап», а не «Эраунд энд эраунд» 1956 года. («Стоунз», естественно, его исполняли несколько позже.) Шура также выдал что-то в духе Марка Нопфлера. Может быть, «Зоопарк» берет разбег?

Концертные хроники. Апрель 1986. А.Бурлака.

Из статьи «Да здравствует рок-и-ролл» и посвященной 5-ой годовщине рок-клуба. «Рокси» №11.

Минут сорок «Зоопарк» последнего образца агонизировал на сцене,

являя собой малопривлекательное зрелище. Ей-богу, я был уверен, что вижу их последний концерт, ничто другое не удержало бы меня в кресле. Песни разваливались на куски, музыканты не только не слышали, но и не видели друг друга, Майк хрипел и терзал гитару, словно пытаясь прикончить неповинный инструмент. В довершение обмана какая-то барышня затеяла не к месту сплясать на сцене... Я люблю «300», но все же, когда они удалились за кулисы, вздохнул с облегчением (А может, так все было и задумано? А, Майк?)

*«Зоопарк» с Севой Грачом - крайний справа.
Фото Наташи Васильевой.*

*Питерский «глем-рок», слева-направо: Сева Гаккель, Майк, Майкл
Кордюков, Фан, Б.Г., неустановленное лицо и сидящий Фагот.
Фото Андрея Усова.*

Проводился также конкурс гитаристов, в котором принимали участие Каспарян, Д.Адашкин, Леви, Лялин и Шура Храбунов.

Нелюбовь клубного аппарата к «Зоопарку» известна давно, и поэтому, когда на сцену вышел один Шура, что-то затрещало, засвистело, и до зала долетели только отдельные куски его классических гитарных запилов. Не могу только сообразить, какая тема была обязательной, а какая свободной, по-моему, Шура оба раза играл блюз (если, конечно, считать блюзом рок-н-ролл).

Концертные хроники. Апрель 1986. Н.Мейнерт.

Из статьи «Возраст клубного старения», посвященной 5-ой годовщине рок-клуба. «Рокси» №11.

Итак, снова юбилейный концерт. Первое (и основное!): почти все побывавшие на сцене музыканты, в общем-то, презирают находящуюся в зале публику. Майк просто выплюнул в толпу себя, не заботясь о последствиях. Он не играл, как обычно. Он был самим собой.

Майк умеет создавать удивительно точные зарисовки с натуры, передавая интонации, манеру и мысли своих персонажей. Майк и его герои, как правило, совсем не одно и то же. Но на этот раз - никаких героев. Майк сам по себе. Злой и циничный. То есть именно такой, каким его жаждет видеть вся наша официальная пресса. Майк, тебя сломала вся эта травля? Им нужен повод, им нужно, чтобы рок стал однозначно тупым - так его будет легче громить под бурные аплодисменты ухоженных и удовлетворенных.

Фестивальные хроники. 4 фестиваль. Июнь 1986, ДК «Невский».

Алек Зандер. Из статьи «Золото на голубом». «Рокси» №11.

Шок произвел «Зоопарк», выступавший утром в субботу. Надо сказать, что в последнее время поклонники Майка очень страдали, наблюдая как группа переживает чернейший, наверное, период последнего сезона. Майк постоянно забывал слова собственных песен на концертах, банд играл «через пень-колоду», народ уходил из зала, и даже стоял вопрос о недопущении «Зоопарка» на фестиваль. Майк, однако же, резко собрался, группа репетировала, басисту С.Тесюлю запретили улыбаться на сцене,

программа была подобрана из вещей, в большинстве своем не исполнявшихся «вживую», ну а гвоздем стало участие женской вокальной группы (Наталья Шишкина и Галина Скигина) под руководством Александра Петровича Донских, аранжировавшего большинство песен в «Землянах» и оставившего группу по идейным разногласиям.

Майк был просто в ударе, он великолепно спел «Марию», «Иллюзии» и самоироничную «Я продолжаю забывать». С мощным бэкинг-вокалом гораздо лучше зазвучал и «Пудель», исполнявшийся до этого несколько надрывно. Очень удачно в нескольких номерах подыграл Андрей Муратов на электроклавишах, которого вписали во все это дело за два дня до концерта («Зоопарк» все-таки есть «Зоопарк»). Номер «Ах, любовь», спетый в пародийно-слащавой манере А.Донских, вызвал овации на фестивале и недоумение (на лауреатском концерте) ЛДМовской публики, которая настолько отупела от дискотек и модных шмоток, что оказалась неспособной понять иронию.

Поскольку женская вокальная группа использовалась впервые на рок-клубовской сцене, да и вообще редка в последнее время (групповой вокал, видимо, считается архаикой 60-х), то естественно, начались упреки в эстрадности, потере социального содержания и т.д. Тот факт, что на Западе это используется сплошь и рядом, начиная от Пресли, Дилана и кончая «новой волной», попросту игнорируется. Конечно, если что-то видишь впервые, то возникает недоверие, а недоверие к новому (даже если это хорошо забытое старое) - клеймо дураков, как говаривал профессор Челленджер. Что же касается социальности в том смысле, в котором ее понимает, например, «Телевизор», то ее у Майка искать бессмысленно, ибо он всегда касался несоответствий в самом человеке или его частной жизни. От личного опыта одного человека к личному опыту другого - вот путь его песен. И это может становиться или не становиться общим, но во всяком случае не оборачивается чтением морали. Что до более идейных упреков, дескать, «когда две дамы из кабака поют «да святится имя Твое», то как-то не верится» - это просто смешно. Да, они работают профессиональными вокалистками, и я думаю, что от этого они поют не хуже, чем если бы они работали кочегарами, сторожиками, вахтершами и тем самым были бы «своими в доску».

Майк не потерял ни своей лиричности, ни склонности к иронии, и я, как старый и верный его почитатель, очень этому рад.

Концертные хроники. Май 1987. Алек Зандер. Из статьи «Данный момент». «Рокси» N12.

Все, кто видел выступление «Зоопарка» на фестивале-86 с вокальной

группой в составе А.Донских и двух девушек, я думаю, вспоминают об этом с удовольствием. Те, кто не видел, могут послушать запись, она уже достаточно широко распространена. Так вот, Майк ухитрился заиграть и эту программу. Он, наверное, единственный, кто за полгода не ввел ни одной новой песни. Разве что недавно залигованных «Гопников» посчитать за новую. Наоборот, он выкинул «Несоответствия» и «Женщину», которая хоть и старая, с альбома «Все братья-сестры», но помнят ее только уж скупулеснейшие знатоки. В результате на концертах в ЛДМ в февралемарте сего года при появлении девушек раздавался свист, а сольный номер А. Донских «Ах, любовь» для многих воспринимался как позыв двинуться к выходу. Что и понятно: конечно, это шутка, но нельзя же рассказывать без конца один и тот же анекдот. Заканчивает «Зоопарк» медленными «Иллюзиями», чем совершенно опускает даже тех, кто успел завестись. Ну, а если будет «бис», тогда «Мажорный рок-н-ролл». Когда я все это вижу, мне вспоминается Билл Хейли, который всю жизнь обречен был петь «Рок эраунд зе клок». Господи, как ему, наверное, надоела эта песня!

Мне было очень интересно посмотреть, как «Зоопарк» будет выглядеть в спортивно - концертном комплексе в одной программе с металлистами из Москвы - «Мастером» и группой Игоря Романова (экс-«Земляне») «Союз». Надо сказать, что «Зоопарк» убрал и тех и других. Танцевать теперь можно, так вот на металлистах у сцены было ряда четыре, на «Зоопарке» вся площадка была забита танцующим народом, а с Игоря Романова народ просто уходил - настолько все это было фальшиво-помпезно. Так что с этой точки зрения «Зоопарк» свою задачу выполнил. Другое дело, что так можно превратиться в штатного развлекателя или в живую легенду наподобие Рекшана.

Алек Зандер. «Это только рок-н-ролл». Интервью с Михаилом Науменко и Александром Петровичем Донских.

Вряд ли нужно представлять вам Майка. Когда я договаривался с ним об этом интервью, где предполагалось побеседовать и об успешном выступлении «Зоопарка» на фестивале, Майк категорически заявил: «Без Александра Петровича Донских все предприятие было бы невозможным. На его долю приходится по крайней мере 50% нашего успеха».

У микрофона.
Фото А. Астафьева.

Александр Петрович Донских в основном известен как вокалист группы «Земляне», где он выступал последние два года. Но надо отметить, что ветераны помнят его и по арт-роковой группе «Длинная дистанция», и по дням рождения «Битлз» конца 70-х, а ЛДМовская молодежь - по участию в ансамбле «Аре», игравшем разную коммерцию на этой площадке. С «Зоопарком» А.П.Донских выступает уже на третьем фестивале, и вот мы сидим втроем и беседуем

- Давно ли вы знакомы друг с другом?

М. - Да, года с 1977, с поездки на Домбай, где мы играли на танцах под руководством Майкла Кордюкова.

А.П. - Ах. Домбай..

- Саша, многие рокеры плохо относятся к тому, что ты участвовал в «Землянах».

А.П. - Мне непонятна та точка зрения, согласно которой лучше быть бомжем, чем зарабатывать себе на жизнь тем, что ты действительно умеешь делать. Если у меня есть голос, то почему я должен работать дворником или инженером? Согласно какой логике?

- А почему ты ушел из «Землян»?

А.П. - Мне захотелось чаще принимать участие в концертах «Зоопарка».

М. - Ха-ха-ха!

- Майк, как ты сам оцениваешь период с ноября по май?

М. - На «отлично»!

- Ну уж прямо на «отлично»?

М. - А что? Какие претензии к группе?

- Ну, во-первых, ансамбль играл «кто в лес, кто по дрова», лажа была на лаже и лажей погоняла, вещи игрались в основном старые, новые номера в чем-то весьма вторичны, по моему мнению; я уж не говорю о том, что без конца ломались приставки, вырубался звук, а однажды развалилась ударная установка. Только не надо говорить, что последний факт - это продуманный сценический акт в стиле Кита Муна.

М. - А почему бы и нет? Ну, развалилась...

А.П. - Ох, уж мне эти доморощенные рок-журналисты с заранее придуманными версиями, оценками; эти псевдокритики, считающие себя умнее всех, эти насильники пишущих машинок, эти пигмеи шариковых ручек, эти...

М. - Нет, если серьезно, то в первую очередь, конечно, были трудности с составом. Женя Губерман уехал в Москву, у Михаила Васильева были свои заморочки, Илья Куликов, вернувшийся из армии, надежд, возлагавшихся на его приход, не оправдал, Валера Кирилов - его мне порекомендовал Игорь Голубев - играл в «Пепле» в «Джунглях» и в «Калинке», а басист Сережа Тесюль - вообще в «Зените». А четыре человека, играющих вместе, - это еще не коллектив. Как группа, ансамбль, мы собрались, по сути дела, только к фестивалю.

А. П. - Были и вполне удачные концерты, например, концерт, где нам пришлось играть без Шуры - он не мог тогда. Что, правда, не говорит в пользу игры неполным составом.

М. - Потом, ты говоришь «репертуарные вопросы». Но взгляни на программу любой западной группы: четыре-пять новых номеров, а

остальные - старые проверенные хиты. Те же «Стоунз», например.

- Но, Майк, сейчас на улицах не поют про «новый поворот», сейчас не 1982 год.

А. П. - Ну, если словосочетание «новый поворот» поставить в кавычки... или то же самое сделать со словом «поют»... я думаю, что эта песня будет вполне актуальна и сейчас.

М. - Алек, а что ты имел ввиду под вторичностью?

- Я имел в виду песни типа «Я знал», «Она была», в чем-то «Пудель». И потом скажи, ты бывал в таких салонах, о которых песня?

М. - 500 раз!

- А публика?

М. - Ну, кто был, те поймут. А вообще, я не считаю нужным оправдываться. Я пишу то, что хочу писать, и пою эти вещи, если, конечно, они залигованы.

- Как возникла идея вокальной группы?

М. - Ну, эта идея давно витала в воздухе, но ты сам понимаешь, что я в голосах не так, чтобы «ах». А тут у Александра Петровича появилось больше свободного времени, ему, как говорится, и карты в руки.

А. П. - Майк всегда хорошо относился к «ду-вопу».

М. - Ну, это не совсем «ду-воп».

А.П. - Появилась почва для реализации этого замысла - наше вокальное трио плюс группа «Зоопарк». В принципе, в будущем, хотя, возможно, об этом еще рано говорить, вполне реально выступление нашего трио отдельно, например, с программой, составленной из песен Майка. А вообще, как человек, занимающийся аранжировкой, я могу сказать, что у нынешнего состава «Зоопарка» появилась тенденция к упорядочиванию звука, что не может не радовать.

- Саша аранжировал все песни. И только ли аранжировал или там есть и его материал?

М. - Александр очень помог мне в написании музыки «Иллюзий», а песня «Ах, любовь» - наша совместная работа. Что касается аранжировок, то в этом деле (исключая, конечно, вокальные дела) задействованы все члены группы. Например, в песне «Женщина», ты же помнишь, как она звучала во «Всех братьях-сестрах», барабанные сбивки предложил Валера, а гитарный ход - Шура. По-моему, вещь зазвучала совершенно по иному.

А.П. - В целом, участие в фестивале очень встряхнуло группу и стимулировало работу. Хотелось бы все это записать.

- Когда же наконец выйдет новый альбом «Зоопарка»?

М. - «Зоопарк» предполагает, а Тропилло располагает. Материала

хватит на двойник, больше половины альбома уже записано, но работа стоит, и в этом не наша вина.

- А каково в целом впечатление от фестиваля?

М. - Мы довольно мало слышали, так что говорить обо всех нет возможности. Понравились «Алиса», «Аквариум», по поводу «Модели» сам понимаешь, что я могу сказать.

А.П. - Фестиваль прошел в нормальных условиях, что не надо расценивать, как сверхдостижение. Мне хотелось бы, чтоб подобное было и впредь.

- Как вы оцениваете обстановку в рок-клубе?

М. - Все это ясно и просто. Музыканты должны заниматься музыкой, а менеджированием музыки должны заниматься администраторы, которые знают ходы и выходы. Когда музыканты начинают залезать в подобные вопросы и устраивать разборки, они делают хуже всем сразу, а не только себе. В Ленинграде и так самая благоприятная обстановка, в других городах дело обстоит далеко не так. Все посулы Юры Байдака о горах денег, ждущих музыкантов, просто нереальны. Если бы молодые рокеры пообщались со старыми, то они бы переменили свое мнение, так как от Юры Байдака ничего, кроме горы дерьма, ждать нечего. У меня тоже есть свои претензии к Совету - в частности, по вопросу отсутствия гласности и манере все решать за закрытыми дверьми, но это не значит, что Совет нужно немедленно разогнать.

А.П. - Удивляет то, что вместо насущных проблем взрослые люди делят конфетку, которая совсем не так вкусна, как кажется.

М. - Мне вообще неприятен экстремизм, в любом его проявлении

- Что вы можете сказать по поводу «социальности» песен? «Зоопарк» упрекали в ее отсутствии.

А.П. - Если под социальностью понимать актуальность и обращение к современной публике, то песни Майка социальны на 100 %.

М. - Мне кажется, что те, кто упрекает нас, имеют в виду несколько другое... Я уже сказал, что не приемлю экстремизма, и потом, мне представляется, что рок-песня не должна подменять собой плакат или передовицу в газете.

А.П. - Слава богу, что песни Майка лишены сентенциозности, позиции учителя и обличителя!

М. - Подобная позиция в лучшем случае неприятна...

- Как вы считаете, должен ли рок обязательно быть авторским?

М. - Понимаешь, если это рок, то он авторский в любом случае. Нормальные люди рок-музыкантами не становятся, в этом есть что-то

ненормальное - выйти на сцену и изложить людям собственные переживания. В этом есть что-то от эксгибиционизма. И тут же присутствует элемент рок-н-рольной сказки: стать богатым и знаменитым.

А.П. - Если человек поет о том, что его серьезно волнует, контакт устанавливается на общности внутренних переживаний. Важен момент искренности.

М. - Энергия - тоже момент искренности...

А.П. - Можно петь и не свои песни, но ощущать их как свои. Главное, чтобы ты в это верил, даже если это исполняется в другой трактовке. Масса примеров - ранние «Битлз», «Стоунз», Джо Кокер, не говоря уж о Дилане или Ленноне. А вообще не нужно воспринимать все это слишком серьезно.

Это всего лишь рок-н-ролл!

- Последний вопрос, Майк...

М. - Позволь, я задам его себе сам. Итак: «Майк, не достают ли тебя твои фаны?» Есть такое дело, и даже очень. Слава богу, у меня нет телефона. Приходят совершенно безумные люди и что-то приносят с собой, порой - в очень больших количествах. И я должен сидеть с ними, тратить время, что-то говорить... как будто я могу сказать что-то умное людям, которых я вижу в первый раз. Непонятно, откуда они берут мой адрес. Потом начинается какое-то нелепое амигошонство... Я всех очень люблю, но есть концерты, записи, интервью, наконец... В конце концов, я же ни к кому не вваливаюсь с предложением познакомиться.

**Фестивальные хроники. Июнь 1987, ЛДМ. Алек Зандер. Из статьи
«Ночь со среды на понедельник». «Рокси» N13.**

Фестиваль был пятый, в некотором смысле юбилейный, и готовился с большой помпой. Тем не менее, именно он стал закатом фестивальной идеи и принес много больших обломов. Если бы не триумф "ДДТ", во время выступления которого в зале возродился былой дух рок-клуба, все это вообще можно было назвать большой тусовкой.

Новые песни Майка просто не прозвучали. Жуткий аналог "Буги" под названием "Алые паруса", тяжеловесная "Вся жизнь - это видеоролик", опять "Я знал"... На заливочных "Дряни" и "Пригородном блюзе" зал, естественно, тащился и заводился. Странно было бы, если бы не заводился - перестройка, гласность, все можно... Но, по-моему, всем все ясно. Достаточно мощной вещью была "Право на рок". Единственное, в чем я не согласен, это в том, что "мы заслужили наше право на рок". Как говорится,

собачки служат. И уж кто-кто, а Майк набил немало синяков в борьбе, простите за пошлый оборот.

Ну, и светлым пятном была "Трезвость - норма жизни", исполненная без барабанов вместе с Натальей Шишкиной. Приятно было также видеть Илью Куликова, вновь вернувшегося на ответственный пост бас-гитариста.

Фестивальные хроники. 1986 г. А.Калужский. Из статьи «Рок круглые сутки». «Свердловское рок-обозрение» №2.

Выступление "Зоопарка" я считаю самым ярким событием ленинградского фестиваля. Кстати замечу, что мои ленинградские друзья авторитетно свидетельствуют, что это их лучшее выступление. Тем более радостно, что я на нем побывал. Все было хорошо: и звук, и взаимодействие музыкантов, и стилистическая выдержанность, как отдельных номеров, так и программы в целом; и наконец, эмоциональная манера исполнения Майка. Почему-то в среде рокеров сложилось такое мнение, что эмоциональность и тщательность отделки несовместимы. Какая чушь! По-настоящему живые и зажигательные вещи возникают в большинстве случаев лишь на добротной сделанной основе; вспомним Джагтера, Дилана или Рея Чарльза. Майк и раньше очень чутко улавливал особенности той или иной стилистики, но теперь ему удалось реализовать свое чутье на деле.

Из тринадцати номеров программы едва ли не две трети вызвали живой и непосредственный интерес. Откровенно слабых вещей не было, просто были песни, уступающие лучшим по той или иной причине. Но даже на компиляциях типа «Грейтест хитс» всегда найдутся неравноценные дорожки.

Когда Майк начал свою программу бодрим буги, и ему ответили сочные аккорды бэкинг-вокала, я с какой-то мальчишеской радостью подумал: "Прекрасно, что существуют на свете такие вещи, как суббота, улыбки, солнечное утро". Как нам не хватает хорошей и умной развлекательной музыки!

Слышал, что подобные песни называют коммерческими. Я уверен, что это не так. Мягкая ирония, органичность авторского воплощения не позволяет назвать эту песню "товаром". "Товар" предполагает определенное "заигрывание" с покупателем, "заманивание", в конечном итоге надувательство в пользу продающего. Но здесь, как мне кажется, другой случай. Для того, чтобы быть товаром (в худшем смысле этого

слова) "Буги-вуги" слишком откровенна, слишком нараспашку. Такие вещи раздают бесплатно, от души, в обмен на улыбку, - а это, право, не бог весть какая корысть.

Попробуем разобраться еще и вот в каком вопросе: так называемой вторичности Науменко. Многие эрудиты отказывают ему в самобытности, а порой даже упрекают в подражательности, щеголяя знанием англоязычных рокеров. В чем здесь дело?

Я не стану кокетливо причислять себя к рок-дилетантам: мне знакомы первоисточники майковского вдохновения, дело здесь в другом. Я бы сравнил то, что делает Науменко сегодня, с тем, что в начале прошлого века делал В.А.Жуковский. Разумеется, параллель эта весьма возможна, что не оригинальная, (уж слишком она очевидна) способна вызвать и улыбку, и возмущение (все зависит от читателя), но подоплека здесь одна: нельзя создать своего, самобытного искусства, игнорируя опыт, накопленный в этой области представителями другой культуры.

Вольные переложения Жуковского из западноевропейской поэзии стали вполне национальными и неповторимыми шедеврами русской лирики. Современному читателю поэзия, созданная до Ломоносова, т.е. условно до ориентации на европейскую культуру, навряд ли покажется удобочитаемой; и дело не только в языке, но и в самом ее строе. Поэтому сейчас, когда мы начали осваивать афро-американскую стихию рока, трудно обойтись без повторений и цитирования. Это к вопросу о подражательности Майка и многих других.

Что же касается «вторичности», то я бы предпочел говорить о традиционности. Традиция в рок-н-ролле - очень хорошая проверка личностной самостоятельности традиционалиста. На Западе традицией не пренебрегают ни Боб Дилан, ни Брюс Спрингстин; насквозь традиционна музыка рэггей, тем не менее, многим артистам удалось и удастся привносить свои, неповторимые элементы, которые позволяют безошибочно определить индивидуальность конкретного исполнителя. Мне кажется, что это удастся и Майку в его лучших вещах. Здесь срабатывает еще и такая деталь: на узнаваемую музыкальную канву ложатся неожиданные майковские стихи, что создает дополнительный эмоциональный эффект, наподобие того, когда мы после долгих лет разлуки встречаем своего старинного, с детства знакомого друга: что-то осталось в нем от соучастника общих ребячьих проделок, но время изменило его, и он уже тот, да, не тот.

В заключение я бы отметил сделанную в «госпел» композицию «Свет» с характерным для этого стиля хором (спасибо, Майк, прекрасный подарок)

и тяготеющую к ритм-энд-блюзу «Марию»: "В моих ушах звучит симфония для двух хоров, шоссе и дождя".

Да простит мне воспитанный на объективизме читатель, но, видит Бог, после этого выступления «Зоопарка» не хочется говорить о недостатках.

ПРЕССА

КОМСОМОЛЕЦ 24.12.88. КАРЕЛИЯ Е.Фомина

Ба-ба-бабах! - это раздалось со сцены. Там Валерий Кирилов, ударник «ЗООПАРКА», пробовал перед концертом барабан, барабан был плох. Истина, написанная у Валерия на майке, соответствовала действительности. «Никто меня не любит, все только обижают», - вот что было там написано. - Сева, - сказал Кирилов, - здесь нужен гвоздь и молоток. О, тонкая музыкальная работа? - прикрепить ударную установку к полу так, чтобы в процессе концерта она не уехала в дальнюю даль. Сева приносит гвоздь и молоток. Сева разбирается с кооперативными бумагами («ЗООПАРК» приглашен карельским кооперативом «Компакт»), Сева узнает, где можно купить пива. Сева сидит в директорском кабинете - тут раздаются телефонные звонки: «Правда, что к вам приезжает «ЗООПАРК»?» - «Неправда, «ЗООПАРК» от нас сегодня уже уезжает». Сева Грач - менеджер. Его записная книжка - целый талмуд.

- Да-а, - говорит Сева, - есть моя недоработка. Если бы мы заранее выслали афиши, то не пришлось бы сегодня давать вместо двух концертов один, да еще в полупустом зале. Но денег на афиши не было!..

«Компакт» содрал со зрителей по четыре рубля за вход. Это с учетом того, что аудитория у Науменко более чем безденежная. (Аудитория, вовремя узнавшая о концерте, проникла в зал через крышу: по канатам на сцену в зал). Но как-то не сообразил «Компакт», что достаточно повесить по зазывному яркому ватманскому листу в университете, пединституте и паре-тройке училищ, и полный карман денег обеспечен; и не будет Майкл Науменко за сценой откровенно высказываться о том, что он думает обо всей этой организации.

Майкл Науменко - мамонт «андерграунда». В «андерграунде», по сути дела, и оставшийся. Несмотря на популярность «Белой полосы».

- Раньше у нас что было в трудовых книжках записано? Дворник, сторож, кочегар. А теперь у нас что? Теперь у нас «артист»! А жрать все равно нечего. И живем все в коммуналках. Даже БГ - хотя ему-то еще год назад могли жилплощадь обеспечить - в Америке тусуется!

- А вы куда поедете?

- Это за бугор-то? Куда позовут. Скоро, наверное, в Финляндию

поедем.

- Думаете, им будет интересно?

- Есть же предложение Майклу несколько своих песен перевести на английский! Это несложно будет сделать: например, «Песня простого человека» - это почти калька с Дилана. У Майкла и БГ это так: многие образы взяты из американского рока.

- А с БГ вы в контакте?

- В самом начале - еще в конце семидесятых - Майкл был приглашен к Бобу гитаристом (само знакомство еще «доаквариумное»). Сохранилась запись: Боб с Майклом поют «Пригородный блюз». Только в 81-м родился «ЗООПАРК!», вот когда Саша пришел...

- Александр Храбунов человек петрозаводский...

- Наш первый ударник Андрей Данилов тоже был оттуда, так что вначале половина «ЗООПАРКА» были петрозаводцы... Это, наверное, по аналогии с ленинградцами.

Сева ушел в зал - в перерыве он делится со зрителями последними рок-сплетнями. О том, как «Ария» приехала в Софию, а во всей Софии ни одного металлиста. Ну, пошли в магазин «Плиску» покупать и видят - там человек, а на нем пояс и браслет с заклепками. Потом этот человек пришел к ним на концерт. Оказалось, его фамилия - Кинчев. Кстати, о Кинчеве: на башлачевских концертах в Москве милиционеры к нему в очередь за автографами становились. На фуражке, говорят, распишитесь... А у «Зоопарка» пауза.

- Ох, и надоела эта музыка, - говорит кто-то, - Майкл, в чем это у тебя штаны?

Майкл мрачен: - В поезде.

- Майкл прекрасный семьянин, - это Сева уже, - меня, бывало, по неделе дома нет, а он всегда домой возвращается. Сын у него, первоклассник. «Включи, говорит, папа, Брюса Спрингстина».

- А лет Майклу?..

- Тридцать три. В апреле исполнилось. Как раз после «Ассы».

А в зале крутизна. Молодежь орет и улюлюкает. На авансцене особо экспрессивные, роняя аппаратуру, танцуют рок-н-ролл. Перед микрофоном - Майкл в темных очках, в паузах, жуя резинку, выплевывает в зал свою программную вещь: «Их называют гопники...».

Как ни парадоксально, фанатами «Зоопарка» зачастую оказываются герои его песен.

* «Майкл» - название корреспондента газеты «Карелия».

**«КОМСОМОЛЕЦ» 25.10.88 Петрозаводск НА ОЛИМПЕ - «ЗООПАРК»
А.Спирин.**

Как изменились времена! Еще четыре года назад по поводу «зоопарковского» альбома с названием «Белая полоса» мы могли много чего узнать из сердитых писем в газеты; особенно, помнится, поразило меня письмо пожилой женщины, которая альбома, естественно, не слышала, но, ссылаясь на возмущенное мнение «большинства», заявляла: «От ВИА с таким названием ничего, кроме пошлятины, ждать не приходится!» А ныне по результатам майского хит-парада ТАСС среди 89 долгоиграющих пластинок «На вершине Олимпа» оказалась впервые вошедшая в хит-парад группа «Зоопарк» с диском «Белая полоса». Здесь не место рассуждать о стереотипах восприятия, но вот что в этой связи любопытно: со времени распада «Битлз» прошло всего 18 лет, а многие подростки ныне вполне искренно недоумевают, за что у нас на всю катушку ругали «тишайшую» ливерпульскую четверку, ведь она как бы и не рок-группа, а так... эстрадный ансамбль.

...Итак, нашумевший в свое время альбом вышел пластинкой. Поставьте ее на «вертушку» и без предубежденности вслушайтесь в то, о чем поется. Вы погрузитесь в гущу жизни молодого человека, который изумлен «застойными явлениями» и которого не очень-то тянет в регламентированный мирок взрослых. И, послушав обе стороны пластинки, вы еще раз убедитесь, что жизнь молодых полным-полна драматизма (теперь, когда вы посмотрели «Легко ли быть молодым?», в этом никто не сомневается); тут одиночество на одного и вдвоем; тут мальчики и девочки, которым хочется любви и некуда деть себя в неприветливом городе; тут же и агрессивные гопники (в Москве их называют люберы), которые мешают жить; тут трогательная баллада «Когда я знал тебя совсем другой» - о выскочившей замуж девушке и незаметно для себя превратившейся в заурядную мешаночку; тут и лирика «Ночной гость», парафраз есенинского «Черного человека», но с благополучным - до слез - финалом; тут, наконец, программная «Песня простого человека», где Науменко спрятался под маской «такого, как все»: «Я обычный парень, не лишен простоты, я такой же как он, я такой же как ты, я не вижу смысла говорить со мной - это тоже самое, что говорить с тобой...», и нет там места для вопроса «зачем жить?», а раз нет, значит «так надо!» Об опасности появления таких «среднестатистических» людей с тревогой сказал недавно в «Литгазете» писатель Олег Попцов:

«Коллективное «мы» поглотило «я», навязало ему принципы коллективной ответственности, коллективного интереса, мифического равенства «я - как все».

Словом, вы убедитесь, что альбом с «бородой» четырехлетней давности в целом не потерял своей актуальности с точки зрения содержания. Чего, к сожалению, нельзя сказать о форме. По качеству записи «Белая полоса» не уступает английским пластинкам... начала шестидесятых!

...Когда одного знаменитого физика спросили, что помогает ему в работе над созданием новой теории, он ответил: «Трудности». Этот ответ, думается, приложим к истории отечественного рока, в котором сегодня - в иных, конечно, масштабах - идут все те же процессы, что и в других искусствах: возвращение широкой публике как бы не существовавшего. Трудностей внешнего порядка у рок-музыкантов становится все меньше, и, может быть, не за горами то время, когда останутся лишь внутренние творческие проблемы.

Как бы то ни было, лидерство во всесоюзном хит-параде группы с веселым названием «Зоопарк» настраивает любителей молодежной музыки на мажорный лад.

«МОЛОДЕЖЬ СЕВЕРА». 15.5.88. «ЗООПАРК» В СЫКТЫВКАРЕ

- КАКИЕ СЕЙЧАС ОТНОШЕНИЯ С БГ?

- С Борисом дружим с 1973 года. «Все братья-сестры» делали половина на половину (половина вещей моих, половина его). Борис пригласил меня: давай запишем, чтобы остался документ. Потом он мне помогал в записи, подыгрывал на губной гармошке. Мы до сих пор на многих концертах играем вместе.

- ГОВОРЯТ, БГ УСТАЛ...

- Будьте любезны! Ничего подобного, совсем не устал. С идеями у него все в порядке. Просто он стал играть другую музыку.

- В СЫКТЫВКАР ВЫ ПРИЕХАЛИ СРАЗУ ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПРЕМЬЕРЕ ФИЛЬМА «АССА»...

Выступали три дня, играли вместе с Сергеем Рыженко. Снимались в фильме, который, вероятно, будет называться «Асса». Съемки велись во время премьерных концертов, все основано на импровизации... Снимались также «Аквариум», «Звуки Му», «Браво», «Кино».

- СЕЙЧАС МНОГО ФИЛЬМОВ ПОЯВИЛОСЬ О РОК-МУЗЫКЕ. КАК

ВЫ ИХ ОЦЕНИВАЕТЕ?

- Фильм «Рок» - это явление, «Взломщик» - просто странный фильм. «Алиса» почему-то ассоциируется только с уголовщиной, то же, кстати, было и в «Переступить черту».

- МЕТАЛЛ?

- Если кому-то нравится, пусть слушает. В любом случае предпочитаю бескомпромиссную музыку. Люблю то, что делает «Секрет». Ребята играют отличную веселую музыку. У нас нет больше таких команд для школьников. К «Наутилусу-Помпилиусу» прохладно относимся. Их творчество нам не близко. Это хорошо сделано, но это не наше. А вот «Алиса» - отличная группа. «Телевизор» мне нравится меньше.

- МИХАИЛ, ТЕБЯ ОБВИНЯЛИ В АСОЦИАЛЬНОСТИ. КАК ТЫ САМ СЕБЯ ОЦЕНИВАЕШЬ?

- Мы никогда не были асоциальными типами. Могли затрагивать темы, скажем так, непривычные для советской эстрады. Многие песни были от моего «Я», но не всегда это могло ассоциироваться со мной. Часто это были варианты каких-либо ситуаций. Есть песни о личных переживаниях. Как сам себя оцениваю? Ну, это слишком глобальный вопрос. Но асоциальным типом себя назвать, нет, не могу.

- О «ПАМЯТИ»..., РОК - УГРОЗА РУССКОЙ НАЦИИ?

- Пошли они все в задницу... К этому относимся, как к любому проявлению шовинизма. Мы же не советуем С.Михалкову, как писать книги. Почему же он называет рок нравственным СПИДом? Почему считают, что те, кто слушает рок, неполноценны?

- И ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС. РОК-Н-РОЛЛ МЕРТВ?

- Рок-н-ролл как появился, так до сего года жив и здоров. И ближайшие лет 10-20 вряд ли перестанет существовать. Это уже классика. Мы до сих пор с удовольствием делаем ряд американских стандартов. Может быть, наша музыка и несколько консервативна. Она рассчитана на тех, кому за 20. Но вот у вас в Сыктывкаре на концертах много было тех, кому еще нет 20-ти.

- КАКИМ ТЫ БУДЕШЬ ЛЕТ ЧЕРЕЗ 20?

Не знаю, что будет через три месяца. Мы уже семь лет держимся. Что будет дальше, совершенно непредсказуемо. Мне сейчас 33, возраст Христа.

«КОМСОМОЛЕЦ ТАТАРИИ» 19 ноября 1989

- Сейчас довольно странное время, и этот год сложно очертить. Мы

работали то лучше, то хуже. У многих советских групп, на мой взгляд, сейчас довольно трудный период. Когда мы работали полуподпольно, были полные стадионы, а теперь настало некое пресыщение, вроде все можно, и дышать стало легче, но интерес несколько упал.

- Может быть, это результат того, что бывшие дворники и сторожа стали профессиональными музыкантами, теми, кому их раньше противопоставляли?

- Думаю, что нет. Сейчас, когда можно петь почти обо всем, никто не понимает, о чем, собственно, петь. Образ героя, который был заложен в наших первых альбомах, себя не изжил, просто те остросоциальные песни сейчас уже не нужны, в газетах все это гораздо доступнее. Мы никогда не писали конъюнктурные песни, не высасывали их из пальца. У нас они идут от души, от сердца.

- Приятно, что Науменко предпочитает не писать песен вообще, чем заниматься конъюнктурой. Но когда же мы все-таки получим новый альбом?

- Мы собираемся записывать новую пластинку, даже, возможно, двойную. Это будет новый ударный материал. Я бы сказал, жесткий рок-н-ролл. Уже есть договоренность с музыкантами с мировым именем, и по известным причинам эти вещи мы еще не играем. Выход новой пластинки - это всегда большое событие для группы. Мы хотим ее сделать на высоком уровне, так что живем в ожидании прорыва.

- Означает ли жесткость, о которой ты говоришь, приближение к хард-року? Гитары у «Зоопарка» заметно потяжелели.

- Я не люблю хард-рок. Храбунов и Куликов более терпимо относятся к этому стилю, но рок-н-рольная основа - по-прежнему, главное в нашей музыке.

- Каковы взаимоотношения в группе?

- Прекрасные. Я не знаю другой такой команды, где были бы такие дружеские отношения. Почти каждый день мы видимся. Если когда-нибудь и поругаемся в поездке, что бывает крайне редко, то это не более чем на два-три дня. За эти годы мы здорово при терлись друг к другу, и поэтому появляется та скупость на игру, которая придает конкретность, а конкретность - это всегда весомо. У «Зоопарка» есть имидж, свой небольшой слэнг. Как мы живем, так и играем. Стилль музыки соответствует стилю жизни. Не давно я разговаривал с Гребенщиковым, и он сказал, что по-дружески завидует отношениям в нашей группе.

- Как вы, наверное, завидуете по-дружески его работе в Америке?

- Да там просто нечего делать, можно только скататься туда туристом.

Пластинка Бориса разошлась там в восьми тысячах* экземпляров. Я думаю, эту цифру не надо объяснять.

- Что происходит с рок-н-роллом, раз уж мы заговорили о Гребенщикове?

- Рок-н-ролл жив, и я думаю, будет жить еще долго. Просто сейчас в Союзе он перешел несколько на другую основу, когда людям дали возможность нормально работать. Но в то же время у него есть большая конкуренция со стороны таких групп, как «Ласковый май». Конкуренция между попсой и рок-н-роллом. Посмотрим, что получится дальше.

- Как это отражается на музыкальной палитре Ленинграда?

- У нас нет времени ходить на концерты, поэтому мы не особо следим за тусовками рок-клуба. Из новых групп я бы выделил «Спокойной ночи», «Время любить». Из более известных - «Ноль», «Объект насмешек». Но, повторяю, я мог что-то пропустить.

- Твои музыкальные основы - Джим Моррисон, Марк Болан...

- Да... Боб Дилан и многие другие. А вообще любимая группа - «Роллинг Стоунз», хотя их «Стальные колеса» восемьдесят девятого года показались мне неинтересными. Очень понравились последние сольники Кейта Ричардса и Дэйва Адамса.

- Майк, а кроме музыки есть еще что-то?

- Есть. Я очень люблю свою жену, а это очень важная вещь.

- А еще?

- Читаю плохие советские детективы пятидесятых годов и собираю бумажные самолетики. Майор Пронин - мой любимый литературный герой.

С. Пучков, О.Гаврилов

* - Майк здесь ошибся Тираж «Long Way Home» был намного больше (ред.)

«ЗНАМЯ ЮНОСТИ», МИНСК, 20 ИЮНЯ 1989.

... «Зоопарк» мастерски играет танцевальные рок-н-роллы и ритм-энд-блюзы. Но, пожалуй, более подробно надо остановиться на текстовой основе, которой Михаил Науменко уделяет особое внимание.

Песни М.Науменко - монологи мужчины о себе, о женщине, о браке, о самых простых вещах, без которых, тем не менее, нельзя представить себе жизнь. В его песнях сквозь весь мир суеты, серости, невезения, покрытый грустной пеленой иронии и сарказма, пробивается все-таки надежда на

счастье, любовь, свободу, душевный порядок, как в темную комнату через маленькую щель - оплошность плотника - проникает тонкий, но насыщенный энергией лучик света.

«ВЕЧЕРНИЙ ЧЕЛЯБИНСК», 27 ДЕКАБРЯ, 1990.

- Майк, «Зоопарк» можно назвать классической отечественной рок-группой?

- Я не знаю, можно ли нас назвать классической группой. Как-то неудобно о себе говорить. Хорошая группа - это точно.

- Что представляют из себя поклонники «Зоопарка»?

- Это люди немного постарше тех, кто любит «Алису» и «Кино», то есть в возрасте 23 - 25 лет.

- Бывший генерал КГБ О.Калугин в интервью «Комсомольской правде» заявил, что ленинградский рок-клуб был организован при непосредственном участии местного управления КГБ. Это и музыканты знали, с самого начала?

- Конечно, знали с самого начала, что рок-клуб создан КГБ. Им же так легче было всех нас контролировать, когда мы оказались вместе. Но они же ведь нам все и разрешили...

- Классический вопрос: Майк, не стары ли Вы для рок-музыки?

- Нет, конечно. Есть сколько угодно людей гораздо старше меня - и ничего, играют...

- А как насчет тех, кто пишет на эту актуальную тему? Назови любимое музыкальное периодическое издание в СССР?

- За неимением лучшего - «РОКСИ», «Иванов».

- Майк, назови самую надоевшую из собственных песен.

- Не знаю. Все песни ведь, как дети. Что тут скажешь?

- Волнуют ли тебя какие-нибудь общественные проблемы?

- Меня вот очень задевает, почему наша страна никак не может обойтись без всех этих партий. Жили бы себе просто, как нормальные люди.

- Кое-кто, получив представление о «Зоопарке» образца начала восьмидесятых, не ходит на сегодняшние концерты группы, опасаясь разочарований.

- Ну, по-моему, если что-то и изменилось, так это наша игра. Играть мы стали лучше.

- Назови молодые группы, которые тебе нравятся.

- Из ленинградских нравятся «Опасные соседи», «Ноль»,
- «Зоопарк» им как-то помогает?
- Кто б нам помог!.. Ну, в общем-то, помогаем. Приглашаем играть с нами на концертах, чтобы их заметили.
- Например?
- Ну, когда-то с нами группа «Кино» играла, из новых... с «Почтой» неоднократно выступали.
- Ну, а что хорошего можешь сказать о наших местных музыкантах?
- Так ведь я ж их не знаю. Я и ленинградский рок-клуб, честно сказать, плохо знаю, а уж челябинцев-то... Ну вот та группа, что перед нами играла, «Резиновый дедушка» - у них все было отлично. Ничего плохого не могу сказать... Вообще-то я очень ленивый человек и не хожу на все концерты у себя в Ленинграде, на которые мог бы сходить.
- Твоя любимая легенда о «Зоопарке»?
- О том, что мы еврейский народный коллектив.
- ???
- Ну, дело было в Тюмени в разгар антиалкогольной кампании году в 86-м или 87-м. После концерта подходит ко мне местный музыкант и говорит: «Майк, ты еврей?» Я начинаю отказываться, говорить, что он ошибается (я, вообще, против евреев ничего не имею, у меня много друзей евреев). Выпили мы с ним по одной. Он опять: «Майк, ты еврей». Я опять начинаю его разубеждать. Где-то через полчаса, когда мне уже все надоело, я ему говорю: «Парень, ты меня достал. Сознаюсь тебе. Да, мы еврейский народный коллектив. И фамилии наши, что на афишах, не настоящие». Он прямо спросил: «Правда? В самом деле?» Я ему: «Ну что я, врать тебе буду?» Тогда он заводит меня в ближайшую уборную и вытаскивает две бутылки коньяка (все вышеописанное происходило, напоминая, во время разгула антиалкогольной кампании).
- С фирмой «Мелодия» у «Зоопарка» какие-то контакты еще будут?
- «Мелодия»? А знаешь, сколько я получил за запись пластинки «Белая полоса»? Две тысячи рублей. И это только за авторские права. А за саму запись ни я, ни остальные музыканты «Зоопарка» не получили ни копейки. Меня однажды один японский журналист пытал, сколько я получил за «Белую полосу». А пластинка наша была тогда как раз в союзном хит-параде на первом месте. Я долго отнекивался, мол, неудобно говорить... Так вот, когда он узнал точную сумму, он пришел в ужас и рассказал, что если у них в Японии какой-нибудь исполнитель или группа занимает первое место в хит-параде, то всю оставшуюся жизнь потом они могут существовать безбедно.

- Каково же в действительности настоящее и будущее «Зоопарка»?
 - Ну вот, мы снялись в получасовом фильме «Буги-вуги каждый день». Фильм про нас, там мы и песни поем, но с сюрреалистическими отступлениями. Бельгия, Голландия, ФРГ закупили его на корню. Но будут ли или нет показывать его у нас - не знаю. Хотя фильм советского производства.
 - А какие-то гастролы на Западе?
 - На Западе мы никому не нужны! Насчет какого-либо интереса там к нашей музыке - это все ерунда. У них своего такого добра хватает. Это поначалу только интересно было - о, русские?! Что касается нас, группы «Зоопарк», то мы сейчас пытаемся договориться о записи за рубежом.
- Г.Галкин,

«ЛИТЕРАТОР», 24 АВГУСТА, 1990.

- Насколько ты ощущаешь ответственность за наше поколение, которое воспитал, во всяком случае, отчасти?
- Никакой ответственности. Этот вопрос мне задавали только в КГБ. Говорили, что я должен ощущать ответственность за все, что делаю. Никакой ответственности. Я развлекаю людей и ни какой ответственности за то, как они развлекаются дальше и что будут думать после концерта я не несу. Ну, какую ответственность не сет, допустим. Лев Толстой за «Войну и мир»?
- Есть некая разница между Львом Толстым и...
- Мной? Есть.
- ...Между Львом Толстым и рок-н-роллом...
- Ты говоришь об ответственности художника и...
- Ни в коем случае. Я говорю об ответственности рок-звезды, человека-мифа. А миф, как известно, обязывает.
- Дело в том, что я себя считаю не звездой, а художником.
- А по-твоему, одно противоречит другому?
- Нет, можно быть художником и звездой, но прежде всего художником
- человеком, который просто делает свои произведения. Если они кому-то нравятся, это всегда прекрасно. Вот на таком уровне идет разговор... И какую же ответственность может нести человек за то, что он делает то, что ему нравится? Понимаешь, все, что делается не на продажу, делается для себя. Всегда.
- Понимаю, но у рок-н-ролла самовыражение идет не только через

музыку. Есть еще всяческий антураж, своя какая-то особая поэтика... Говорил же Дэвид Боуи, что первой рок-звездой был, в сущности, Гитлер...

- Гитлер был падло, и мне представляется, с поэтикой ничего общего иметь не может. Равно, как и с роком. Но звездой он, конечно, был, по всем признакам...

- Какое-то время полгорода «тащилось» от «Зоопарка». Ты должен был видеть, что что-то меняется, происходит, и ты играешь в этом роль?

- У меня никогда не было ощущения, что я играю роль человека, который что-то меняет. Это скользкий вопрос. Иллюзия, что мы можем что-то изменить музыкой, она пропала, ее ли и была вообще. И получается, понимаешь, что измениться ничего не может, но, конечно, хочешь, чтобы что-то изменилось... Знаешь, я себя, честно говоря, немного чувствую звездой, но не такой, как остальные... По-английски это называется «у нас свои люди везде». Где бы мы не выступали, всегда находятся люди, которые приходят за сцену, чтобы пожать руку, взять автограф, и ты знаешь, мне куда приятнее пожимать руку, чем давать автограф... Просто есть люди, которые нас любят, и это приятно. Я ведь не моралист. Ни в одной песне у меня не было и нет морали. Если где-то случайно получилось, то я публично у всех прошу прощения. И конечно, как звезда, я принадлежу своей публике, людям, для которых играю, но все остальное - это уж, извините, мое; как художник, как личность я - это я. И я не строю иллюзий. Все, что мы делаем - шоу-бизнес, индустрия развлечений. Моя работа - развлекать людей. Я выхожу на сцену, чтобы развлекать людей. И не вижу в этом ничего плохого.

- А Гребенщиков, утверждающий, что рок больше, чем просто песни...

- Это может быть больше для тебя, для меня, для каждого, сидящего в зале, но всегда есть люди, пришедшие развлечься, это их развлечение.

- Но ты можешь быть Бахом, а можешь...

- Мне приятнее оставаться Михаилом Науменко. Я за все отвечаю. И прекрасно то, что я получаю деньги за то, что я музыкант, а не сторож.

- Ты пытался выходить за пределы Союза?

- Там нечего делать.

- Именно потому, что наш рок нечто большее?

- Почему большее? Меньшее. У них есть свои отличные группы, зачем мы им нужны...

- В том, чтобы не стремиться на Запад, есть некоторый «другой» снобизм...

- Это не снобизм, это попытка реальной самооценки. Просто эти поездки никому не нужны. У нас у самих огромная страна. Ее еще пахать и

пахать.

- Майк, скажи, положи руку на сердце, если бы не было рок-н-ролла, «Зоопарка», песен... Если все это вдруг перестанет существовать... Если забудут... Это трагедия?

- Да нет, трагедии в этом нет. Это было бы обидно, но у меня есть другие вещи в жизни. У меня есть жена, которую я люблю, есть о чем подумать, есть чем заняться, помимо группы «Зоопарк», которую я тоже очень нежно люблю. Но моя жизнь не кончается на этом. Остается много другого, помимо рок-н-ролла... Есть еще многие вещи, которыми можно заняться в жизни.

К.Мурзенко.

«МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ», 8 СЕНТЯБРЯ, 1990, ВОЛГОГРАД.

- Расскажите о себе, о группе

Михаил: Я родился и вырос. Это о себе. Ну начали мы играть на разных инструментах... Группа появилась в 1981 году.

- Состав сильно менялся?

Михаил: Минимально. Были какие-то неизбежные жизненные обстоятельства, но в принципе, у нас стабильный состав.

- Значит, у вас единодушие и не возникает творческих разногласий?

Михаил: Конечно возникают. На каждой репетиции.

Валерий: Просто мы, как одна семья, мы дружим, хорошо знаем свои недостатки, постоянно дразним друг друга. Это, кстати, тоже залог стабильности в группе. Вот, Илюха, расскажи про негодяев всяких...

Илья Маркелов: А, да, американские социологи провели исследование. В малых коллективах для стабильности необходимо четыре ярко выраженных типа: лидер, негодяй, бука и козел отпущения. Так вот, лидер у нас, естественно, Майк, негодяев двое - это ритм-секция, то есть Кирилыч и бас-гитарист, бука - гитарист Шура, а я - козел отпущения, поскольку звукорежиссер.

- Вы помните свой первый выход на сцену?

Михаил: Это был анекдот просто, году в 75-м или в 73-м, в Ленинградском финансово-экономическом институте. Мы сыграли песню «Чайлд ин тайм». Я играл на бас-гитаре. Чуть не побили тогда.

- А как вы относитесь к зарубежным гастролям?

Михаил: Там рынок перенасыщен.

Илья: Если ехать по линии государства, оно заберет 90 процентов.

Михаил: Да не в деньгах дело. У нас многие знакомые ездили, ну играли на площади под дождем. Купили видеомэгнитофон, вот счастье-то...

Валерий: А мы подумали и решили рискнуть. В декабре мы поедем в Аргентину...

Михаил: Я видик покупать не буду...

Валерий: ...И в отличие от других, которые едут по контракту, мы решили открыть свое дело, чтобы возить другие команды: и роковые, и цыган, и другое...

- А что делать с гопниками, о которых вы поете?

Михаил: Ничего. Это, вероятно, необходимый слой для общества.

Валерий: Это генотип, который сам отомрет. Ведь эти группировки дурацкие грызут друг друга.

Михаил: Можно сказать коротко: на каждый «инь» есть свой «янь».

- Вы жили в отеле под названием «Брак»?

Михаил: У нас вся группа там живет, кроме Валеры.

- А бытовые проблемы?

Михаил: Они, конечно, есть - мы вот живем в коммуналке с женой и сыном. Я очень люблю свою жену, и это главное. Когда любишь, наплевать на бытовые проблемы.

- Довольны ли вы своей пластинкой?

Михаил: Нет, нас никто не спросил, когда она выходила, выкинули две песни.

- Та же история, что и с «Кино»?

Михаил: Да, и с «Кино», и с «Аквариумом»

Валерий: И качество просто ужасное.

- Вы говорили, что концерт памяти Башлачева в Лужниках превратился в тусовку.

Михаил: Да, были собраны тысячи рублей, только куда они подевались, непонятно. Семья Башлачева ничего не получила.

Александр: Это элементарная спекуляция. В таких концертах есть что-то крайне лживое. Гораздо честнее собраться и помянуть человека с друзьями.

- А как дела сейчас в рок-клубе?

Михаил: Плохо. Нет рок-клуба. Известные группы работают сами по себе, а сотня-две молодых и никому не нужных тусуются там постоянно. Это тусовка, а не рок-клуб. Все, кранты.

- А как вы считаете, в каком состоянии советская рок-музыка?

Михаил: нет такого понятия - советская рок-музыка. Есть разные

группы, которые делают разную музыку. Нет никаких границ. Разница только в языках, на которых пишутся песни.

Валерий: Я играл в Копенгагене с музыкантами. Там неважно, кто ты и откуда. Вот тебе палки, вот барабаны... и все сразу понятно. Рок-музыка - это вообще специфичная отрасль, она стоит отдельно во всем мире. Вот есть рок, и есть массовая культура...

Михаил: Рок-н-ролл это, в принципе, массовая культура.

Валерий: Майк, вот тут я готов поспорить. Это для каждого по-разному...

Михаил: Да, бывает, тебе что-то нравится, а вдруг это оказывается коммерческой музыкой.

Валерий: Вот, допустим, альбом Гарри Мура... Весь Запад просто рыдает над ним, по радио по всем программам. Но это же не поп-культура!

Михаил: Именно!

Валерий: Вот видишь? Он говорит да, а я говорю нет!

Александр: Границу трудно провести. Главное, найти параллели. То есть такие струны, которые затрагивают душу человека.

Михаил: Ой, красиво ты про струны сказал!

- А из молодых команд кто вам нравится?

Валерий: «Ноль». Отличная команда.

Михаил: Да, хорошая команда. Но мы, в общем, не ходим на концерты, мало знаем о молодых группах.

Александр: Вот, «Опасные соседи», они близки нам по здоровому, неслезанному драйву.

Валерий: А «Чайф»? У них прекрасная фраза есть: «Я думал, будет хорошо, а вышло не очень...».

Михаил: Да, тоже хорошая группа. И при этом наш коллектив ненавидит группу «Наутилус Помпилиус»

Александр: А мне нравится...

Михаил: Вот ренегат!

- А вообще, ваши музыкальные привязанности?

Михаил: они очень разные!

Валерий: Понимаешь, поскольку Майк пишет тексты, он в первую очередь обращает внимание на смысл песни. А мы, в общем-то, технари...

Михаил: Не прибеждайся!

Валерий: Нет, ну, поскольку я барабанщик, я в первую очередь естественно, обращаю внимание на барабанную партию. А вот Шура у нас металлиста.

Михаил: Да не металлиста он!

Валерий: Металлюга, я знаю! А как же, лишь бы запилить на гитаре! Майк - старый рок-н-роллер, я - старый хард-рокер, а басист у нас вообще...

Михаил: Уклонист!

Валерий: Нет, он любит интеллектуальные партии бас-гитары. Но вообще у нас большое взаимопонимание. Мы хорошо чувствуем друг друга. Понимаешь, Шуре можно глазом моргнуть, чтобы я сделал какую-то синкопу...

Михаил: Это трудно объяснить, но так получается.

Александр: Назови это таинством.

Михаил: Да, близко к тому, хотя я не люблю такие слова.

Валерий: Да Бог с ним, получается, и ладно. Народу нравится.

Михаил: И самое поразительное, что нам самим нравится.

- А как вы думаете, насколько сейчас серьезна проблема одиночества?

Михаил: А это у каждого своя проблема. Если хочешь создать себе такую - создашь. Не хочешь - не будешь одинок.

Валерий: Эк, завернул!

- А почему тогда так много одиноких людей?

Михаил: Они хотят быть одинокими. Это мазохизм в чистом виде.

Валерий: Так что ж я, по-твоему, мазохист, да? Я же не хочу быть одиноким!

Михаил: Ты? Ха-ха! Я был мазохистом в своем роде, тоже страдал от одиночества.

Валерий: Да! Вот я, например, страшно одинокий человек. Меня никто не любит...

Михаил: ...А все только обижают.

Валерий: Да!

Михаил: Это естественно: ах, какой я одинокий, ах, как мне плохо, пусть будет еще хуже!

Валерий: А я в музыке с 16 лет и до сих пор ни семьи, ничего...

- Ну, собственно, я имела в виду не «официальное» одиночество, а душевное. Можно не иметь семьи и не чувствовать себя одиноким.

Михаил: Нет, кто поумнее, не будет сидеть и страдать, у него будут другие занятия...

Валерий: Он намекает на то, что я непроходимо туп!

Михаил: Есть ведь музыка, книги... все, что угодно!

Александр: Майк, ты неправ! Я думаю, что можно быть одиноким все время...

Валерий: Сказал Храбунов, у которого чудная жена и чудная дочь!

Александр: ...Другое дело, как к этому относиться.

Михаил: Да, каждый сам выбирает, страдать или нет.

Валерий: Мне вот страдать не хочется, но страдаю. Смотрите, какой ужас!

Михаил: А мне не хочется, и я не страдаю.

Валерий: Да, с такой женой, Майк, было бы глупо страдать. Мне бы такую жену!

Михаил: Ха! Шиш! В общем, страдание - это не самое умное человеческое занятие.

- А вы склонны к самокопаниям?

Михаил: Не-е-ет, все! Когда мне было 19 лет, я понял, в чем смысл жизни, и все.

- И в чем же?

Михаил: Не скажу. А если начнешь копать, такое можно выкопать...

Анна Гончарова.

<p>«МОЛОДОЙ УЧИТЕЛЬ», ЧЕЛЯБИНСК 27 ДЕКАБРЯ 1990. «Динозавр из Зоопарка»</p>
--

Классик отечественного рока Майк Науменко не любит шума, как в буквальном смысле, так и вокруг своего имени. Видно, поэтому информации о нем в прессе меньше, чем о других, хотя по заслугам Науменко в одном ряду с Гребенщиковым, Шевчуком, Макаревичем. Попробуем развеять флер таинственности? Итак...

- Майк, знакомо ли Вам чувство удовлетворения - не только творческого, но и собственной жизнью?

- В отдельные моменты оно посещает, конечно, когда сделал хорошую запись, отыграл отличный концерт. Но это что-то мимолетное, ускользающее. Самоуспокоение до добра не доводит. В жизни также - иногда хорошо, иногда похуже, как у каждого человека - волнами.

- У вас есть семья, дети?

- Есть семья, дом, жена.

- В ваших песнях угадывается кровная связь с Ленинградом. Вы коренной ленинградец?

- Да, я коренной ленинградец и, как все ленинградцы, патриот своего города.

- Как по-вашему, почему расцвет русского рока произошел именно в Ленинграде, хотя по предпосылкам больше условий для этого, вроде-бы, в

Москве?

- В Ленинграде своя атмосфера, и есть нечто побуждающее к творчеству - люди, дома... Город особенный. Очень своя аура.

- Как вы искали себя, чем увлекались?

- Учился в институте на инженера-строителя, но ушел с пятого курса. Просто понял, что не могу, не хочу быть инженером. Родители, конечно, восприняли это без особого восторга (отец у меня тоже инженер, мать работала в дирекции центральной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина). В музыкальной школе не учился - все само пришло, с помощью друзей и того колоссального количества музыки, что я переслушал. Работал сторожем очень долго. В ресторане работал музыкантом, но крайне непродолжительно. Мне очень не понравилось. А сейчас я музыкант, только музыкант, об этом запись есть в трудовой книжке. Лежит она в театре. Есть такой театр. «Под открытым небом» называется. Новая организация хозрасчетного свойства.

- Кроме музыки, стихов, вы еще что-нибудь пишете - картины, прозу?

- Житинский, ленинградский писатель (он выпустил книгу «Путешествие рок-дилетанта»), попросил меня заняться мемуарами. Собирается выпускать серию книг, там будет «История «Аквариума», «История «Зоопарка», еще что-то. Разговор будет вести один человек, официальный, а мы вкрапления будем делать. Я минимально пишу прозу, картины. Не так серьезно, как, скажем, Гребенщиков или Макаревич. У меня небольшие работы, под настроение. О жизни, о ситуациях.

- У вас, как у творческого человека, не было ощущения, что здесь вас не понимают? Возникало ли желание уехать, попробовать самовыразиться где-нибудь за границей?

- Мы там никому не нужны. В Западной Европе, Америке, музыкальный рынок перенасыщен, Россия там мало кого интересует. У Гребенщикова, например, пластинка там не пошла... Вот в следующем году нас в Аргентину пригласили - там, вероятно, можно будет попробовать. А насчет того, понимают меня или нет, если человек вслушивается и хочет что-то понять, то это всегда придет. А ее ли он воспринимает песню не так, как я бы хотел, то ради Бога! Важно только, чтобы его что-то затронуло, заинтересовало.

- Некоторые ваши песни исполняются не только «Зоопарком», но и другими группами, что, в общем-то, для рока редко. Чем это объяснить?

- «Буги-вуги», «Рок-н-ролл», действительно, исполняли другие группы. Например, «Секрет». Это песни ни о чем - веселые, незатейливые, дурашливые. Этим и нравятся, наверное. А вообще-то, глупую песню

гораздо сложнее написать, очень трудно, чтобы это не было такой, знаете, ахинеей. Поэтому надо балансировать, выдерживать стиль. Стиль рок-н-ролла не позволяет быть совсем уж глупым

- Один ваш герой определяет круг своих привязанностей: «Я люблю «Аквариум», я люблю «Зоопарк», я люблю «Странные игры», я люблю «Кино»». Иных из них «уж нет, а те далече». В частности, о «Кино» хотелось бы спросить - одно время писали, что группа расформировалась, а сейчас слышно, вновь возобновила работу?

- Мне так же, как и герою этой песни, нравятся все перечисленные группы, хотя я не говорю, что я - тот человек, о котором песня. Да, создан фонд сына Цоя - Александра Викторовича. Были концерты в Ленинграде, в Москве, сборы от которых пошли полностью в этот фонд. Да и сам Виктор Робертович, думаю, был не бедным человеком.

- Музыканты «Кино», насколько мне известно, заканчивают (или уже закончили) запись, которую они начинали вместе с Виктором. Басист параллельно с «Кино» еще и в «Джунглях» играет. У Юрика Каспаряна жена - американская певица, он с ней ездит то туда, то сюда. Барабанщик тоже где-то будет играть, так что без работы никто не останется.

- Рок-музыканты говорят сейчас о кризисе жанра: мол, не о чем стало писать, все разрешено... Ваше мнение по этому поводу?

- О различных кризисах давно уже говорят, но тем не менее рок-н-ролл жив и будет жить! Хотя что-то такое есть, безусловно. Сей час несколько странная фаза, но, думаю, рок-н-ролл и на этот раз выкрутится, если столько раз умирал (вернее его хоронили) и не умер.

- Но не кажется ли вам, что рок становится чем-то элитарным, в основном молодежь сейчас слушает какие-то подделки: «Феи», «Ласковые май», где не надо думать.

- Рок не обязан быть дидактичным и напрягать кого-то на то, чтобы думать. Он состоит из другого. Тот, кто думает, и так будет думать, независимо от того, какую музыку он любит, можно быть неглупым человеком и слушать «Ласковый май» - ради Бога - как фоновую музыку. Я думаю, рок никогда не претендовал на поучительность. Более того, он всегда был честным и чистым искусством. А кого-то поучать, обличать, пальцем показывать - это, по-моему, не главное.

- Ваша группа входит в состав ленинградского рок-клуба. Дал ли он вам поддержку, в чем это выразалось?

- Зимой будущего года рок-клубу будет десять лет, и нашей группе столько же. Клуб оказал нам огромную помощь: аппаратурой, помещением для репетиций. Раньше там выдавали разрешение на концертную

деятельность, литовали тексты (тогда еще нужно было литовать - все запрещалось), но запрещал рок-клуб крайне редко - помогал. В этом огромная заслуга почти бессменного президента Коли Михайлова, корреспондентов, которые на подпольную нашу прессу работали, и огромная честь и хвала, большое спасибо Комитету госбезопасности, инициатору создания клуба. В данном случае он не мешал, ему было удобней, что мы не сидим в разных местах, по подвалам, а сосредоточены в одном месте, на виду. Между музыкантами рок-клуба по сей день отношения очень дружеские. В отличие, скажем, от Москвы, у нас нет интриг, сплетен, склок. Бывает, конечно, что кто-то с кем-то поругается, но это так, без крайностей.

- А с кем дружит «Зоопарк»?

- С «Аквариумом» - миллион лет, затем с «Объектом насмешек», «Алисой», хорошей новой группой «Почта», с «Опасными соседями», с «ДДТ» у нас отличные отношения. Со всеми неплохо уживаемся, врагов нет.

- Обновлялся ли состав вашей группы?

- Минимально. Барабанщик был вынужден уехать из Ленинграда (закончил институт и уехал по распределению), второй барабанщик уехал в Голландию*... Были и дополнительные музыканты - саксофонист, клавишник... Но трое из четырех человек у нас стабильно играют, с первого концерта.

- Кстати, о «Зоопарке» давно ничего не было слышно, создается впечатление, что вам это не очень-то и надо - записываться, выходить на публику...

- Нет, это нужно, конечно, и у нас есть записи. В прошлом году мы снялись в получасовом фильме на Ленинградской студии документальных фильмов, написали музыку к нему. Есть в записях кое-какие концерты, в том числе студийные, но, видно, то, что записано, не получило распространения, и в январе мы начнем записывать новый альбом. Нам обещают студию (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить).

- Если вам вдруг придется оставить ваше занятие, чем вы еще сможете заниматься?

- Ой, да найдем чем, не пропадем. Я считаю, сторож - отличная работа. В этой работе привлекает одиночество, покой. Сидишь, читаешь массу книг...

- У вас есть любимые книги?

- Их очень много. Мне могут нравиться, например, Шиллер и Тургенев - совсем по разным причинам. У Тургенева нравится все, за исключением,

пожалуй, «Стихотворений в прозе».

- Раз уж речь зашла о привязанностях - ваше любимое блюдо?

- Я совершенно всеядный человек. Единственное, не люблю сладкое и еще тушеную капусту - ненавижу просто. А вообще, в Ленинграде что дают, то и ешь. И будь счастлив, что есть хоть что-то по карточкам.

- Где вы любите отдыхать?

- Дома, лежа на диване. Я не люблю ездить, например, на юг - там очень много народу, и, знаете, такое купеческое гулянье царит, что совсем не по мне. В Ленинграде по этой же причине не особенно люблю Невский. Там слишком большая тусовка. Лично мне нравятся места поспокойней.

- Вам приходится много ездить. Есть какие-то города, которые особенно запомнились?

- Какими-то периодами подолгу ездим, но бывают и простои. Отсюда в Киев поедem, а потом уж домой, встречать Новый год. Мы объездили все, начиная от Петропавловска-Камчатского, кончая Прибалтикой, за исключением, пожалуй, лишь Азии. Особенно запомнился Владивосток. Очень красивый город. И аудитория там веселая. Мы познакомились с прекрасными музыкантами.

- В Челябинске вы не в первый раз. Вероятно, дружите с наши ми музыкантами?

- Скорее, не с музыкантами, а с клубом филофонистов, с председателем клуба Валерой Сухановым, в частности, давно друг друга знаем.

- Если не секрет, сколько вам лет?

- О, много, 35 уже.

- Из них, наверное, лет 20 в роке?

- Что-то около того. С начала 70-х. До «Зоопарка» играл с группой «Союз любителей музыки рок», с «Аквариумом» (я не был членом этой группы, но играл там), с «Капитальным ремонтом», была такая группа.

- И последний вопрос: вас не смущает, что здесь придется играть на дискотеках?

- Нам очень нравится, когда люди под нашу музыку танцуют. Рок-н-ролл - это, в общем-то, танцевальная музыка. Кому нравится, тот слушает, кому нравится танцевать - пусть танцует. Все в порядке!

* - Е.Губерман

Ирина Богданова.

«КОМСОМОЛЕЦ», ЧЕЛЯБИНСК 21 ДЕКАБРЯ, 1990.

- Как ты относишься к призыву Сукачева идти назад в андеграунд, чтобы создавать новый некоммерческий рок?

- Это неплохая идея. Хотя не знаю, как она будет реально воплощаться. Что касается «Зоопарка», то мы всегда были группой андеграунда, хотя и не поем социальных песен.

- Я так понял, что вы недорогая группа в смысле гонораров?

- Здесь все зависит от того, где мы выступаем - или небольшой зал, или стадион - кто нас приглашает. Но в принципе группа «стоит» недорого.

- В твоей музыке очень ощущается влияние «черного» рок-н-ролла, но в группе негров-музыкантов вроде бы нет...

- Но мне с ними приходилось играть вместе... Если серьезно, то «черный» рок-н-ролл - моя старая любовь. И как может быть иначе, ведь Чак Берри, Литл Ричард - они вечны, без них нет рок-н-ролла.

- Твой старый друг Гребенщиков как-то спел: «Где та молодая шпана?... Ее нет, нет, нет...», - тем самым дал понять, что не видит себе достойных преемников. А тебе нравится ли кто-то из нынешних молодых музыкантов?

- Ты знаешь, я очень ленивый человек, люблю полежать на диване, посмотреть телевизор и поэтому не хожу на концерты. Так что из молодых групп практически никого не слышал. А из уже относительно молодых мне нравятся питерские «Опасные соседи» и «Ноль».

- Может, ты тогда интересуешься политикой?

- Да, я три раза в день обязательно смотрю программу «Время», а если удастся рано проснуться, то и «120 минут».

- И есть политические пристрастия?

- Я не могу понять одного: почему мы в нашей стране не можем нормально жить без политических партий. Просто жить.

В. Панов.

КРЫМСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ 23мая 1987 г. ЭПАТАЖ ИЛИ РЕАЛИЗМ?

...Идет второй час беседы с Майком. Впечатление: доступен, интеллигентен (подчеркиваю!), умеет настоять на том, что считает для себя стержневым, знает толк в литературе, искусстве. Не правда ли, некоторый контраст со сценическим «имиджем»?

- Когда ты сочинил первую песню?

М.Н.(смеется): Лет пятнадцать назад. Конечно, на английском и, конечно, а-ля «Битлз». Все мы рождены ими.

- А как бы ты определил свой стиль?

М.Н.: Я не сторонник формул в музыке. Пусть будет - рок-н-ролл. Или так: новый белый ритм-энд-блюз. Как видите, мои пристрастия в 50-х - 60-х годах.

- А если конкретнее?

М.Н.: Берри, Дилан, Коэн, Том Уэйтс, Спрингстин, «Роллинг Стоунз», «Кинкс», «Велвет», «Ти-Рекс». Из наших, ленинградских - Виктор Цой, конечно же, «Аквариум» - лучшая группа Союза. Из москвичей - «Звуки Му». Это уникальное явление, словами не описать - надо видеть. Еще - Шевчук с «ДДТ».

- Короче, ты склонен к естественному звучанию?

М.Н.: Именно.

- Может быть, поэтому в твоём составе нет синтезатора?

М.Н.: Мы иногда используем его. Но звучит он у нас не так, как, скажем, у «Крафтверк», а скорее, под орган. Есть сейчас и свой маленький хор, бэкграунд, из трех человек.

- Концепция группы?

М.Н.: Какая там концепция? Не относитесь к нам слишком серьезно. Спрашивают: «Почему «Зоопарк»?» Отвечаем: «Слово понравилось».

- Твой традиционализм в урбанистическом соусе...

М.Н.: Потому что мы выросли и живем в Ленинграде. И музыка наша - музыка асфальта.

- Твои тексты, Майк. Их, ну, допустим, приземленность... Она-то, прежде всего и коробит некоторых...

М.Н.: Да, мы поем о реальных вещах. О нас с вами, какие мы есть на самом деле, а не хотим казаться в глазах других. Почему о так называемых негативных явлениях можно в полный рост говорить газетам, беллетристике, кино? А музыка - она что, должна только услаждать наш слух алыми розами? Скажите спасибо року - это он первым, до гласности, выкрикнул о вещах, которые мы сейчас именуем застойными.

- Слушай, Майк, а ведь ты лирик!

М.Н.: Еще бы. Скорее лирика, а не социальность - действительно мое. Здесь я часто пою о себе. Только не считайте, ради Бога, что во всех песнях я о себе. Большей частью - о других, хотя и через себя. Как писатель, который пишет от первого лица. Не путайте меня с моими персонажами.

- Так все-таки, существует ли рок-поэзия?

М.Н.: Бесспорно. Хотя меня смущает слово «поэзия». Я пишу тексты. Вместе с музыкой, где одно «тащит» за собой другое. Рок-поэзия... Она может казаться корявой, но по сравнению с поэзией, как таковой, порой

более честная, откровенная, иронизирующая по поводу самой себя, пародирующая сама себя. В этом - специфика рока, которую так часто не понимают и не принимают. Свои тексты я не собираюсь печатать, я их могу только петь.

- Как ты относишься к Александру Житинскому?

М.Н.: У него есть замечательное качество - он не отвергает с порога то, что ему не по вкусу. Старается разобраться, признавая за каждым право на собственное мнение.

- Такая позиция тебе близка?

М.Н.: Очень. Я субъективно далек от музыки «хэви-метал». Но когда мы играли в одной программе с группой «Мастер», я оценил честность их работы. Не люблю навязываться, не люблю трюкачества.

- Ты продолжаешь писать, Майк?

М.Н.: Пишу и буду писать.

- А гастролы не привьют тебе «звездную болезнь»?

М.Н.: Наверное, я брошу писать тогда, когда меня станут называть Михаилом Васильевичем. В профессионалы не спешу. Не могу работать на заказ. Это убивает искренность.

А. Зарубин.

**«КАМЧАТСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ», 12 СЕНТЯБРЯ, 1987. «Кому нужен
«Зоопарк»?**

Заметка под таким названием в ленинградской «Молодежке» в свое время послужила характерным примером отношения к самодеятельным ансамблям. В то «доперестроечное» время было принято возмущаться даже названиями. Руководитель ВИА «Голубые гитары» писал: «Вы только посмотрите, одни названия чего стоят: всякие там «Аквариумы», «Зоопарки»!» И читатель должен был проникнуться тревогой по поводу засилья на нашей эстраде этих самых «Зоопарков». Я сам не большой поклонник группы «Зоопарк», более того - ранние вещи, которые собственно и сделали группе имя и популярность среди молодежи, казались мне грубоватыми: «Дрянь» и т.д. Несколько пугал невеселотрезвый подход к реалиям жизни. Тем не менее, песни руководителя группы Михаила Науменко расходились в магнитофонных альбомах «Сладкая Н», «Уездный город Н» и пользовались популярностью. Откровением стал альбом «Белая полоса», запись которого сейчас лежит даже на «Мелодии». Здесь и жизнерадостная «Ты любишь буги», и

жестокая «Когда-то ты была совсем другой», и трагичная «Страх в твоих глазах», злая «Гопники». Широчайшая палитра, где нет ни «бытовизма», ни зауми.

А потом довелось увидеть выступление «Зоопарка» на ленинградском фестивале. При всей многозначительной серьезности руководителя Михаила Науменко, группа и ее музыка производят удивительно радостное впечатление. Считается, что «Зоо» играет ритм-энд-блюз. Что это такое, никто толком сказать не может, но можно просто описать музыку группы, как музыку, намеренно стилизованную под конец шестидесятых. Слышна здесь и Дженис Джоплин, и «Джефферсон Айрплэйн» - эпоха песен и цветов... Только тексты остаются непонятными для иностранцев.

Тем более странно, что именно «Зоопарк» вместе с «Алисой» приглашает на свой праздник финская молодежная прогрессивная организация «Канатоходцы». Видимо, удивительный дух песен «Зоопарка» улавливают даже люди, далекие от наших проблем и забот.

Порой кажется, что у «Зоопарка» сейчас определенный застой. Это впечатление может разрушить только новый альбом, который готовит Науменко. Но тем не менее, эта группа - такая же легенда самодетельного советского рока, как «Машина» и «Аквариум». Именно поэтому «Зоопарк» приглашен на нашу рок-панораму «160 меридиан».

Игорь Мальцев.

«ЗНАМЯ ТРУДА», 1984, 6 ИЮЛЯ.

...На вопрос, какая форма выражения ему нравится больше - акустическая или работа с группой, Науменко отвечает:

- Конечно, акустика позволяет донести до слушателя все оттенки и нюансы, каждое слово. Но работа с группой - это нечто совершенно иное. Это здорово: этот напор группы, это самоотдача каждого. И если при акустическом концерте я с гитарой наедине со зрителями, то в группе я - часть единого целого. Я просто пою песни, которые написал...

Л. Лытаев

«МОЛОДОЙ КОММУНАР», ВОРОНЕЖ, 22 ЯНВАРЯ, 1991. «Это не рок-н-ролл, это «Зоопарк».

Фраза, вынесенная в заголовок, сорвалась с уст Майка в фильме

ленинградского режиссера Александра Киселева «Буги-вуги каждый день», премьера которого недавно состоялась в кинотеатре «Пролетарий». Для привыкших все понимать дословно придется пояснить: высказывание музыканта лишь подчеркивает своеобразие творчества и жизни коллектива, но не отрицает его стилистической приверженности, как может показаться.

Немного анкетных данных группы, еще несколько лет назад будоражившей незрелые умы юношей и девушек, а сегодня «не высывающейся» и, к сожалению, уже порядком подзабытой. Майк Науменко (а из уважения к его сединам рекомендуется называть 36-летнего «рок-учителя» Михаилом Васильевичем, желательно с волнительным придыханием) не расстается с «Зоопарком» вот уже 10 лет. За эти годы многие его песни стали классикой отечественного рока. На них (а потом уже на «Аквариуме», будем объективны) воспиталось целое поколение музыкантов и меломанов. Именно «Зоопарк» открыл перед «Чайфом» большой творческий пласт, о чем не раз говорил Володя Шахрин. Сотрудничал Майк и с БГ, их совместный продукт - альбом «Все братья-сестры», созданный еще в 1978 году. А разве можно представить себе Ленинградский рок-клуб времен его первых фестивалей без «Зоопарка»?

Группа объехала с гастролями почти всю страну. Выступала и в Воронеже - весной 1989 года, правда, без большой помпы и далеко не при аншлагах. Странно. Взгляните на хит-парады. Там нет ни одной песни «Зоопарка». Взгляните на репертуар студий звукозаписи - редко, где он значится в списках. Давно нет новых альбомов группы, а ведь это двигатель популярности. О показах по ЦТ и говорить не приходится. Но, несмотря ни на что, «Зоопарк» жив. Да, он старомоден по нынешним меркам, неярко, однако верен выбранному пути, своей музыке. И фильм «Буги-вуги каждый день» это подтверждает. Он очень энергичный, молодой, с доброй долей юмора, обаятельный, милый, как и сам Майк, его главный герой.

Когда я послушал рассказы Науменко о съемках, мне стало его... жалко. Да-да, представьте себе, досталось-таки ему. Пример? Снимался фрагмент, когда Майк висит в петле на дереве - минуты на две-три:

- И что ты думаешь? Я провисел три часа! Эта «прима-балерина» (партнерша по фильму) отлучилась «покормить ребенка». А вылезти из петли нельзя - очень сложное крепление, долго отлаживалось. Вот так. Я успел даже выступить с речью перед студентами: съемки проходили возле института, где я учился ...

Потом артисты и киношники, дружно стуча зубами от холода, долго сидели в отцепленном вагоне, ожидая звукооператора,

отправившегося за забытым магнитофоном. Хорошо еще, что кинооператор не забыл камеру... Веселуха!

Вообще-то сценарий был большой, с массой приколов и хохм. Но, как сказал Киселев, на фильм выделили всего 30 тысяч рублей. Пришлось доставать ножницы, что сильно расстроило режиссера и особенно Майка. Но вернемся к музыке.

«У нашей группы есть девиз: «рок против фонограмм», - официальным тоном говорит Науменко. - Работать под «фанеру» просто стыдно. Ни Алла Пугачева, ни Катя Семенова, которых я нежно люблю, не позволяют себе такого».

(Кстати, о девизах. На гастролях Майк живет обычно в отдельных «люксах», как и положено мэтру. Вскоре в его номере собирается вся группа. Начинается реализация другого важного девиза: «доведем люксовый номер шефа до состояния обычного номера»).

...Майк считается большим знатоком зарубежного рока, в основном прежних лет, занимается рок-журналистикой, пишет рецензии на альбомы; критика Артема Троицкого, с которым знаком давно, называет умнейшей головой, хотя далеко не все его приверженности разделяет. Зато скептически, даже с пренебрежением относится к той части самоуверенных «рок-критиков», которые «за всю свою жизнь не сочинили ни одной песни, не взяли ни одной ноты, но лезут поучать музыкантов». А что, очень справедливое отношение. Тот же Троицкий, как выяснилось, играл в первом составе «Звуков Му» на гитаре. Говорят, что играл плохо, но ведь играл-таки. Кое-что о музыкантах.

- С Башлачевым был знаком. Однажды мы с ним и с Кинчевым делали концерт в Москве. На Саше лежала какая-то печать трагичности...

- Игорь Доценко («ДДТ») - отличный ударник. Случалось, мы приглашали его поработать с нами, когда наш барабанщик Кирилов что-нибудь себе ломал перед самым концертом (а у него есть такая особенность), Кирилов и сам чудо - как-то раз пришел выступать со сломанной ногой. Завинтил хэт и отработал, как будто ничего не случилось.

***Из интервью с Майком «Сидя на белой ерунде», взятое Галиной
Пилипенко. «Ура! Бум! Бум!» N5, 1990.***

Можно вместо эпиграфа цитату? Да? Спасибо. Тогда: «Пока этого не будет, мы будем слышать песни, подобные тем, которые «поет» ансамбль из Уфы с вызывающим «дустовым» названием «ДДТ»:

В небе радуга висела,
А на ней свинья сидела,
И осолопевшим оком
Свысока на всех глядела.

Но и эти упражнения в глупости бледнеют и кажутся детским лепетом рядом с вот таким текстом, который пропагандирует ансамбль «Зоопарк»:

«И нам всем нужен кто-то,
Кого бы мы могли помучить, покалечить или даже убить...».

Так писала «Комсомольская правда» всего-то пять лет назад. Однако, не прошло и пяти лет, как легендарный Майк Науменко - лидер «Зоопарка» приехал с концертами в Ростов-на-Дону. Или: и пяти лет не прошло, как Майк выпустил на «Мелодии» пластинку «Сидя на белой полосе». Но как бы то ни было, Майк все-таки добрался до нашего «уездного города N», а также его акустическая гитара.

Можно еще эпиграф? Последний? Нет, не из «Комсомольской», из жизни: вопрос-записка из зала: «Майк, Вы сейчас на каком небе?». - Ответ: «Я сейчас вот на этой белой ерунде сижу» (и показывает на белый куб, на котором, действительно, сидит). Ну вот и все эпиграфы. А теперь вопросы и ответы.

- Майк, вот Михаил Борзыкин в интервью Троицкому говорит: «За год пребывания в рок-клубе мы успели разглядеть, что к чему. Многие иллюзии рассеялись, я понял, что это не храм, а контора, причем достаточно коррумпированная. Существовала элитарная тусовка - «Аквариум», Курехин, «Зоопарк», «Кино», которую администрация рок-клуба обеспечивала всем необходимым». Ты бы мог прокомментировать эту ситуацию?

- Это, как бы тебе сказать... Я не хочу говорить про Мишаню, что это ложь... Миша у нас страшный революционер и страшно ультралевый. Он считает себя глубоко обиженным жизнью. Понимаешь, всем было одинаково плохо, никому ничего не обеспечивалось. Но когда нас шпыняли так, что ему и не снилось, он тогда пешком под стол ходил. Я бы не хотел ни в коей мере его обижать, потому что он получил свою порцию ударов по голове, но, чтобы «Аквариуму», «Кино», Курехину и нам все обеспечивалось, я такого не припомню.

- Еще вопрос «по Троицкому», теперь уже из книги «Снова в СССР»: «Майк является одним из самых созерцательных, ленивых и непрактичных людей своего круга..». Если бы ты встретил Троицкого, чтобы ты ему ответил?

- Так я с ним знаком. Не скажу, чтобы друзья, но лет десять знакомы.

«Созерцательный» не знаю, не мне судить. Что я лентяй жуткий - это я подтверждаю. И что я абсолютно непрактичный человек - тоже подтверждаю.

- Вчера ребята приносили на твои концерты пластинки «Сидя на белой полосе» и хотели получить автограф. Пластинки, уценены с рубля двадцати до шестидесяти копеек. Ты бы оставил автограф на своей уцененной пластинке.

- Так я и давал автографы...

- Это неприятный вопрос?

- Нет! Потому что если в Ростове они уценены, то в Ленинграде их нет вообще - раскуплены. Просто «Мелодия» - это фирма, где идиот на идиоте и идиотом погоняет. Нет, чтобы выпустить однажды пластинку нормальным тиражом, так они выпускают один раз тираж, который раскупается, потом второй, который тоже раскупается, тогда выпускается третий тираж и, естественно, разойтись быстро уже не может. Ничего обидного в уцененной пластинке нет, это просто их коммерческая тупость. Мне было бы обидно, если бы первый тираж не раскупили.

- Ты посвятил Саше Башлачеву песню. Сейчас говорят, что если бы при жизни к Саше были внимательней хотя бы друзья, что, элементарно, человеку негде было переночевать... Нет ли у тебя чувства, что ты что-то не сделал для него?

- Никакой вины у меня нет. Потому что мы не были друзьями. Так, встречались в каких-то городах, в основном в Москве, о чем-то разговаривали, пели друг другу песни... Я не сделал для него ни хорошего, ни плохого. Да и, наверное, не мог сделать ничего.

- Одна из твоих песен посвящается музыканту. Ты заметил как-то, что посвящение конкретно, чем заинтриговал многих. Не боишься ли ты этой неопределенностью обидеть всех музыкантов?

- Почему неконкретно? Вполне конкретно, только я не скажу, кому она посвящается. Но конкретность и не важна - это ведь знакомо - у половины людей в мире есть друзья, которые тебе в спину ножик засадят, считаясь при этом лучшим другом. Такие люди есть, и никуда от них не денешься...

- Твои вещи идут по описательной линии, ты даешь картинку... Вот «Гопники», например...

- Да, «Гопники» написаны после прочтения романа т.Старцева и т. Дидейкина «Путешествие на Черную Ухуру» В этом фантастическом романе есть планета гопников. Так что Саша, в общем-то, вдохновитель, и ему я обязан темой.

- Майк, в творчестве ты традиционен. Не хотелось бы тебе немного

поэкспериментировать? Ну, не как «Центр», а как-то по-своему?

- Ну, у Васи Шумова свои заморочки, а я люблю классический рок-н-ролл, традиционный. У нас есть эксперименты, например, мы играем псевдорэггей. Ну, белый рэггей изначально «псевдо», настоящий могут играть только люди с Ямайки. Есть утяжеленные вещи, не скажу, что хард, но утяжеленные. Так что у нас есть эксперименты. В фильме, который мы сейчас делаем, будет чисто инструментальная музыка.

- Со времени «Белой полосы» прошло немало времени. Собирается ли «Зоопарк» записываться?

- Музыка к фильму выйдет отдельным магнитоальбомом. Суть в том, что мы просто не хотим писаться в плохой студии: нам сейчас меньше, чем с 16-ю каналами не управиться. Если раньше мы писались у Тропилло в два канала два по два, то сейчас требования возрастают. Не хотим выпускать откровенное фуфло. Надо сделать так, как оно должно быть.

- Фильм, в котором ты снимаешься, имеет детективный сюжет?

- Сложно рассказывать сюжет, но нет, это не детектив. Скорее веселый идиотизм. Про то, как мне в моих пяти ипостасях хреново живется и как мне что-то постоянно мешает. И как я мечтаю о другой жизни. В другой жизни я то шпион, то звезда рок-н-ролла, то герой-любовник со сценой повешения в конце. Моя партнерша по фильму (прекрасная женщина, в которую я влюбляюсь) берет и вешает меня среди цветущего сада.

- Она вамп?

- Она сначала совершенно такая прекрасная дама, ее играет профессиональная актриса, в красивом платье 18 века; я бы сказал, в традициях лучших русских художников лучших русских времен, а потом она просто вешает меня и все. Должны были закончить фильм в марте, но Александр Васильевич Киселев (режиссер) выдал нам еще два месяца. Главная роль писалась в расчете на меня. Фильм должен получиться веселым. Будет ли он показываться у нас, не знаю, но Бельгия, Голландия и ФРГ купили его на корню.

- Ты до этого снимался в кино?

- В «Йаххе» Рашида Нугманова. Сняты были две наши вещи, осталась, правда, одна. И «Йахха», кстати, мне понравилась больше, чем «Игла».

- Майк, Боб Гелдоф свое отношение к деньгам выразил следующим образом: «Деньги, затрахайтесь!» А ты как?

- Знаешь, самую замечательную фразу по поводу денег сказал Юра Ильченко. Если тебе не знакомо это имя, то это гитарист «Мифов», «Машины времени», ленинградского «Воскресенья»... Так вот он сказал: «Я ненавижу деньги, но я в них нуждаюсь».

МИХАИЛ НАУМЕНКО. «Рок 80-х».

«Рокси» N16, 1991

В нашей стране рок претерпел очень интересные изменения, связанные с преобразованием внутренней политической ситуации. Раньше я с боем прорывался на концерт, и неизвестно было, повинтят ли тебя и группу - это был просто подвиг. Раньше это был запретный и сладкий плод. Теперь - исчезла некая прелесть героизма, так сказать. С этим связано и некоторое падение интереса к року, коль скоро все можно, то это не так и увлекает публику.

Что касается тематики... Кому что ближе. Мне не близки остросоциальные песни, но если Миша Борзыкин считает их своим предназначением и важными для себя, то почему нет? Он занимается этим честно и откровенно, он человек такой, а ведь многие это делают из конъюнктурных соображений.

Мой вклад в рок 80-х... Себя хвалить неловко, но раз надо ответить... Насколько я знаю из разговоров с очень многими музыкантами из разных групп и разных городов: какое-то влияние я оказал в том плане, что, может быть, одним из первых стал писать очень конкретные песни тем языком, которым мы общаемся друг с другом, простыми обычными словами и о ситуациях, может быть, не совсем приятных, гаденьких; но описывал нашу жизнь такой, какая она есть. Не призывая ни к чему и не выводя мораль. Моя популярность в начале 80-х объясняется и подпольностью и элитарностью одновременно. В песнях люди надеялись на узнавание и сопереживание. А может, находили там то, что они знали, но не удосуживались выразить словами. Если выражаться высоким стилем, то, вероятно, в этих песнях было отражено настроение времени.

Я несколько скептически отношусь к нашему проникновению на Запад. Возвращаются музыканты из Лондона или Сан-Франциско и рассказывают, как они круто там сыграли, всех на уши поставили. А потом выясняется, что в зале 150 человек. Все-таки, профессиональный уровень музыкантов на Западе повыше будет.

То, что рок за это время распространился не только в столицах - совершенно естественно, потому что везде есть люди, которые слушают, везде могут появиться люди, которые умеют играть, которым есть что сказать, которым интересно что-то делать. Есть «Вопли Видоплясова» на

Украине, есть Саша Демин из Владивостока, «Водопады» из Верхотурья, «Резиновый дедушка» из-под Челябинска. И в деревне может быть отличная группа.

У меня нет ощущения того, что я уже высказался до конца. И желание и потребность еще есть. Какой-то порох в пороховницах еще остался. Сейчас такое время, что можно петь о чем угодно. И многих это выбило из колеи. Андеграунд сейчас как бы и не андеграунд, такая вот немного странная ситуация. В последнее время песен пишется меньше. Я связываю это с данной ситуацией, с этими переменами, которые вроде происходят, а вреда и не до конца. Смутное время, что и говорить.

Что же касается десятилетия в целом, то все началось с Великих Иллюзий и кончилось Великой Потерей тех самых Иллюзий.

АРТЕМ ТРОИЦКИЙ. 23.03.93.

Первый концерт Майка, который я устраивал... Дело было так. Я о Майке ничего не знал, об альбоме «Все Братья - Сестры» я узнал уже постфактум. Услышал я о нем от Гребенщикова, где-то весной 1980 года, уже после Тбилиси. БГ приехал в Москву и привез кассету, про которую сказал, что это поет его приятель, которого он, как сам выразился продюсирует. Там были акустические записи Майка - «Пригородный блюз», «Дрянь» и еще пара вещей. Мне эти записи страшно понравились, и, хотя я был в то время увлечен Гребенщиковым, они мне понравились больше, о чем я прямодушно Борису и сказал, чем, по-моему, его слегка смутил.

Боря очень туманно говорил, что да, это его приятель, из Ленинграда, играет, песенки пописывает, фамилии его мне не назвал, кличка - Майк. Мне же настолько понравились эти песни, что я просто Борю затрахал, чтобы он меня с Майком познакомил, приехал с ним в Москву и так далее.

Все это произошло, когда мы планировали концерт, который состоялся в Северном Чертаново, мини-фестивальчик, где были Никольский, «Последний шанс», «Аквариум», по-моему, Макаревич, и сольным номером там был Майк. Состоялся он в октябре 1980 года. Это было не только первое выступление Майка в Москве, но, как Майк меня потом уверял, вообще первое публичное выступление Майка с собственной программой. До этого он играл только в квартирной обстановке. Впервые он играл на достаточно большом зале. И впервые это было электричество, ведь ему аккомпанировал «Аквариум», и довольно неплохо.

Честно говоря, я абсолютно не помню, каким образом я с Майком познакомился, при каких обстоятельствах я его впервые увидел и каким было первое впечатление. Реально я его помню уже на сцене, конечно. Я произнес там вступительное слово, которое звучало, как будто я был хорошо знаком с его творчеством; на самом деле это было не так, все ограничивалось той самой пленкой. Концерт был, конечно, феноменальный, потому что Майк в большей степени, чем Гребенщиков, нес в себе эту стопроцентную рок-н-рольную эстетику, которой у нас до тех пор не было. И, если к философствованию и поэтике у нас уже привыкли с подачи Макаревича, Романова и других, то вот такого лобового плакатного приземленного рок-н-ролла у нас не слышал никто вообще. У Рыженко тогда таких песен не было, а ДК и других групп не существовало

еще и в зародыше. Так что Майк был абсолютным пионером в этой области.

Реакция на этот концерт была уникальной. При том, что публика была достаточно рафинированной, в зале творилось Нечто, и после выхода все продолжали спорить. А кто-то там даже подрался, была какая-то драчка между людьми, которые Майка восприняли, и людьми, которых он возмутил. Опять же публика была не урловая, а дрались там интеллигенты с интеллигентами, как это бывает при каких-то литературных спорах. Очень обломался Макаревич - был недоброжелателен, огорчен и раздражен. Майк же совершенно на это не рассчитывал, он жил в этом мире, а у людей был шок.

Второй важный концерт - первый полноценный концерт «Зоопарка», был осенью 1981 года в ДК «Москворечье». Они играли на аппарате «Машины времени», которая была поставлена туда без ведома Макаревича (как обычно), шла звукозапись, и альбом «Зоопарка» «Блюз де Моску» - собственно и есть запись этого выступления.

Помню еще концерт на Юго-западе, где мы подрались с Осетинским. Мое общение с Майком тогда осложнялось присутствием этого дегенерата Осетинского, который при симпатии Майка к алкоголю взял его в оборот очень плотно. Как раз в это время он написал «Блюз де Моску N2» со словами: «Это слишком похоже на лесть, Эй, Борис, что мы делаем здесь?» Майка очень удивляла реакция на его успех, он был к этому не готов и совершенно к этому не стремился. Все получилось совершенно помимо его воли.

После я еще несколько раз бывал на концертах «Зоопарка», их устраивали уже другие люди; короче, «Зоопарк» пошел в раскрутку по тогдашним нашим концертным организаторам. Общались мы в основном в Питере. Я слушал «Зоопарк» на ленинградских фестивалях, довольно часто заходил к Майку в гости, несколько раз мы с ним встречались на квартире Коли Васина, куда он очень часто заходил, но я не помню, чтобы он там пел какие-то песни. Вообще у него не было такой привычки, как у БГ и многих других - при первой подвернувшейся возможности схватиться за гитару и что-нибудь спеть. По-моему, для него было важнее посидеть, выпить, пообщаться; он вообще никогда не выпячивал свое присутствие, в отличие от других рокеров, у которых такое позерство в крови. Он был действительно скромным и застенчивым человеком, без всякого наигрыша, без всякого желания понравиться, и, мне кажется, что в его отношении к собственному творчеству всегда присутствовала какая-то доля самоиронии. Я не думаю, что он воспринимал себя так же серьезно, как Цой или

Гребенщиков. Это здоровое отношение к собственной личности, хотя оно и не совсем вяжется с рок-н-рольным пафосом.

Во второй половине 80-х я стал меньше слушать «Зоопарк». Дело ведь вот в чем: у каждой творческой личности свой модус; есть творческие личности развивающиеся, есть творческие люди, которые сознательно имитируют процесс развития и пытаются писать новые песни, даже если они не очень-то пишутся, а у Майка этого не было, он был естественным человеком. И в какой-то момент, где-то в 84-85 гг., он исчерпал себя как автор, сказал практически все, что он хотел сказать, и уже только ретранслировал те образы и идеи, которые у него были, а они были почерпнуты по большей части из англо-американского рока. По-моему, ему было просто не слишком интересно сочинять дальше. Вымучивать это из себя ему не хотелось, а может быть, и не очень получалось; хотя я уверен, что на автопилоте он сочинил некоторое количество песен - все эти «Буги-вуги», «Трезвость - норма жизни». Это все песни, которые можно сочинить, и не проникаясь большим вдохновением, так скажем.

Я помню, что темы наших с ним разговоров, долгих и достаточно скучных, вращались в основном вокруг наших любимых западных артистов, пластинок и той музыки, не своей, не российской. Во всяком случае, я совершенно не могу себе представить, как бы мы могли обсуждать с Майком песни Макаревича или Гребенщикова или спорить о достоинствах ансамбля «Наутилус Помпилиус»; то есть это было настолько далеко от круга интересов Майка, что дальше некуда. Хотя, в отличие от всяких желчных личностей, включая меня, он относился ко всем очень по-доброму, и я не помню, чтобы он о ком-то язвительно или плохо отзывался. Если ему что-то не нравилось, он молчал или просто махал рукой, что означало «ну его на фиг, это просто не стоит того».

Кстати, у него были какие-то странные любимчики, которые кроме него никому, по-моему, не нравились, типа группы «Почта» или бит-квартета «Секрет», то есть близкие ему по каким-то сентиментальным совпадениям люди; вот о них он мог говорить, ставить записи. Я помню, что первые записи «Секрета» мне поставил Майк, сказав, что это его протеже, хорошие ребята, и это то, что ему в Питере нравится больше всего.

Что касается финала... У музыкантов, особенно у рок-лидеров, есть такой внутренний стержень, внутренний азарт, который постоянно заставляет что-то делать, заставляет, сжав зубы и скрипя сердце, писать непишущиеся песни, потому что они должны, они чувствуют себя словно бы на котурнах, они знают, что поклонники от них чего-то ждут, что

девушки стоят у сцены и так далее... А у Майка этого не было. Он по природе и по внутреннему мироощущению не был рок-звездой. И поэтому он не стремился ломать, подгонять себя, идти вперед, неизвестно куда, у него не было стимула.

Я могу себе представить, что все эти халтурно-часовые концерты во второй половине 80-х годов, о которых я слышал очень плохие отзывы, и в самом деле были для Майка халтурой. Это ведь не было его любимым предприятием, он не кайфовал от собственной звездности. А если этого нет, то, собственно, зачем же это делать?

И тут, естественно, были два варианта. Или просто тихо как-то от всего этого отойти, или углубиться в себя, писать какую-то музыку для себя, путь, условно говоря, Сида Баррета. А с Майком было, видимо, так, что наедине с собой или наедине с женой ему не работалось. Пожинать плоды рано пришедшей славы ему, наверное, было мучительно, и делал он это в силу инерции и ради денег. Реального творческого процесса у него внутри не происходило, а если и происходил, то скорее тлел. Скажем, плодовитый Боря способен в любой ситуации писать песни, то есть они из него выскакивают с регулярностью отправления естественной потребности. Майк же писал по одной приличной песне. В конце концов к 90-му году у него несколько таких песен накопилось: «Выстрелы», например, хотя мне кажется, что они значительно слабее, чем те, что он писал в начале 80-х.

Вообще я считаю, что до 1984 года никто из наших рокеров не написал такого количества классных песен, как Майк. Позже, так сказать, по валовому показателю его догнали и Гребенщиков, и Мамонов, и Шумов; но на то время, я считаю, огромная часть классических песен нашего рока написана именно Майком.

Мои самые любимые песни Майка - «Старые раны» (может быть, самая любимая), почти все песни с альбома «Белая полоса», за исключением одной или двух; вообще я считаю, что это блестящий рок-н-рольный альбом; мне очень нравится «Уездный город N». Она, конечно, абсолютно нелепая, но что-то в ней есть, что меня лично очень цепляет. Несколько песен с «55», особенно «Белая ночь, белое тепло». Ранние конечно, «Пригородный блюз», «Сладкая N», «Когда я знал тебя совсем другой». Проще сказать, какие песни я у Майка не люблю - это рок-н-рольчики, взятые в репертуар хитрого бит-квартета «Секрет», и несколько баллад.

К сопровождающей группе Майка я не относился никак. То есть, если с музыкантами «Аквариума» я общался так же, как с Борисом, а с некоторыми у меня были даже более теплые отношения, то группу Майка я

совсем не знал, не помню, как их зовут, плохо помню, как они выглядят. Я говорю это не для того, чтобы как-то их обидеть, а просто так сложилось. Мне кажется, что люди в «Зоопарке» были в чем-то похожи на Майка - они не стремились в тусовку, не стремились выделиться, не навязывали себя в качестве интересных собеседников или крутых музыкантов. Работяги без претензий и амбиций - в этом смысле Майк вписывался в свой состав достаточно органично. Я думаю, что с пижонами, типа «Аквариума» или «Кино», он бы просто не сыгрался, они бы его страшно раздражали и в конце концов задавили бы своей амбициозностью.

Легендарные профили: А. Башлачев, М. Науменко, К. Кинчев.

«Зоопарк» за любимым занятием, слева-направо: А. Храбунов, И. Куликов, А. Данилов, М. Науменко.

На московскую рок-сцену 80-х годов «Зоопарк» оказал большее

влияние, чем «Аквариум». Если не считать, в сущности, малоизвестных, культовых групп, типа «ДЦО», единственной московской группой, которая восприняла вибрации «Аквариума», была группа «Крематорий». Что касается Майка, то его песни оказали большее, если не решающее влияние на довольно широкий спектр московских музыкантов. Я слышал совершенно восторженные отзывы о нем, например, со стороны Кузьмина. Кузьмин в те годы был достаточно передовым музыкантом и у него была хорошая группа, так вот он находился под огромным влиянием Майка и считал его просто своим кумиром. Точно так же, единственный, о ком отзывался с уважением Вася Шумов (а он не любил Питер вообще), был Майк. Мне трудно судить, в какой степени песни Майка повлияли на творчество Кузьмина, Шумова или Мамонова, но то, что повлияли, это точно, потому что Майк шел не какими-то кривыми дорожками рок-лирики, а по рок-н-рольному мейнстриму. Я уверен, что влияние Майка непреходящее, потому что это базис. Как базис, который создал Чак Берри - если ты хотя бы одной ногой на нем не стоишь, то это вообще не рок-н-ролл.

В общении же Майк был очень милый человек, и мне не хотелось бы рассусоливать эту тему. Просто никаких смешных, неординарных или драматических событий у меня с Майком не связано. Я не могу вспомнить ни одного пьяного анекдота, который был бы связан с Майком, никаких ночных разговоров с ним; он на самом деле был очень душевным и скромным человеком. Это не рок-н-рольные качества, и в этом удивительный парадокс его личности. Человек, очень далекий от поверхностного пафоса рок-н-ролла, больше других пропитал рок-н-рольным чувством свои песни. Он один из немногих людей, к которым у меня никогда не было чисто человеческих претензий. Творческие - были, я ему об этом говорил, но он воспринимал это очень незлобиво. И вообще, в человеческом смысле он был очень добрым, что в нашей рок-тусовке большая редкость.

МИХАИЛ «ФАН» ВАСИЛЬЕВ. 09.11.92.

Вообще, Майк личность очень противоречивая. С одной стороны - человек пишет и поет песни, а с другой стороны - у него полностью отсутствует «карьеризм» в этом отношении. У него не было желания доказывать, что он круче других. Результатом являлось то, что Майк постоянно выпивал неизвестно с кем. Люди им совершенно не фильтровалась, что, например, вызывало постоянные нарекания у Бори. Он никогда не стремился к общению с какими-то авторитетами. Непонятно, хорошо это или плохо. С одной стороны - вот так он живет и это - его жизнь; а с другой стороны нежелание продвинуться вперед довольно странно для человека, который занимается творчеством.

Майк был интеллигентом в том смысле, что постоянно сомневался в том, что он делает. Пока не убедится в том, что это, в общем-то, правильно, он ничего никому не показывал. Мы с ним общались довольно сложно. После того, как мы записали «Все братья-сестры», наши пути практически разошлись; в музыкальном смысле я был постоянным членом «Аквариума», там и играл. Но при этом он мне постоянно предлагал стать менеджером «Зоопарка». Сам он стратегией совершенно не умел заниматься. Поэтому я подсунул ему Севу Грача в качестве менеджера.

Сева вообще несколько трагикомическая фигура в истории «Зоопарка». Чувство юмора у Севки было очень хорошо развито, и у Майка тоже. Я помню, мы садились вместе, и Майк рассказывал украинские анекдоты, а я - еврейские, и так проводили время довольно долго. Ну, с Грачом-то дело кончилось довольно плачевно, во-первых, потому что он деньги отдавал позже не в срок; ему не жалко было, а просто ему было пофигу - ну заработали, у него и лежат. А коллектив был в этом смысле очень тяжелый, они там штрафы друг на друга накладывали. У них совершенно другой пафос общения был - чем ты больше всех остальных достал, тем ты и круче, - что, в общем, трудно вписывается в ситуацию такого интеллигентного человека, как Майк. Карьера Грача в «Зоопарке» закончилась тем, что он случайно ехал в такси, ему случайно дали по башке и случайно отобрали большую сумму денег и рабочую фонограмму группы. Сейчас он получил миллионное наследство и занимается чем-то своим.

Как я с Майком познакомился - трудно вспомнить. Помню вот какой случай. Я женился (это был 78-й год) и сразу же снял квартиру. Сидим мы с

Майклом Кордюковым, он у нас тогда на барабанах играл, пьем коньяк и смотрим телевизор. Раздается звонок, я открываю дверь - стоит Майк в тапочках и халате. Ну, так как делать вид, что удивился, уже тогда было нельзя (ну, пришел человек - проходи, садись), наливаем коньяк, сидим выпиваем. Это было на Варшавской, я случайно снял квартиру в его доме. Он это узнал, зашел ко мне в гости, потому что мы уже тогда были знакомы. Как - не помню. Могу точно сказать, что с Лялиным и Титовым нас познакомил Дюша, он учился с ними в одном классе. А Майк откуда-то взялся, играл на гитаре; никто не знал, что он пишет песни, потом это выяснилось, и мы записали этот альбом («Все братья - сестры»).

Первым барабанщиком у Майка был Андрюша Данилов, я его из армии привел и убедил, что надо жить в Питере. Он поступил в институт и играл в «Зоопарке», потом закончил и уехал в свой Петрозаводск. Недавно я его видел, он как-то странно себя чувствует. После всего, что было...

А я ведь не был членом группы «Зоопарк». Мы просто помогали Майку, вот как раз в этот момент барабанщик уехал по распределению, а у басиста были какие-то неприятности. Играть с ним было очень приятно, потому что играть блюз это в принципе очень классно; и с Женькой (Е.Губерман) - тоже было интересно, он барабанщик с очень большой выдумкой. Плюс все это еще у Майка с каким-то своим заворотом.

Да, надо сказать, что он отлично знал английский, что очень важно вообще и особенно важно для нашей страны. Так как знание иноязычной культуры питает русский ум, и переработанная идея становится гениальным открытием (как случилось с Пушкиным). И это совершенно нормально, потому что идеи не могут возникать сами по себе и в больших количествах сразу. Как можно написать, например, 400 или 500 песен? Для этого нужно, чтобы у тебя был где-то источник и желательно много и в разных странах. Там, на Западе, музыканты шарят по своим народным «источникам», а у нас они размыты, особенно в городах. И Майк с Борькой были первые, кто включился в эту мировую вертушку; на пустом месте ничего не сделаешь.

Песни его я принял сразу. Может быть это потому, что я знал, кому посвящена та или иная песня. «Сладкая N» например - была такая девушка по прозвищу «Бэби», сейчас она, по-моему, в Москву переехала. С песней «Ты - дрянь» более сложная история. Она посвящена подружке моей жены. Это были две подружки, мы у них часто оттягивались в Апраксином переулке. Потом я женился на Зине, а Майк вот песню написал.

А с музыкой Майка есть еще один момент - не каждый позволит себе такую музыку играть, в таком стиле, - это смелость. Для человека, который

знает всю эту культуру, то есть регулярно слушает каждый день, - это большая смелость. Это не наглость, хотя некоторые считают, что это наглость. У Майка это получалось совершенно органично. Мы сейчас в «Трилистнике» исключили все блюзы, кроме одного. А Майк был настоящим блюзменом. Вот Ильченко, он человек неровный, а Майк последовательно играл ритм-энд-блюз.

И потом, я повторяюсь, он совершенно не хотел стратегически мыслить. Можно ведь было продавать его пластинки, он мог не давать гастроли на стадионах. А так - к нему пришли и сказали: поехали сейчас на гастроли в Рязань - поехали. Потому что как барабанщик мыслит своими категориями, так и творец должен мыслить своими, а не так: вот есть сегодня рубль - его надо пропить и все. Должен был быть рядом какой-то человек, которого он, вероятно, всю жизнь искал, который бы как-то выстраивал ему жизнь. И, наверное, с ним было тяжело жить в последнее время, судя по тому, что произошел этот разрыв с Наташей - достаточно хрупким человеком.

Я не могу сказать, что он неудачник, или там на себе крест поставил. Может быть так, что все, что он мог обозреть перед собой - его просто не интересовало. Человек может спокойно быть выше того, чтобы купить себе квартиру, заработать миллион рублей. И он видел, что бессмысленно дергаться из-за каких-то драных «Жигулей». И никакой обзленности на страну у него не было.

Я вам могу сказать одну вещь: я собирал машинки, а он собирал самолетики. И он про самолетики знал все. Мы выходили на улицу, и он говорил: «Вот полетел МИГ-21». А я говорил: «Вот поехала «Тойота». И мы получали удовольствие от того, что обладаем такими бесполезными знаниями. Я тоже любил самолетики, и мы с ним часто спорили, потом привлекали кого-то со стороны, лезли в журналы... Заруба шла на уровне «ТУ-154» и «ТУ-1546». И это интересней, чем просто тупо выпивать.

И я хочу сказать, что очень любил Майка и ценил за то, что у него всегда были эти игрушечки. Для мужчины вообще очень важно эти игрушечки иметь, для женщины, может быть, важнее детей воспитывать. И чем игра будет запутанней и непонятней для окружающих, тем лучше и интересней. Он не играл по законам шоу-бизнеса: взять стадион, чтоб на каждом столбе твоя афиша... А играл в какую-то свою игру и был беззащитен. Ведь все эти менеджеры, организаторы - это все средства защиты, чтобы отгородиться. А у него никогда ничего этого не было...

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ. Март 1993 г.

Помню, много лет назад мне пришла в голову мысль, что, может быть, напрасно мы доверяем истории право выбирать, кого оставить в памяти потомков, а кого обречь на забвение.

То есть, если, скажем, мы помним Баха, то это совсем не значит, что действительно не было ему равных среди современников - срабатывает масса случайных деталей, и вот мы помним Баха (или, скорее, его имя) и ничего не знаем о людях, живших и творивших рядом с ним.

К сожалению, жизнь подтверждает мою версию. Помнят, скажем, блестящего Высоцкого, но почти не помнят гениального Галича, даже не хочется продолжать.

Боюсь, лет через десять Майка почти забудут - останется он в памяти нескольких друзей-музыкантов. История вершит свой несправедный суд. И ничего тут не поделаешь.

Мы познакомились в конце 70-х на маленьком акустическом сейшене в Москве. Подошел к пульту тихий, необыкновенно интеллигентный человек с большим носом и в темных очках. Долго и вежливо объяснял звукорежиссеру, какой бы он хотел звук. Потом вышел на сцену, и вдруг в лице его что-то изменилось, нижняя челюсть выехала вперед, и с удивительно неприятными интонациями он затянул «Ты дрянь...».. Очень мне не понравилась такая метаморфоза. Был я тогда поборником тотальной чистоты и считал, что если человек в жизни один, а на сцене корчит из себя что-то другое, то, значит, в одном из двух случаев он врет. Ну, такой вот детский максимализм. Артем Троицкий, правда, случившийся на том же концерте и подглядевший мою реакцию, родил легенду, будто с той поры сделались мы с Майком непримиримыми идеологическими противниками. Простим ему эту неправду.

Уже год спустя, услышав Майка с «Зоопарком», я стал их фаном, а с Майком мы подружились. Развивался я, видимо, постепенно. Если, например, «Битлз» принял сразу и во всем, то на «Роллингов» ушло довольно много времени, не мог я отделаться от чувства, что они тоже хотят, как «Битлз», но не могут, не получается у них: и поют фальшиво, и играют как-то не так. Даже записал их сперва с целью заводить друзьям после «Битлз» и показывать, как не надо петь. А просто «Битлз» застилали все глаза, заполняли все уши, и не желала душа принимать какой-то иной эстетики.

Типичная слепота влюбленного. Это, слава Богу, временное явление. Оказалось, «Роллинг Стоунз» имеют право на то, чтобы их судили по законам их эстетики. С Майком у меня вышло примерно тоже самое. Это я не в порядке оправдания (не в чем) - просто есть люди, которые искренне не могут понять, как это мне не понравились песни «Зоопарка», а потом вдруг раз и понравились. Не обо мне речь. С Майком было славно гулять по ночной

Москве в конце весны, пить теплый портвейн из бутылки, сокрытой в бумажном пакете, неожиданно заходить в гости к друзьям. Мы почему-то чаще виделись в Москве, чем в Питере. Майк оказался абсолютно настоящим во всем - от него шло тепло.

И, конечно, он был самым нашим рок-н-рольным рок-н-рольщиком. Ибо достоинство в этом жанре определяется, на мой взгляд, не вокальным или инструментальным мастерством, а наличием энергии, которая через рок-н-ролл, как через провода, перекачивается в зал. Энергия не может быть искусственной или фальшивой. Она или есть, или ее нет. Поэтому меня воротит, когда я читаю искусствоведческие изыски о достоинствах, скажем, майковской поэзии. Ни черта эти люди не слышат и не понимают.

И еще, по-моему, Майка любили. Все, кто с ним работал, дружил или просто был знаком. Вот и все.

На наше двадцатилетие в 1989 году грозило приехать много питерских команд. А приехало всего две: «Секрет» и «Зоопарк».

«Зоопарк» выступил неудачно - что-то не получилось у них со звуком, и в сборную пластинку фирма «Мелодия» их выступление не включила.

Больше мы не виделись.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ А.ЛИПНИЦКОГО С АНДРЕЕМ ТРОПИЛЛО 02.02.91. «Рокси» N 16, 1991.

Л: А в чем причина, как бы поприличней слово подобрать... угасания Майка?

Т: Пьянство.

Л: Просто пьянство?

Т: Да, просто пьянство, попытка быть не хуже других.

Л: Расшифруй...

Т: Понимаешь, я всегда считал Майка отцом русского блюза. Не ритм-энд-блюза, а именно блюзового начала. Майк всегда был мне интересен именно своей естественностью. И когда у него появился барабанщик Кирилов, у него появилась группа, послушная ему. А на самом деле единственный человек, который был нужен ему для его музыки, это его гитарист Шура Храбунов. В паре они делали ту музыку, которая могла совпадать с личной харизмой Майка, что-то в стиле «10 лет спустя», их лучшего периода пластинки «Ватт». Кирилов, конечно, хороший парень, но он был трубочистом, и от этого ему не уйти (хохот).

Л: Почему же, хорошая вторая профессия для рокера...

Т: И он ей очень гордился, но, тем не менее, появились в «Зоо» какие-то кондовости. Майк решил, что ему нужны деньги, что он должен зарабатывать себе музыкой на жизнь. Он, конечно, никогда не ставил себе задачи заработать какие-то суперденьги, но вот эта мысль, что, мол «я не хуже других»... А на самом деле он чувствует, что он хуже. Майк мне всегда очень нравился. Я помню картинку, что-то вроде дня рождения Гребенщикова. Какая-то квартира, какие-то ублюдочные девочки по стенам, пьют, курят, все, как полагается. Картошка в мундире, бутерброды, намазанные кетчупом. Все выпили водки. А у Майка очередной приступ игры в хорошего семьянина. И вот его очень милая жена Наташа... Он уходит и говорит ей: «Ты пойдешь домой!». Она: «Нет, не пойду». Он ее тянет. Наташа вцепляется в косяк двери, а Майк отрывает ее пальцы по одному. Это надо было видеть! (хохот). Майк весь в этом. Или их ребенок... Они закрывали его, как попугая, какой-то тряпкой, чтобы он в темноте засыпал. Вокруг бухалово идет, мальчик раскрылся - голос Майка: «Закрой, задраить!» И тем не менее... Майк до сих пор слушает Волана, на

самом деле он не сдался. Он, может, и потопляем, но он на самом деле не утонул. Он может возродиться, если с ним нормально поработать, очистить от коммерческих струпов, клещей присосавшихся, от которых он нормально ходить (жить) не может.

Коля Васин

Майк есть Майк. Каждый из нас неповторим, а особенно артист, конечно. У него свое лицо, своя судьба, свой рок, свой ролл, свое лицо, свое подлицо, свое залицо. Что могу сказать? Любил я его одно время. Со страшной силой. Были мы братьями по духу, и встречи наши превращались в праздник. Любил я его до паранойи. Был период, когда я просыпался с мыслью: «Надо позвонить Майку». Надо его увидеть, надо срочно с ним выпить и только с ним.

Познакомился я с ним на Ржевке где-то еще в конце семидесятых. Он приехал ко мне со своими записями, с целой катушкой, не помню сейчас, какие песни там были. Но помню одно - то, что мы послушали вместе, мне не очень понравилось. Я ему говорю: «Мне не нравится твой голос». А он мне ответил очень благородно: «Мне тоже он не нравится». Вот так я услышал его первые песни. А дома у меня он пел очень редко. Некоторые музыканты, с которыми я дружил, постоянно пели у меня дома, а он буквально раз или два, и то надо было его упрашивать. Майк, конечно, был гармоничной фигурой, он был честным человеком и честным артистом. И жил он в гармонии с внешним миром, и то, что было у него снаружи, то было и внутри, наверное. Поэтому, может быть, мы его и любили, потому что он был таким... натуральным, что ли. Он был естественным человеком, у него не было претенциозности, и какого-то выпендрежа у него никогда не было. И на сцене, и дома, он был примерно одинаковым, и поэтому он был хорош. Все остальные наши музыканты, конечно, на сцене одни, а в жизни другие. Это стало аксиомой - артист есть артист. А он не был артистом, он был просто нормальным человеком, который чего-то там сочинял, какие-то удачные или не очень удачные вещи.

А в последнее время я от него как-то отошел, потому что стал замечать за ним фальшь. Фальшь выражалась в том, хотя бы, что он, например, так прикалывался на своем «чпоке». Он водку смешивал с «Пепси-колой», накрывал стакан рукой, взбалтывал об колено и залпом выпивал. И как он ни приходил ко мне в гости, обязательно делал этот «чпок». И так намеренно, так нарочито, демонстративно, что я подумал: «Куда-то ты не туда идешь, Майк».

Потом, эти очки его вечные - «я без очков не снимаюсь». Вот прикол! У меня, например, как-то дома оказался фотограф и хотел снять Майка. «Нет, нет, подожди, я сейчас надену очки». Вот эта маленькая фальшивинка

в нем последние года два появилась. И потом, он стал как-то плохо выглядеть, много пить, мало есть. Вот характерный момент. Пьем бутылку с ним. Я бегу на кухню, делаю закуску - две одинаковые тарелки ему и себе. Выпили. Моя тарелка пуста, я вылизываю. Я люблю свои закуски, свою пищу. Он же не притрагивается - откусит кусочек хлебца, и все. Вот это меня всегда удивляло в нем, и однажды я даже сказал ему - как на духу могу повторить, за два года до того, как он покинул нас: «Ну, Майк, кто из нас первый загнется - ты или я?» Уже тогда были видны неприятные признаки: у него начинали трястись руки, он заговаривался, вел себя как-то так отстраненно и неуправляемо. Но тогда, в середине семидесятых начале восьмидесятых он был просто так хорош, так энергичен, так талантлив, так желанен всегда и в моем доме, и на сцене, у публики. Я чувствовал в нем силу жизни, энергию жизни и радость жизни. Конечно, этот период останется в памяти. Это был период «Уездного города N», подъем, это мой любимый альбом, и я ему говорил об этом.

У Майка как-то вырвались слова: «Я боюсь жить». В некотором смысле он боялся жизни, боялся вот этой всей телеги, бессмысленной, бедной. «Бедность» - это его откровение. Коммуналка, эта вся говнистость жизни, она как-то влияла на него, приводила его к паранойе, к состоянию несопротивления. Он действительно сидел на белой полосе - вокруг все бежали, ехали, летели куда-то, шустрили, а он сидел на белой полосе, то есть плыл по течению. И вот, мне кажется, его погубило то, что он жил, как живет. Это было его проповедью, это было его музыкой, его философией, и он пил, как пьется, ел, как естся, и ничего не делал для того, чтобы спасти душу, спасти жизнь, поверить в Бога, найти Бога. Он не искал Бога, и это его погубило, на мой взгляд.

Потом, у него было очень много приятелей, особенно с периферии. И что меня особенно напрягало в этих людях, это то, что они постоянно приходили к нему с бутылкой и не с одной, поили его, буквально, с утра до вечера. Ну и последней каплей стали, на мой взгляд, те деньги, которые он получил за свою пластинку за несколько месяцев до кончины. Он, конечно, злоупотреблял и деньгами, и алкоголем. И все это привело к тому, что сердце его не выдержало. Он сломался. Все одно к одному шло. Иногда мне кажется, что все произошло так, как он хотел. Наверное, ему действительно все надоело, и он занимался только разговорами о музыке, о группе, о новом подъеме. Когда я ему говорил, что он творчески кончился, валяет дурака, киряет только, он серьезно не обижался. И когда он приходил ко мне в последние месяцы и спрашивал: «Колька, у тебя нет заначки, чего-нибудь кирнуть?», я всегда отвечал, что нет, я тебе не налью, хоть у меня и

было. Все это начинало раздражать, и в последнее время мы стали видаться, редко. Хотя последняя наша встреча была буквально за два дня до кончины. 24-го августа у меня был день рождения, а 25-го утром мы с ребятами, которые остались у меня ночевать, пошли в бар «Жигули» попить пивка. И Майк туда пришел. Он был уже настолько плох, был темен лицом, отеčen, руки тряслись. Он попил пива умеренно и говорит: «Я выйду покурить». И не вернулся. Мой дружок, который с ним выходил, сказал мне: «Майк просил передать, что ему худо и он пойдет домой». Больше я его не видел. Такие вот дела. Мне кажется, что он не сопротивлялся тому, что происходило, и не особенно хотел жить. Наверно, тут и известные события сыграли свою роль. И все-таки очень жаль...

А группа «Зоопарк»... Временами они меня заводили, временами были очень хороши. Они могли делать драйв, они могли делать такой звук «перекасти-поле». Группа у них, конечно, была классная. Но, я повторяю, эта гнильца, которая появилась в последние годы, этот кир непрерывный - все это мешало им работать творчески. Этот кир их, он меня просто до изумления доводил - настолько они увлекались этим, друг перед другом выпендривались.

Группа была очень хорошая, но какая-то ограниченная. Ограниченная по стилю, по звуку, у них был потолок, выше которого они прыгнуть не могли. И не от лени, а от ограниченных возможностей таланта. Талант - это всего лишь талант, а гений - это уже общение с Богом. Вот общения с Богом у них не было. Майк любил заниматься философствованием, а поисками Бога в душе он не занимался. И это, отчасти, тоже погубило его. С Богом в сердце люди живут вечно во всех смыслах, вера приобщает к жизни вечной, люди находят свой рай, рай души, успокоение души. И поэтому вера в Бога помогает людям выходить из крайних ситуаций, спасать свою душу и тело, да и другим еще помогать. Майк отверг для себя этот выход. Мне запомнилась одна его фраза - мы шли с ним по улице, он спешил к Кирилову, и вдруг, переходя Лиговский, он мне говорит: «Слушай, Колька, а ведь разьебайство - самая лучшая форма жизни на земле». И вот эта лучшая форма жизни обернулась для него формой смерти.

К Майку я стремился. Это был человек, с которым можно расслабиться. Помню, мы слушали Высоцкого, я посмотрел на него - у него, как и у меня, были слезы на глазах. Он был душевным человеком - самое главное качество, которое меня в нем привлекало. Он чувствовал музыку, был открытым, и очень хорошие, добрые флюиды от него исходили. Это самое главное.

Александр Липницкий. Великий неудачник.

Нас познакомил, разумеется, «Аквариум». Уже не припомнится, кто первый - Фан, Дюша или Борис - привез в Москву первую запись потрясающей песни. «Дрянь» так и осталась для меня визитной карточкой Майка. Песня эта сразу стала популярна в столице. На расспросы об авторе аквариумисты отвечали с загадочными улыбками: «Так, один наш приятель. Маленький, но сильный. Мы его в следующий раз захватим живьем». И они не обманули. Московская премьера Майка состоялась в 1980 году на Варшавке. Артему Троицкому вполне удался тот подпольный сейшн. В зале сотни людей - крутейших представителей богемы от Петрушевской до Олега Осетинского *к ним я еще вернусь ниже*. На сцене сменяли друг друга киты: «Машина Времени», Константин Никольский, Виргис Стакенас из Литвы и уже прославленный тбилисским скандалом «Аквариум». И вот тут-то и произошло самое главное. Борис вежливо уступил микрофон небольшому угловатому пареньку со знатным «шнобелем», и под аккомпанемент «Аквариума» Майк запел свои песни.

Метаморфоза приключилась в жизни моего друга. Насколько медленно и тягостно он прожил свои последние 2-3 года жизни и как стремительно, за какие-то 20 минут, на наших глазах взошел к славе. На моей памяти Майк был единственным артистом, кого Москва приняла сразу, безоговорочно. Он стал нашим любимцем. Чуть позже Майк укрепил свой успех триумфальным электрическим концертом уже с «Зоопарком» в ДК Москворечье. И я там был, мед пиво пил. Мы еще не были друзьями, и к панк-року я относился настороженно *возраст, черт возьми*. Но «Blues de Moscou» вкупе с «Madness» быстро привели меня в чувство, вернее омолодили. И вот уже с «Зоопарком» Майк завалился на Каретный ряд. От меня только-только съехали родители, забрав всю мебель. Остались голые стены и пара раскладушек. Мы сидим с Майком на полу, пьем сухое вино и слушаем пластинку «Chuck Berry on stage». Майк был уязвлен тем, что мне было ясно давно, а именно: живая запись концерта в Чикаго 1963 года является лучшей у Чака. Но со второго раза Майк оценил альбом, а в результате и его владельца. Мы поняли друг друга.

Поначалу в Москву Майк приезжал чаще без группы: с квартирными концертами было проще, чем с электрическими подпольными. И хотя Майк

в меньшей степени, чем Б.Г., Цой или Рыженко, любил петь без группы, в акустике, я нередко слушал его на разных московских квартирах, часто в компании с вышеперечисленными друзьями. У меня сохранилась милая запись с Каретного - Майк впервые поет «Гопников». Я помню, что про себя был немного удивлен словами песни, собственно, большого отличия от гопников у аудитории «Зоопарка», да и у «Звуков Му» не было. Кто мочится в наших подъездах? А кто не мочится? Ну, это к слову.

Майк всегда был менее легким на подъем, чем коллеги по гитарах. По мнению Б.Г., это его и сгубило. Он реже приезжал на культовые просмотры первого видика ко мне в гости. Но помню уже в середине 80-ых Майк специально отправился с Натальей в Москву смотреть «Blues Brothers» - это был его фильм!

*Репетиция в
коммуналке.*

*Фотограф Толя
Азанов - уже пьян.
Кадр нерезкий. Но
больно теплая
компания: Майк,
Липа, Саш-Баш, Цой.*

Для меня важно, что первый раз в Питере мы сыграли именно с «Зоопарком»! Это был уже 1986 год, зима. Затравленному со всех сторон в официальной прессе «Зоопарку» на этом концерте в ЛДМ должны были присвоить «тарификацию» - разрешение на платные выступления по тарифу. Майк волновался, придут ли члены комиссии. Какая-то в тот вечер стояла в воздухе засада, из-за этой советской идиотской лжи - «тарификации», мать ее! Публика это отлично чувствовала, и после того, как мы с «Му» отыграли в первом отделении со сдержанным успехом *только «Цветы на огороде» выправили концерт*, с «Зоопарка» народ повалил из зала. От комиссии и от всей этой гнусной процедуры шел

душок.

После смерти Миши я однажды поспорил с Рыбой *Рыба - это Алексей Рыбин*. Тот стал всячески возвеличивать покойного, используя превосходные эпитеты, самым скромным и самым употребляемым из которых был «звезда рок-н-ролла». Это - неправда. Майк не стал звездой в силу элементарного: расположения звезд над своей головой. «Звезды» в миру - это везунчики. А Майк - неудачник. Даже при том, что я никогда пристально не следил за его жизнью *за творчеством еще как следил!*, и козе было понятно, что ту что-то не так. Все играют уже на эстраде, а Майка вместе с Цоем умудряются повинтить на квартирнике в Киеве; уже выходит «Red Wave», и весь Питер засыпан благотворительными грузами от Джоанны *колготки, жвачка, струны, гитары и др.*, а Майк, наряду с Б.Г. лучше всех знавший английский и западную музыку, даже носа не высунул за границу. Я могу продолжать до бесконечности. Так, его любимый музакант - басист «Зоопарка» не вылезает из тюрьмы, причем по самым нелепым поводам. Последний раз - за кражу мяса с мясокомбината!? Помню сакраментальную фразу Майка: «Зоопарк» никогда не будет играть с человеком, пытавшимся вынести мясо через проходную». Ясно, что стоило тогда Илье выкрутиться, ему бы опять все простили, ведь лидер «Зоопарка» имел самую добрую душу из всех, когда-либо мне повстречавшихся в жизни. Хотя это уживалось с мелочностью. Майк, к примеру, очень не любил, когда его гости приходили к нему без ритуальной бутылки. Иных даже наказывал изгнанием.

Иногда мне кажется, что немилость судьбы для Майка была определяющим понудительным моментом в его творчестве. «Выстрелы в спину..» - Майк никогда не искал их. Но посудите сами: отлично организованная Сергеем Соловьевым в Москве «АССА»; «машина обгоняет машину»; каждый вечер на эстраде лучшие русские группы. «Зоопарк» за боевые заслуги ставят в главный день на торжественное закрытие акции, и что же? Директор клуба МЭЛЗ, не выдержав бесконечного заключительного джем-сейшна с «Аквариумом», «Му» и «Зоопарком», подбегает к артистам и грубо вырывает микрофон из рук певца. На сцене человек двадцать. Угадайте с трех раз, на ком закруглилась «АССА»? Правильно - на Майке. Он тогда крепко, в очередной раз обиделся на москвичей и недаром посвятил им, то есть нам, грубиянам из большой деревни, пару желчных остроумных песенок. Но часто москвичи его и восхищали, в частности, размерами. Как-то, летом 1981 года мы оказались в большой компании у меня на даче на Никулиной горе. На мой день рождения забрел сосед Никита Михалков. Мне не забыть восторга

маленького «мальчика Майка» перед всеобъятностью русского барина. Миша радовался новому знакомству больше, чем его друг Дюша принесенной Никитой выпивке.

Майк очень любил Артема Троицкого за московский снобизм и самоуверенность. Словом, его привлекали в людях те качества, которых ему самому недоставало - силы, хватки к жизни. Ведь определяющим качеством Майка была нежность. Та самая русская нежность с интонациями Татьяны Дорониной из «Трех тополей на Плющихе». Эта уникально настроенная струна его души позволяла ему пить на троих с проходимцами, но не позволяла идти на компромисс в главном. Поэтому Майк остался едва ли не единственным королем эпохи андерграунда, так и не попавшим в сети нового русского шоу-бизнеса. Как и Башлачев, Майк всем своим строем был человеком социализма. Приставка «бизнес» к его песням и его голосу ну никак не подходит. Но жизнь примирила его с оппонентами и по этому предмету. Скажем, был момент, когда он и Макар взаимно невзлюбили друг друга. Андрей, как и я, поначалу не понял идей «новой волны», а Майк был обозлен на «Машину» за ее капитуляцию перед законами «совка» в 80-е годы. Позже они все друг другу простили, и «Зоопарк» даже успел поучаствовать в праздновании 20-летия «Машины».

Во время того приезда в Москву и произошла наша с ним единственная размолвка. На другой день после концерта в Лужниках у «Машины», «Зоопарк» всем составом захотел прийти на наш концерт в МДМ. То был конец мая 1989 года. Тусовка была очень интересной: музыканты добивали стену апартеида в Южной Африке. Приехал сам Фред Фрит, «Keep the Dog» и все московские звезды альтернативного рока плюс «Не ждали». Я честно послал администратора в условленное время на служебный вход дожидаться Майка со товарищи. Они так и не появились. Я был сильно удивлен ночным звонком совсем уже пьяного Майка. Он наговорил мне кучу обидных слов типа «зазнались вконец и вы» («Му» только что приехали из Англии с первым СД), «больше он со мной дружить не будет». И бросил трубку.

Наутро я с трудом разыскал его и строго спросил: «Когда и куда они, якобы, приходили на концерт «Звуков Му»?» Майк не смог этого вспомнить, засмутился, и мы обо всем забыли. Вообще, о пьянстве этой группы ходили легенды. В некоторых я участвовал, но более красочным мне представляется рассказ нашего младшего товарища из группы «Аукцыон» Лени Федорова, который однажды поведал мне эту историю в поезде Москва-Петербург: «Зоопарк» были нашими кумирами, и когда «Аукцыон» поставили первый раз играть в одном концерте, для нас это

было событием. Мы должны были выступать сразу после «Зоопарка», который отыграл свой «сет» уверенно и лихо, как всегда. Под чужие аплодисменты мы вышли настраиваться на сцену, и тут произошла заминка. Басист «Зоопарка» застыл, как окаменевшая жена Лота, и никуда не собирался уходить. На слова не реагировал. Кончилось это просто: какие-то люди подошли к нему из-за кулис, сняли через голову гитару и, слегка приподняв, унесли со сцены. Это была фантастика. В таком состоянии и так блестяще отыграть - комар бы и носа не подточил!» Однажды я был сильно озадачен своеобразным и сверхрациональным подходом «Зоопарка» к карманным расходам. Я повез их на какой-то концерт в Москву, во времена еще застойные. Ехали, конечно, в плацкарте, но белье всей группе я все же купил. Что тут началось! Больше всего меня поразило единодушие в оценке моего поступка: «Как ты мог истратить шесть рублей на эти ненужные тряпки, вот и пей сам свои простыни!» И это всерьез! Даже потом, когда дела вроде выправились, появились пластинки и гастроли, Майк так и не смог побороть в себе синдром нищего. Помню, как он каждый раз, выпив у себя на Боровой, с гордостью хвастался своей новоприобретенной гитарой, а к концу второй бутылки начинал осторожно интересоваться, нет ли у меня на нее покупателя. И при этом - «у советских собственная гордость» - он ни разу не шагнул навстречу «мажорским» акциям Джоанны. Навсегда запомнил его фразу о «Поп-механике»: «Не понимаю, чем там занимаются мои коллеги из рок-клуба? Сережа - большой музыкант, а нам-то что делать с ним на одной сцене - трень-брень на гитаре?»

Я обещал вернуться к Петрушевской. Людмила Стефановна написала эссе о Майке еще в начале 80-х. Оно так и осталось неопубликованным, и замечательная московская писательница не смогла отыскать его в своих архивах. На мои просьбы постараться повторно рассказать о своих музыкальных впечатлениях о песне Майка «Сладкая N» (а смысл эссе был, кажется, в том, что Майк в этой песне создал новую энциклопедию русской жизни), Петрушевская ответила отказом, присовокупив: «Он был самым лучшим».

Я не раз беседовал о Михаиле с БГ. Однажды на радио Борис разговаривался очень интересно в том смысле, что провинции Майк дал больше всех, и именно его песни совершили переворот в умах тамошних рокеров. Всем этим дотоле безвестным мастерам уездных российских городов N Майк дал возможность поверить в себя. Его романтическая окрыленность и вера в то, что все рокеры - люди одного круга, вдохновляла наших доморощенных гуру из Бобруйска и позволяла им чувствовать себя

почти вровень с Лу Ридом, Бобом Диланом и Марком Воланом. «Поэтому, - заключил Борис, - песни Майка были главнее моих, скажем, для уральских рок-н-рольщиков».

И на дорожку последняя смешная история. Ее рассказал Борису Юра Шевчук. После похорон Майка, во время плавного перехода от атмосферы скорби к вопиющему празднованию (вполне в стиле новоорлеанских ритуальных мистерий с танцами на улицах) ДДТешники с друзьями оказались посреди Невы на пароходе. Когда судно поравнялось с «Крестами» (старейшая петербургская тюрьма), Юра бросился в воду, чтобы организовать побег всем несправедливо осужденным узникам. День был прохладный, вода в Неве холодной, и Юрий почувствовал, что тонет. Но в самый последний момент, когда он уже шел ко дну, откуда-то сверху его ухватила крепкая длань, и он услышал повелительный голос Майка: «Тебе еще рано помирать».

Действительно, наш друг был маленьким, но сильным человеком. Я за него спокоен.

Василий Соловьев

ЧАСТЬ МИРА, КОТОРОГО НЕТ

27-го августа 1991 года в Ленинграде умер Майк Науменко, один из главных людей питерского рок-андерграунда, лидер группы «Зоопарк». Сейчас уже сложно объяснить, кто был этот человек - если есть еще кому, если кому-то еще могут пригодиться эти объяснения. Без горькой нотки, с прохладцей: если кому-то это нужно. Потому что прослушать Майка - это все равно что перелистнуть старые брежневские газеты: настолько этот человек внутри тогдашнего времени. Но кому нужны вчерашние газеты? И все-таки здесь что-то не так.

Потому что, помнится, я презирал газету «Правда» и любил Майка. И это есть точка отсчета.

Ныне река Забвенья переживает свой разлив. Не нам гадать, что, бывшее нам вином и хлебом, подберет внимательный потомок, не нам гадать, когда случится отлив, и что останется лежать на песке, а что будет всосано в себя поднявшимся илом, и найдутся ли хранители, пока же нынешний культурный процесс можно описать так: Лета Поглощающая воистину ненасытна. И тут уж не до Майка, это точно. И тем более не до разглядывания старинных фотографий. И все-таки...

Попробуем плюнуть на эпоху, выйти из ее потока; попробуем взглядеться в одно человеческое лицо: в песнях Майка таится что-то очень интересное, что-то живое, тонкое, неявное. И добраться до этого прямо-таки жизненно необходимо. Как выплыть из Леты и ступить твердой ногой на твердую землю.

Смерть Майка укладывается в классическую формулу подобных смертей: Майк умер вовремя.

Каждому поколению суждено пережить свой век, свой миф; думаю, люди с декабристскими умами после 1825-го года представляли из себя не менее грустное зрелище, чем замолчавший на исходе 80-х Майк, скрывшийся за стеклами темных очков.

Здесь можно писать о многом; о том, что любая прививка европеизма, полученная от Байрона ли, от Гете или от Мика Джаггера, неизбежно ставит особую русскую печать «лишнего человека», превращая не в меру отзывчивого славянина в «европейца в русских снегах». И не так важно: бюстик Наполеона на письменном столе или плакат Марка Болана на стене

котельной.

Года с 86-го новых песен от Майка не шло, группа худо-бедно влачила гастрольное существование и жива была золотым запасом старых хитов, позади остались рок-альбомы, одни из первых в нашей стране, позади остались призы на питерских рок-фестивалях, квартирные концерты, все, что кипело в Питере 80-х, короче позади остался ленинградский миф. И наверное, петь стало некому и незачем. Майк остался один, без слушателя, на ничейной земле.

Что происходило с ним на этой ничейной земле - об этом я лишь догадываюсь, и об этом я буду молчать.

Есть один факт: как творческая единица он не пережил своего времени.

Да и как его пережить, когда даже на уровне своих текстов Майк бессилён вырваться из времени: он постоянно смотрит на часы. Вот его песни: слепок дня или ночи, портрет ночной депрессии или утреннего кайфа, описание гастрольного вояжа или поездки в пригород, рок-н-рольный отчет о несчастной любви. Даже слово «описание» не годится: просто Ночь, Утро, Лето, Пригородный Блюз. Песни так и начинаются: «я проснулся днем, одетым в кресле», «сегодня ночью где-то около трех часов», «я посмотрел на часы: было восемь-ноль-одна», с указания точного времени

Собственно, песни Майка - это вырванные из времени куски его, живого мяса.

И смерть свою он так бы и спел: «Август, Двадцать Седьмое, я вдруг почувствовал себя крайне странно..».

Когда в начале гласности из андерграунда на свет торжественно явились «рокеры всея Руси», Майка нигде не было видно. «Зоопарк» не попал в ту обойму, которую условились называть «рок в СССР». Возможно, это неточность моего сознания, но Майка не было. Поставить свои песни на устойчивую коммерческую ногу Майк не смог (не захотел). В период разъездов группа так и не побывала ТАМ. Невозможно представить себе Майка, преуспевающим в мире шоу-бизнеса. Карьера, как таковая, в любой области, включая музыкальную - это уже не Майк. Выразусь языком политической экономии, которую Майк наверняка проходил: «Налицо абсолютное противоречие между интимно-частным характером деятельности Майка и внелично-анонимным характером поп-индустрии».

Я знаю, что это такое: это когда приносишь рукопись в издательство, ее пролистывают, о чем-то спрашивают, а тебе хочется провалиться сквозь землю. Почему так? Тут я вспомнил слова их менеджера Севы Грача,

сказанные после выхода альбома «Белая полоса»: «На «Мелодии» мы больше не будем записываться - обстановка нерабочая: ни покурить, ни матом ругнуться».

Это к вопросу о соотношении поп-индустрии и ленинградского мифа, то есть «нормальной жизни», как сказал другой представитель питерского андерграунда. Да, я хочу вспоминать то, что я любил.

И интонация, самый приспособленный для хранения времени сосуд, не дает трещин.

*Многие отмечали, что к концу жизни Майк стал похож на
Рэя Орбисона.
Фото Олега Беликова.*

Я даже не знаю, как назвать то, что делал Майк со своим голосом: слегка ломал его, чуть гнусавил, обильно добавлял носовые звуки, и эта

«ложноклассическая» интонация словно слегка защищала его от чего-то чуждого, чужого, внешнего; она словно ставила какие-то эфемерные, толщиной в папиросную бумагу заслоны между Майком и окружающим миром, столь тесно обступавшим обидчивого Майка. Воссоздавая в себе эту интонацию, я тут же вспоминаю этот непередаваемый на язык кайф майковских песен: немного самоиронии, немного безгливости относительно невзрачных, замызганных и абсолютно фатальных пивных ларьков, и, конечно, особые ленинградские понты жителя прекрасного города, какая-то последняя капля воспоминания об открытой всем морям имперской столице - жителя, понуро и в то же время чуть презрительно бредущего по разбитым мостовым и созерцающего увечных атлантов и отколотые кариатиды.

Этакий позднеленинградский коктейль из легкого отчаяния и легкой бравады.

На Башлачевском Мемориале, в Москве на исходе 88-го (говоря о Майке всегда нужно держать в уме точное время), Майк пел свой «Блюз де Моску». Там есть строчки: «И барышни в столице милы, но не для нас. Они не любят звезд панк-рока, идут в сплошной отказ».

Майк верно почувствовал, что этот понт уже не годится, стадион его не примет, не поймет: какие к чертям «звезды панк-рока» в Москве-88, где и так «панк-рока» хоть отбавляй, и Майк спел как-то по-другому, не помню.

Это была одна маленькая, но наглядная клеточка того организма песен, который разрушало время. На этом участке стало видно всесильного Разрушителя, который именно так, строка за строкой, шаг за шагом, рушит статуи, вычеркивает слова из песен, уничтожает сами песни. И видимо, к 91-му году от Майка не осталось ничего.

Ничего, что бы он смог спеть с убеждением: это мое, пошли вон, дураки. Похоже, его не трогали свои старые песни. Но что самое интересное: это лишь мнение автора, потому что что-то все-таки осталось.

Остаться могут вещи, сделанные вопреки времени, то, о чем говорят: это еще и внукам нашим послужит.

Такая вещь делается добрыми умелыми руками, и время ее не тронет, долго не тронет. И, кажется, у Майка они есть.

Хотя, конечно, у группы «Роллинг Стоунз» их значительно больше. Но сами они чуть дальше.

Начать надо с того, что мне кажется главным: Майк не был артистом.

Назвать его артистом музыкального жанра как-то и язык не поворачивается: слишком личные и обнаженные песни, слишком полное отсутствие какого-либо имиджа.

Имидж - это на современной научно-критической фене; по старому - личина, «накладная рожа». То, что стало нейтральным описанием сценического облика артиста, в свое время имело бесовской оттенок. Это так, к слову. Майк же артистом не был и имиджа себе не создал. А имидж как раз и есть то, что остается после физиологического исчезновения артиста, в коллективном сознании. Цой оставил после себя Героя-Воителя, БГ выпустил в мир Вестника, Кинчев дал Бунтаря, Сукачев - Взбесившегося Водопроводчика. Майк же не оставил после себя ничего. В том и заключалась его уникальность, что он сумел выстоять на сцене таким, как есть, без «накладной рожи», спеть ни о чем и уйти в никуда. Был человек и прошел человек.

Что от него осталось? - конечно, пластинки, которое печатают и будут печатать, несколько кадров из фильма «Йа-ха», несколько шедевров локального значения, сдержанные интервью - их не сравнить с искусной прозой ритора БГ или полетами фантаста Курехина - достаточно ли всего этого, чтобы остаться в коллективной памяти?

Что бы не говорили про то, что человек наедине с собой и с друзьями - это одно, а на сцене - все-таки что-то другое, случай Майка как раз тот случай, когда артист и человек совпадали. За то и давали призы на фестивалях «за зрительские симпатии», за то и любили Майка - достаточно перечитать тогдашнюю рок-прессу.

Лирический герой песен Майка - сам Майк, его прямая речь, его жалобы, унытье, претензии, победы, поражения, поза... (в отличие от некоего «символа человека» БГ).

Да, вместо имиджа была поза, неловко прикрывающая какую-то рану, поза, насквозь просматриваемая: поза неудачника и позднего аристократа («от портвейна» - можно добавить), разочарованного, усталого, разбитого настолько, насколько может быть разочарован Холден Колфилд, в тридцать лет не изменивший своим дурацким мечтам и за решением вопроса: «почему же мир хуже меня?» так и не повзрослевший.

Если БГ - это умный и светлый ребенок из ниоткуда, то Майк большой обиженный городской ребенок, которому не купили игрушку, машинку, грубо взяв за руку и отведя от сверкающей витрины.

Но воспоминание об этой «витрине», запрятанное глубоко-глубоко, в лучших его вещах оживало: отстранением, что ли от окружающего, или какой-то спрятанной в себе улыбкой, я не знаю.

Сначала были «Все братья - сестры» - 78, альбом совместный с БГ. Фотография Билли Усова запечатлела их втроем в обнимку: Майка, Боба и желтый однотомник Дилана - «Кастальский Ключ». Откуда-то отсюда

начинает завязываться вся смысловая материя питерского рока. Боб Дилан, Великий Акын Соединенных Штатов, предложил чудесные тексты - высокий рок-хаос, так можно обозначить то новое состояние мира, которое есть эти тексты.

Итак, молодой рок-переводчик Дилана в эпоху расцвета Империи Зла (очень бардачной). Конечно, это задача для рок-музыканта, потому что рок-перевод делается не с бумаги на бумагу, а с голоса на голос, с кассеты на кассету, на бумаге рок-смыслы невозможно перевести.

А что петь в эпоху Империи? Конечно, портвейн, девочек, личные суицидальные наклонности, дымящуюся сигарету или папиросу. С Империей ничего не случится, и пусть ее описывают заезжие французские путешественники, для коих она представляет этнографический интерес. Для нас интереснее что-то другое. Например: ввести солнце молодежной революции в русский язык, что-то изменив в его составе, и дать новые по духу песни, которых на русском еще не было.

Остановлюсь на одном из майковских шедевров с этого альбома - «Детке». Песенка, как ей и полагается, проста до безобразия: рок-герой, а именно сам Майк, ибо без подстановки на место рок-героя вечно жалующейся личности самого Майка песня рискует остаться без главной изюминки, провожает до двери девушку, накидывая ей на плечи «свой старый макинтош»:

Я спел тебе все песни, которые я знал,
И вот пою последнюю, про то, что кончен бал,
Про то, что одному быть плохо, что лучше быть вдвоем,
Но я разбит и слаб, и я мечтаю об одном...
О чем - попробуй, угадай -
О, ты права, чтоб ты сказала мне: прощай, детка, прощай...

Для меня это замечательное создание на тему «Жизнь есть Иллюзия», одно из самых легких и прозрачных воплощений Майи в мире советского рок-н-ролла. В песне нет интеллектуальных ходов, и, упаси Господи, никаких буддистко-кришнаитских цитат, но почему-то именно это индуистское понятие - Майя, Великая Иллюзия, просится на язык. Песня невесома: только легкая дымка вечерней печали, закатные краски каменного города - пусть в прихожую смотрит окно - исчезающие очертания сотканых из питерской измороси героев - протагонистов, последняя суэта прощания, возможно, два пустых стакана с краснотцой на дне.

В те годы жаловались на туманность БГ. Майк другой, вполне ясный и отчетливый, мир его вещественен, в нем нет никаких сверхсмыслов,

никаких переносных значений, символов, аллегорий, разве что он вдруг поворачивается к тебе такой своей гранью, что ты чувствуешь словно какую-то нереальность, странность этой вполне твоей, до боли знакомой реальности... Эти счастливые минуты в майковском роке очень редки, но они есть, и дело здесь не в языковых ходах, а в каком-то особом отстранении Майка от всей своей бытовухи, от самого себя...

И это отстранение на что-то намекает, на неокончателность «мира, данного нам в ощущениях»...

Конечно, не только Дилан. Традиция блюзов и рок-н-роллов, акустика «Роллинг Стоунз» периода «Банкета Нищих», Марк Болан и группа «Ти Рекс», урбанистические ритмы Лу Рида - все это источники вдохновения группы «Зоопарк», и генезис Майка надо искать в традиции, внутри которой он честно отслужил.

В те славные для питерского рока дни они шли параллельно: БГ и Майк. Делая шаг вверх, к воздушным замкам «Аквариума», Майк всегда гнал лагу - равно как и БГ, спускаясь в пропущенный сквозь его рок-н-рольные символы хаос, никогда не дотягивал до майковской трезвости восприятия. Достаточно сравнить антифеминистические вещи БГ с майковской «Дрянью» - абсолютным андерграундным шедевром. То есть все, что надо: горечь, злоба, пощечина и любовь. При этом у него есть целый ряд песен с чудовищным процентом безвкусицы, как у какого-нибудь символиста третьего ряда: какая-то «слепая колдунья, которая учит летать», какие-то «золотые львы, стоящие на границе между мной и тобой», все это похоже на засахаренное варенье. Настоящая лирика Майка была вот где:

Ты спишь с моим басистом и играешь в бридж с его женой,
Я все прощу ему, но скажи, что мне делать с тобой...

В какой-то мере эта строка «ты спишь с моим басистом» - квинтэссенция майковской лирики. Мне рассказывали, что на концерте в городе Челябинске группа женщин, отслушавши песенку, стала прорываться к музыкантам громить аппаратуру с криками «сам ты дрянь».

Интересно, о чем таком пел Орфей, что его растерзали взбешенные вакханки?

В ленинградском роке Майк заложил славную и добрую антифеминистическую традицию (следом - «Кино», «Аквариум», «Странные Игры»). И в иные минуты что-нибудь вроде «ты дрянь, ты продала мою гитару и купила себе пальто» радует куда больше, чем «я вас любил, любовь еще быть может...». Первое как-то роднее. Да и кто из стариков-литераторов мог так емко, без метафорических спекуляций, положившись

на две вещи - пальто и гитара - выразить суть противостояния Инь и Ян? Некого рядом поставить. . .

Однажды в период сексуально-депрессивного психоза я нажал кнопку «Плэй» и попал на «Сладкую N». Вот настоящий бальзам!

Все пишут о том, что наш рок держался в первую очередь на текстах, но в самих песнях не принято искать смысл; кажется, это дурной тон.

Потому что качество песен в чем-то другом. Советский рок исключение. Отнимите у Мамонова его белогорячечную филологию, его «крым – мрык - ырмак» - что от него останется, кроме двух-трех душераздирающих гримас?

И тот факт, что наш рок не смог выжить, как «только музыка», в эпоху исчезновения всех смыслов или идей есть лишь доказательство того, что в этом жанре англоманов и алкоголиков неустранимо присутствовал рудимент все того же российского интеллигентского сознания.

Рожденный как что-то принципиально другое по отношению к Владимиру Ленскому и Льву Толстому, советский рок так и не смог перемахнуть через старые смыслы - смыслы многовековой культуры и окопаться на новых рубежах. То есть, смог, конечно, но все прорывы были случайны. Майк не из тех людей, которые оставили после себя сложносимволическое толкование мира. И все же несколько волнующих меня задвижек есть в его песенках. Сам Майк строго настаивал на том, что его рок-н-ролл - это оттяг для слушателя, развлекуха. Но, думаю, это понимание чересчур идеальное. На самом деле тут есть что продумывать: на скучный трактат.

Поэтику лучших майковских песен можно определить резко и точно: это проза, спетая в жанре рок.

«Я встаю и подхожу к открытому окну, тем самым вызывая на войну весь мир», - (я намеренно опустил рифму) что это, если не хорошая прозаическая строка, т.е. отчетливые крупницы бытия, попавшие в сферу пристального глаза.

В связи с Майком приходит на ум Джек Керуак, признанный вождь поколения битников - так же, как и Майк, обделенный воображением, но обладающий острым глазом и умеющий быть честным и искренним человек, очень близкий по духу Майку (и любимый его писатель), хотя, конечно, развернувшийся куда мощнее и шире.

Его знаменитый роман «На дороге» - это некий Кусок Жизни, прикинувшийся литературой; сумасшедшее ощущение новизны всего, что есть в романе, от самого путешествия героя до какой-нибудь брезентовой сумки или мексиканских говнодавов, похожих на ананасные корочки,

снимает момент словесности романа: слова только вспомогательны. Каждая деталь заряжена чем-то особенным, потому что она прожита, и вопрос «как сделан роман» просто снимается.

Сквозь страницы проглядывает сама натура, которую автор и положил на лист в сыром виде, потому что жизнь для него куда важнее того, что может дать воображение или работа со словом. У Майка в том же сыром виде кладутся в песню самые дурацкие подробности рокерского житья-бытья: и медленно за каждой песней вырастает посторонняя для тебя жизнь:

Кто выпил все пиво, что было в моем доме? Растафара.

Кто съел весь мой завтрак, не сказав мне спасибо? Натти Дредда.

Здесь самое важное - точность; это единственный критерий, единственный момент собственно поэтики. Чуть только Майк отступает от точности - тут же идет лажа. Слушая его, я верю, что окно было распахнуто у него в комнате, и что насморк был верю, а денег на такси не было, и хреново было, как никогда, и, конечно, «как бы я хотел, чтобы ты была здесь». Но что бывает тогда, когда вещи перестают ощущаться первыми, когда от них отлетает дух новизны, и ты оказываешься посреди какой-то свалки? Когда все, что пело само, вдруг утратило голоса, и все милые подробности кажутся мертвым грузом?

Я прослушал залпом все пять альбомов Майка и мне стало страшно: как наглядно изначальное светлое ядро обрастает посторонними ракушками, как зримо оседает тяжесть, и растрачивается огонь, как нарастает лирическая лень, приблизительные словесные решения, как теряется изобретательность, как подводит вкус все чаще и чаще...

С какой-то плакатной наглядностью Майк явил собой нашу общую слабость по отношению ко времени. И именно Майк первым из наших рокеров сошел с дистанции, потому что его вещи крепко впаяны в ТО, ушедшее время - и что оставалось ему делать, когда дух отлетел от его вещей, когда и портвейн стал другим, и вся предметная реальность вдруг показалась жалкой, убогой...

Застигнутые врасплох новым временем, вещи застыли в беспамятстве, прежде, чем осесть в лавке старьевщика...

Но так по-настоящему и не проклянуть, не простучать верхнюю оболочку, скорлупу вещей? (Кто сравнивал Майка с усталой птицей?)

Чтобы вволю наговориться о веселом, придется немного - о грустном.

Майк не был поэтом, рыцарем лада в схватке с хаосом наплывающих вещей: он не искал меру в этом хаосе и для своих песен зарисовывал ближайшее, что само просилось на аккорды. Это невозможность «седьмого

неба», отсутствие крыльев, бессилие воспарить, бессилие уловить в строку что-то бесконечное; не просто поймать свой же потерянный и с трудом найденный сапог, но что-то такое, с далеким отблеском неба, - это и рождало такие вот неутешительные выводы: «Все мы живем в зоопарке»...

Порой Майк устрашающе передавал убогую вещность этого мира, «глупой старой лузги» да так, словно больше ничего и нет, кроме «хочется курить, но не осталось папирос».

В его песнях очень сильно звучит это трагически-обыденное сознание - сознание пожизненной приговоренности к вещам данного нам мира.

Ни одного переносного значения, ни единого символа, ни одного шага в сторону!

БГ обладал сильной волей - отклонять то, что не подходило системе «Аквариум», что могло ее разрушить, и, конечно, мощное воображение растить свой сад. Видимо, у Майка не было ни того, ни другого: только искренность, только открытая душа, в которую с болью, цепляясь за нее всеми острыми углами, входил разный мир.

Тотальная невозможность того, что в дзэн называют «отбором и выбором»!

Прослушавши всего Майка, руководствуясь хронологией, ясно видно, как этот внешний чужой мир обступает его, не дает прохода. Майк был самым плохим дзэн-буддистом в пространстве андеграунд-культуры. Его песенки - это сплошные и безнадежные попытки освободиться от привязанностей («Дрянь»), выжить с открытой душой в мире острых углов и обступающих лиц, ускользнуть от этого подступающего к горлу не - Я, впрыскивающего в кровь адреналин (им самим все это описано в лучшем виде).

Слушая его, понимаешь: отказываясь бороться с поверхностью вещей, мы попадаем под их власть - власть гиперреалистического кошмара. Отказываясь от того, что брезжит, мы все больше влипаем в вещи, придвигаемся к ним, привязываемся.

И с каждым криком души: «Оставьте меня в покое!» - этот мир все ближе и ближе к нам подступает.

«Но только это еще не все» (БГ).

Майк был самым плохим дзэн-буддистом, но дзэн-буддистом.

Недаром же он написал едкую сатиру на новоявленных гуру-учителей дзэнской мудрости - и на их штучки.

Попробую это осмыслить: в его песнях нет ничего, кроме вещей и фактов жизни - и полное отсутствие «отбора и выбора», то есть авторской воли внутри него, равно как и неспособность к метафизическим

спекуляциям.

Но ведь это как раз и есть то, что кует на своих скрижалях дзэн: «устраните отбор и выбор», и «дайте вещи сказать за себя».

«У художника нет права выбора», - размышлял Рильке над стихом Бодлера «Падалъ».

«Сосна зеленая, а снег белый; заяц прыгает, а ворона летает», говорит дзэн-монах, а во рту дымится сигарета, и кто-то проповедует дзэн и денег на такси не хватит все равно, и как бы я хотел, чтобы ты была здесь, и зад торчит из порванной штанины и хочется курить, но не осталось папирос...

Такое вот уносящее в дальние дали, к херам собачьим, в чистые области Ничто, прочь летящее попури питерских заморочек. Не так ли дзэн-буддист расчищает дорогу к Свету?

«Отбор? Выбор? - Взгляни на матерчатый барабан, висящий на стене» Попробуем-ка переадресовать Майку вопрос дзэнского неопита: «Учитель, какое явление можно назвать самым удивительным? »

Я сижу в сортире и читаю «Роллинг Стоун». Для тех, кто не знает: «Роллинг Стоун» - это американский журнал про рокеров с цветными картинками.

Открой бутылку - треснем зелье,
Необходимо ликвидировать похмелье,
Иначе будет тяжело прожить этот день.

Кто не чувствует здесь холод научной фактичности дзэн, аналитическую сухость дзэн-буддиста? Так я понимаю то, что называю Отстраненностью Майка.

Наталья Науменко

ОТЕЛЬ ПОД НАЗВАНИЕМ «БРАК»

Год назад я бы не поверила, что меня можно уговорить писать о Майке воспоминания. Дурацкое слово - «воспоминание». Я о нем и не забывала никогда.

Недавно смогла перечитать письма, свой скудный архив... Решилась. Сразу предупреждаю: мой рассказ необъективен. Но в нем нет ни слова неправды, просто здесь НЕ ВСЕ. Конечно, Майк не ангел, и наша семейная жизнь - не красивая идиллия, но плохого было гораздо меньше, и забывается оно, к счастью, быстрее.

Надеюсь, Майк простит меня за публикацию отрывков из писем, некоторые интимные подробности и нестройность изложения. С Богом!

- Это Майк,- сказал мой двоюродный брат Вячеслав, когда я открыла дверь в старой коммуналке на Васильевском. - Он играет в «Аквариуме».

Про «Аквариум» я, конечно же, была наслышана. Дело в том, что почти все мои друзья и знакомые так или иначе были связаны со славным факультетом ПМ-ПУ университета, который БГ в свое время закончил, а потом обосновался там со своей группой. «Симпатичный этот Майк,- подумала я, - и очень веселый». Они приехали обсудить со мной и моими одноклассниками перспективы поездки в Вологодскую область на предмет концертов (если повезет) или просто поиграть на танцах. Обсудили. После официальной части был скромный ужин, разговоры и, кажется, песни. Помню, что Майк умничал, рассказывал про модные выставки. Я не придавала значения этому знакомству, но число почему-то запомнила: 23 июня 1979 года.

Второй раз мы встретились через месяц на свадьбе того же Вячеслава. Майк сидел рядом со мной, смешил разными историями, был очень мил. Вечером ему пришлось уехать (он тогда работал радистом в Большом Театре Кукол), а потом он вернулся. Все удивились, а я еще и обрадовалась.

«Приезжай завтра к нам на репетицию», - попросил Майк, прощаясь.

Странные были свидания. Я смотрела кукольные спектакли то из зала, то из-за кулис, знакомилась с радистами, монтировщиками и другими хорошими людьми. А потом мы шли гулять. Майк водил меня по своим любимым улицам старого города и, похоже, вообще не уставал. Я же проклинала себя за то, что опять надела туфли на высоких каблуках.

Однажды Майк рассказал о новой пластинке Дэвида Боуи, и я пожелала немедленно ее послушать. Не потому, что жить не могла без новой пластинки Боуи - просто устала очень, а мой кавалер не решался пригласить меня в какой-нибудь дом с креслом. Майк слегка удивился такой прыти, но пригласил к себе. Казалось, роман должен благополучно развиваться. Но не тут-то было.

Поездка в Вологодскую область «Капитальный ремонт + Майк» все-таки состоялась. Об этом подробно написал В.Зорин в книжке «Незамкнутый круг». Я уволилась с очень секретного ПО «Алмаз», где работала оператором разнообразных счетных машин. Причин было несколько, но главная - не давали отпуск в нужное время, чтобы ребята не оказались в чужом месте одни.

Но толку от меня им было мало, как выяснилось. Да еще Майк себя вел как-то странно: сделался чужим, словно не было никаких театров, индийских музык, анекдотов до утра.

Вернулись в Питер. Я тщетно пыталась устроиться на какую-нибудь работу. Майк же в сентябре со своим театром уехал на гастроли в Вильнюс. Когда возвратился, зашел в гости и долго рассказывал о только что прочитанной книге Р.Баха «Иллюзии». А потом пропал.

Я еще поболталась в городе без работы, но пришлось-таки на время уехать к родителям, дабы иметь в паспорте хоть какую-то прописку. Про Майка старалась забыть, и однажды это почти удалось.

Но в мае он встречал меня, как ни в чем не бывало, все в той же комнате на Васильевском.

Через несколько лет Майк объяснил свое бегство тем, что он меня просто боялся. А еще опасался испортить жизнь хорошей девочки. В Печорина играл...

Лето 80-го. Жара. Олимпиада в Москве. Снова длинные прогулки. Но Майк изменился: расслабился, начал активно водить меня в гости к одноклассникам, однокурсникам и другим друзьям-приятелям. Представлял так: «А это Наталья, большая любительница помидоров». Гостеприимные хозяева все бросали и принимались немедленно кормить меня помидорами. Да и сам Майк приносил вместо тривиальных шоколадок томаты в разных видах.

Майк с женой
Наташей и другом
семьи, гжельским
художником Юрой
Гараниным.

Майк дома. Фото
Андрея Усова,

Когда мы ждали муниципальный транспорт, ехали в метро, Майкуша переводил мне стихи Гинзберга, читал Веничку Ерофеева. Скучать не приходилось.

Хорошее выдалось лето: любовь, солнце, цветы (их Майк чаще всего не покупал, а рвал на каких-то заповедных клумбах), новые знакомые, новые впечатления. Летом же Михаил Васильевич сделал мне официальное предложение. Произошло это на знаменитом (по разным причинам) балконе нашего друга Миши. «Мечтал бы поселиться с тобой в старинном замке, но могут предложить только квартиру с родителями и зарплату сторожа..».

Со свадьбой решили не торопиться, однако вопрос с жильем стоял довольно остро. Я думала-думала и пошла устраиваться в «Теплоэнерго», где желающим давали комнаты. Пришлось побороть страх перед неведомыми механизмами и учиться на кочегара (пardon: на оператора газовой котельной). Но это было попозже. А летом мы встречались то у Майка на Варшавской, то у меня на Васильевском, где кроме нас с братом обитали Володины однокурсники (между прочим очень милые люди). Заезжала я и к Майку на службу. Он уже уволился из БТК и сторожил какой-то объект на Кировском проспекте. Однажды Миша попросил нарисовать обложку к его альбому: «Сладкая N и др». Идея оформления - его, я - только исполнитель. Да и нарисовал бы Майк получше, чем я. Не знаю, зачем ему вообще это понадобилось...

Кажется, в начале осени Майк ездил в Москву с сольными концертами для не очень широкой аудитории. Приняли его там хорошо. А большой человек Олег Евгеньевич решил с БГ и Майком заняться дикцией, вокалом и другими полезными вещами. Майкуша это дело скоро забросил, хотя уверял, что Осетинский его многому научил.

«А жениться нельзя! - громыхал Олег Евгеньевич. - Он будет знаменитым артистом! Поездки, гастроли! Семья только связывает творческого человека! Не надо Майку мешать!»... «Никто и не собирается мешать», - вздыхала я, мечтая о сыне с карими глазками. И Бог меня услышал!..

Уже начались холода, когда мне наконец-то предложили комнату. Я даже не поехала ее смотреть - сразу согласилась, так как жить было решительно негде. Женщина, распределяющая площадь, показала план квартиры: «Какую выбираете?» Я ткнула пальцем в самую середину ряда маленьких прямоугольников. Отныне это было мое жилье в Петербурге, означавшее свободу.

Майк появился на Боровой 9 декабря, в лифте сообщил о смерти Джона... Вот так невесело начиналась семейная жизнь на новом месте.

Наш дом раньше был пятиэтажным, еще два пристроили потом. Они выделялись хилым параллелепипедом на массивном основании. Узкая, продуваемая квартира, длинный коридор, упирающийся в большую кухню нелепой конфигурации, семь дверей в «пеналы». Ни телефона, ни горячей воды, разбитые стекла... Нормальная «воронья слободка». Я так и не смогла полюбить этот район: Лиговку, Разъезжую, Обводный. А Майку, наоборот, нравились места «имени тов. Достоевского». Трудней ему было привыкать к коммунальной кухне: первое время стеснялся даже чайник на плиту поставить. Тем не менее, всегда говорил, что только здесь чувствует

себя дома.

Мебель наша соответствовала убогому стилю квартиры. Диван Майк купил у Леши Рыбина за пластинку (такой вот обмен). Были две большие белые табуретки (одна легко превращалась в стол, если на нее положить планшет для рисования), две маленькие, зеркало, новая стремянка (она же буфет и платяной шкаф), магнитофон, старенький проигрыватель, а еще был телевизор! Его подарил Родион, как вещь, совершенно необходимую для супружеского счастья.

Майк тут же принялся смотреть все подряд, даже программу «Время». При этом спорил с гостями на кружку пива: что раньше скажут - «100 тысяч чего-нибудь» или «Леонид Ильич Брежнев».

Из окна нашей комнаты замечательный вид: Владимирский собор, другие знаменитые здания, крыши, небо - простор. Иностранцы барышни снимали это все из окна («Это - Париж!»), а то и с крыши. Мы же с соседями дружно на этой крыше загорали, любуясь раскинувшимся внизу Петербургом.

Обживались потихоньку. Обои гнусного желтого цвета скрылись под плакатами и фотографиями хороших людей. Напротив дивана висел большой постер: Марк Болан на оранжевом фоне. У него был «живой», следящий взгляд, то лукавый, то укоризненный. Марком звался и мой будущий сын.

Я почти никуда не выбиралась по причине очень низкого давления, но Майка регулярно выпроваживала проветриться (о чем он и много лет спустя вспоминал с благодарностью).

Подружилась с девочками-соседками. Родион очень меня поддерживал и развлекал оригинальными сентенциями. Еще разные гости приходили.

Андрюша - Свин (Андрей Панов - лидер группы «Автоматические удовлетворители») неоднократно пытался эпатировать уже ко многому привыкших соседей своими панковскими штучками. А иногда был тих и разговорчив. Майка Свин звал Майваком (чтоб ничего английского!), меня соответственно Мойвой (зато не жабой).

В начале весны пришлось лечь в больницу. Невеселое там пребывание скрашивалось визитами Майкуши, Родиона и посылками от будущей свекрови. Мы еще не были знакомы, но она хитрым способом передавала в палату запрещенных жареных цыплят, цветы и трогательные записки.

Когда Майк забрал меня из больницы, было уже тепло. Он объявил, что мы немедленно едем в ЗАГС подавать заявление и вступать в законный брак. Я сопротивлялась: «Что за спешка? А как же твое отношение к семейной жизни? Разве можно любить законную жену? Ты же ненавидишь

слова «навсегда» и «насовсем»! Не хочу я в таком виде! Денег нет!» Но все мои аргументы остались без внимания.

Оказывается, пока я спокойно болела, Майк резко изменился и теперь изо всех сил торопился связать себя узами супружества. «Я почему-то испугался, что могу потерять тебя, - объяснил он. - Не хочу рисковать».

К свадьбе мы вообще никак не готовились. Мои родители приехали накануне, подарили нам денег. Мы тут же купили на них мебель (в комиссионке, разумеется), которая служила нам верой и правдой еще много лет.

В свидетели я выбрала Ингу. Он был весьма импозантен с красной гвоздикой в длинных густых кудрях. Родион - свидетель Майка - тоже выглядел эффектно в строгом костюме. Зато мы были мало похожи на новобрачных.

После церемонии попрощались с родителями до послезавтра (Галина Флорентьевна пригласила на свадебный ужин для родственников) и отправились праздновать по-своему.

Для начала получили в сберкассе денежную компенсацию за кольца (огромные деньги по тем временам), купили еды и питья. Хотели отметить событие в родном «Сайгоне» - «Сайгон» закрыт. Тогда Наташа Гребенщикова пригласила всех к себе. Очень мило посидели у нее, а потом отправились к Крусановым, где и проходило это безобразие под названием «свадьба Майка».

Народу было очень много. Одни уходили, приходили другие. Друзья, приятели, малознакомые, совсем незнакомые... Все желали счастья, выпивали и закусывали. Хорошо ли, весело ли было на этом мероприятии, судить не берусь - мечтала поскорее отдохнуть. Так что, оставив гостей веселиться, мы отправились восвояси вместе с Александром Петровичем (А.П.Донских - клавишник), который в то время у нас гостил.

В начале июня Майк уговорил меня сходить на концерт «Последнего шанса». Про Сережу Рыженко рассказывали всегда восторженно. Естественно, мне было любопытно посмотреть-послушать. Нисколько не пожалела, что выбралась: концерт был чудесный. Ничего похожего раньше видеть не приходилось. А после концерта устроили дружеский чай (или дружеский лимонад, или дружеское сухое вино - не помню), за которым музыканты Москвы и Питера приятно пообщались. С милым Рыженко наша семья подружилась скоро и надолго.

А в июле у меня родился сыночек. Под окна «Снегиревки» «поорать» приходила довольно большая компания. Поздравляли, веселились, обещали переклеить обои и устроить стерильную чистоту к нашему возвращению.

Майк стал тихий, почти ни о чем не спрашивал, только смотрел и умилялся...

При выписке случились некоторые накладки (обескураживающие, надо сказать). Но все обошлось (спасибо Ирине Ермоловой), и теперь вспоминать об этом дне забавно. Просто тогда все мы были молодые дурачки...

Ребенок рос, а имени у него не было. Назвать его Марком нам сильно не посоветовали, а другого имени мы подобрать не могли. Долго мучились, а когда с регистрацией тянуть было больше нельзя, неожиданно назвали Евгением.

Скоро я увезла сына к своим родителям на свежий воздух. С Майком регулярно переписывались.

31.08.81.

«Здравствуй, Наталья! Эй, любимая жена! Ты не знаешь и не представляешь, как я соскучился! Никогда не думал, что по законной жене (даже самой любимой) можно так соскучиться за сравнительно короткое время

«Дни бегут, как скоты...

Ну и пусть, конечно же...».

Сегодня 31 августа, и через 30 минут начнется осень. Приезжал А.П.Донских. Мы проводили время в некотором пьянстве, причем довольно тупом.

Сегодня я окончательно уволился с работы. Рад безмерно. Теперь как-то нужно устраиваться в кочегары.

Ответы на вопросы:

«In A Watermelon Sugar» пока не перевожу, поскольку пиш.маш. осталась на Варшавской, а туда заявляться мне несколько неудобно.

Наши друзья и приятели пока живы. За соседей не ручаюсь. Насчет Москвы ничего не ясно. Слушал:

Iggy Pop «Party» P 1981

John & Yoke «Double Fantasy» P 1980

Rolling Stones «Tattoo» P 1981

Lou Reed «Gone At Night» P 1981

Ric Wakeman «1984» P 1981

Paul McCartney «Back To The Egg» и др. и пр.

Эй, Наталья, я совсем не прочь увидеть тебя прямо сейчас!

7.09.81. «Здравствуй, любимая жена Наталья! Примерным мальчиком с 1-го сентября я не стал: не успел оформить все документы.

Поступило несколько туманных предложений поиграть на танцах в

Пушкине. Хорошо бы!

Сегодня (в крайнем случае - завтра) заплачу за квартиру и улажу дела с библиотекой. Это точно, и к этому вопросу можно больше не возвращаться.

Свин уехал в Прибалтику пить пиво. Можно подумать, что здесь его мало. Но это не так. Здесь мало «Беломора».

Погоды у нас стоят мрачные и своим стоянием давят на психику, вызывая константный даун. Веду себя хорошо.

Приветы тебе от всех, всех, всех. Целую и т.д.

Майк

14.09.81.

Здравствуй, любимая жена Наталья!

Насчет переезда: все находится в status quo, нет, пластинки не покупают. На кочегара не берут, возвращаюсь в родную охрану.

ПП смотрел и радовался. Погода премерзкая. Такое состояние атмосферы нагнетает чрезвычайную тоску, причем, не только на меня, а почти на всех. Ничего делать не хочется, руки опускаются. Всю субботу и воскресенье сидел в кресле, смотрел TV, читал что-то, на гитаре тренькал, чай гонял.

Странно сидеть одному в квартире. Жена - думаю - пробежала бы что ли мимо, штрих бы что ли заорал. Странно.

26-го открывается рок-клуб. 9-го октября - концерт, и, как знать, может быть...».

21.09.81.

Наше существование потрясли давно не испытываемые катаклизмы: я имею в виду повышение цен... Это был тяжелый день. По просьбе трудящихся. Какое лицемерие! 17-27% - какая лживость..

Как прокомментировал это событие Иша, жить теперь стало интересней. Чувствуешь себя младенцем в джунглях: идешь в магазин и не знаешь, что там есть, и что сколько стоит. Нужно опять ко всему привыкать заново.

Послушал:

1981 George Harrison «Somewhere In England» - красиво, но скучно.

1981 Eric Clapton «Another Ticket» - наконец-то набрал английских музыкантов и записал хороший альбом.

Johnny Cash «Folsom Prison» - очень специальный альбом в стиле кантри, записанный «живьем» в тюрьме перед аудиторией в 2000 заключенных. Песни почти исключительно а 1а «это был воскресный день».

1981 White Russia «West Side Story» - англо-германские песенки. Есть

замечательные.

Here in Mongolia They don't play rock'n'rollia... - Веселые ребята!

1981 Adam And Ants «Kings of Wild Frontiers» - модная английская новая волна, кот. мне не понравилась.

1980 Psichedelic Furs «Is» - не очень модная английская новая волна, которая мне... понравилась. Иногда похоже на King Crimson. Ха-ха!

Был у Ильи с Леной. Слушали привезенных мной Леннонов. Хорошо.

Люлочка ездила в Москву и привезла от Рыженко для меня какой-то подарок.

Завтра мне опять на работу. Но идти не хочется, к тому же я слегка приболел.

26.09.81.

Я сижу на работе (новая жизнь на новом посту). Здесь неплохо. Это тебе не химфармзавод. Какие-то люди время от времени ходят, но читать не мешают.

Сегодня был в шмок-клубе. Повеселился. 9-го будет концерт, посвященный одновременно 41-летию со ДР Джона Леннона и открытию зимнего стадиона. Будут играть «Пепел», «Зоопарк» и бэнд Ермолина.

На службе меня сегодня подменял Родион. Мы с ним обсудили внутренние и внешние политические события (повышение цен и положение в Польше, естественно, - это нынче самые модные темы) и пришли к полному согласию по обоим вопросам. Как, впрочем, почти всегда.

В рок-клубе записались Вовка Козлов и «Союз Любителей Музыки Рок». Я тут же основал fan club - «Союз Любителей Музыки «Союза Любителей Музыки Рок». А также Цой с Рыбой и Олегом под названием «Гарин и Гиперболоиды».

Позавчера имел презабавный experience: помогал Дюше торговать (эх, да за червонец!) арбузами (в качестве подсобного рабочего). Странное занятие, но червонец пришелся кстати. «Акавариум» выпустил новый LP «Треугольник».

Курехин с Фаготом тоже, но только в ФРГ на Polydor'Records.

«Зоопарк» собирается записывать концертник «Live At LDHS».

За сим остаюсь верным и ужасно любящим, и скупающим, и чихающим мужем. Майк.

05.10.81.

В Петербурге творится что-то, напоминающее бабье лето... В солнечные дни гулял и радовался жизни. Рок-клуб продолжает свое бесславное существование. Я хожу туда и веселюсь.

Репетируем к 9.10. Все, вообще говоря, уже готово, но еще разок-другой прогнать программу не помешает.

Сегодня написал новый номер («Ах, Любовь»). Эдакое ретро. И здесь никак не обойтись без фортепиано и кларнета. Петь желательно сладким тенором.

Я соскучился по тебе вконец, но частенько общаюсь во сне. Жду, жду, жду!

13.10.81.

Мы отыграли концертник 9-то октября. 1-м номером играли Вовка Ермолин (гит., вокал), Женька Губерман и еще 2 штриха.

Мы звучали тоже, кажется, неплохо, хотя пара-тройка накладок была. Голубчик Панкер сделал Live Recording, а Билл - фотографии. Приедешь - послушаешь и посмотришь. Из записи предполагается сделать концертный «альбом» «Зоопарка», хоть она и не очень хороша. Но драйв есть, а это немаловажно.

После концерта я освободился от суеты и репетиций и надеюсь быть свободным еще некоторое время, если, конечно, не поедem в Москву.

Продолжаю по тебе соскучиваться, но увидимся, кажется, уже скоро. Тебе передают привет все наши знакомые петербуржцы, а также березниковец А. П.Донских.

17.10.81.

Уф!.. Сумасшедший сегодня денек... Даже если я вернусь из Москвы во вторник-среду, я опять-таки не смогу на этой неделе за тобой заехать, ибо в субботу мы играем концерт в Дубках.

Наконец-то, мы стали получать от шмок-клуба свои кайфы. 13, 14, 15, 16 ноября у меня 6 концертов в ЛДМ вместе с Гребенщиковым и Володькой Леви, правда, в акустическом варианте, но зато, эх, да с афишами по всему городу. Идем в гору или куда-то еще, точно не могу понять куда. Ладно..

Я соскучился по тебе до самой последней степени. Может быть, ты все-таки приедешь в Петербург как-нибудь сама? Мне очень неловко, но, видишь ли, такие дела. Очень хочу увидеть тебя поскорее! В противном (и очень противном) случае придется тебе (и мне тоже!!!) ждать до следующей недели, а как не хочется.

Вот такие хорошие письма писал мне Майк.

Радостной встречей после разлуки закончилась прелюдия, и началась собственно семейная жизнь. Мы стали старше. Время, почуяв это, как водится, ускорило темп. Особенно выдающихся событий не происходило. Жизнь не была скучной, но года потихоньку становились похожи один на другой. И в этом нет ничего плохого. Просто я тоже чуточку меняю характер повествования.

Итак, все встало на свои места: Майк работал сторожем и писал музыку, я воспитывала ребенка и хлопотала по хозяйству.

Регулярно приходили гости.

Часто навещал Родион. Приезжал А.П.Донских, пока не перебрался в

Петербург насовсем. Иша, Люда Петровские, Паша и Наташа Крусановы, Панкер, Саша Бицкий, Юлик Харитонов, Саша Старцев... Изредка забегали «господа аквариумисты». И, конечно, «Зоопарк»: басист Илья, гитарист Саша, барабанщик Андрюша Данилов.

А зимой почти поселились Рыба и Цой. Это были замечательные времена! Цой приносил свои новые песни, не отказывался исполнить старые, а то и вовсе не свои: Максима или, скажем, хит нашей квартиры «Макароны». Скоро все соседи привыкли к концертам и, смею надеяться, полюбили их. Чаще всего Леша и Витя пели в кухне, чтоб не мешать спящему Евгению.

Майку песни ребят очень нравились, и он, по мере сил и возможностей, пытался помочь юным «Гарину и Гиперболоидам». Кстати, именно Майк повел Витю домой к Борису Борисовичу.

Прекрасно помню, как мы с Марианной ждали их на скамейке у дома.

Меня удивляло всегда, с какой ловкостью Цой управлялся с Женей. Можно было подумать, что он вынянчил уже пару-тройку детишек или, по крайней мере, младшего братика. Жили мы каким-то образом на 80 рублей (так платили сторожам). Но народ был сыт, пьян и нос имел в табаке, а ребенок получал свою полноценную пищу и витамины. Конечно, родители помогали. Когда Галина Флорентьевна заходила посмотреть на внука, она всегда приносила большую сумку еды. «Зачем так много?» - лицемерно удивлялись мы «Ничего, ваши «Шурики» съедят», - резонно отвечала мама.

«Шурики» насчет еды были непритязательны, больше любили сухое вино и пообщаться. С подачи Димы Раскина и Александра Петровича вдруг все стали разговаривать стихами. Постоянно что-то сочинялось, придумывались смешные «фенечки». Женька, улыбаясь, прыгал в своей кровати и замирал от восторга при звуках гитары...

Время, как известно, бежит вперед. Друзья играли свадьбы, обзаводились детьми. Гитарист Саша женился на нашей соседке Тасе. Теперь половина группы «Зоопарк» жила в одной квартире. Стало удобно репетировать и решать разные музыкальные вопросы.

Появился на свет магнитный альбом «55». Тогда никто и не мечтал увидеть его настоящей пластинкой.

Майк писал новые песни. Иногда они сочинялись быстро (в трамвае, в поезде), иногда - долго.

Я слушала все песни еще «тепленькими». Часто Майк давал мне старые черновики, просил придумать рифму, ждал оценки.

Как правило, я просила его еще поработать над текстом. Но Майкуша уверял, что с музыкой все будет звучать интересно, и редко возвращался

к уже написанному.

Еще меня несколько обескураживала присущая произведениям «Зоопарка» прямолинейность, иногда граничащая с банальностью. Наверное, не понимала чего-то.

В 91-м году Майк с удивлением заметил, что его тексты становятся пророческими... Послушайте эти песни из сегодня - он все про себя знал...

А тогда я была зануда. Знала, конечно, что рок-н-ролл - специфичен, что у него своя поэтика и особые приемы. Но творчество Боба Дилана изучают в университетах, Леонард Кохэн издает сборники стихов, и Саша Башлачев - поэт, а не текстовик. Не правда ли, есть, о чем задуматься?..

Многие спрашивали: «Сладкая N - это Наталья?» «Нет! - отвечал Майк. - На такой девушке я бы ни за что не женился». Могу добавить, что обо мне не написано ни одной песни. Самые лучшие баллады о любви Майк сочинил до моего появления в его жизни.

Зато мне он писал стихи: мало серьезных, много шуточных. Был, например, целый цикл четверостиший, каждое из которых начиналось словами «Сидит Пуся..» (это мое домашнее имя, придуманное Майком). Такие милые глупости. На бумаге осталась лишь маленькая часть стишков, остальные не сохранились. На то они и экспромты: развеселят и забудутся...

Сидит Пуся у окна.
Перед Пусей вся страна.
Видит Пуся в том окне,
Что страна-то вся в говне.

Сидит Пуся у двери, А в
двери Экзюпери. Молвил
Пусе Антуан:" Зачитать
тебе Коран?"

Сидит Пуся под столом,
Размышляет о былом.
Думы Пусины отважны,
Сны ее многоэтажны.

Сидит Пуся на заборе,
Вся подобная "Авроре".
Пуся, Пуся, не стреляй!

Не получишь каравай!

Сидит Пуся, где не надо, С
пузырем от лимонада. Каждый
знай, в ком рост вершок -В
пузыре том портвешок.

Сидит Пуся на трясолях,
Вспоминая о Де Голлях.
Пуся очень смелая,
Жаль спина вся белая.

Сидит Пуся на трубе, Вся
покорная судьбе. "А"
упало, "Б" пропало, Ну а
Пуся? Ей все мало!

Сидит Пуся во саду, Дует
Пуся во дуду. Вот уж
ночь, а Пуся дует. Мент
за то ее штрафует.

Сидит Пуся на антенне,
Вслух мечтая о варенье.
Телезрители: "Помехи!
Не видать Эдиты Пьехи!"

Сидит Пуся на шкафу. Дети!
Скажем Пусе "Фу!"
Пуся, ты слезай со шкафа,
Ты, ведь, Пуся - не жирафа.

Сидит Пуся на часах.
Кукушка: "Ку!", а Пуся : " Ах!"
Пуся, Пуся, не пугайся, Мы
портвейну принесли!

Сидит Пуся на скамейке -Не
похожа на еврейку, Держит

Пуся пятки к небу. Не
опаздывай к обеду!

Сидит Пуся во лугах В бусах,
шмусах и цветах. Пуся!
Хиппи - это плохо! Хиппи
хуже скомороха!

Сидит Пуся на тропинке, С
аппетитом жуя льдинки.
Несварение желудка Это,
Пуся, право жутко!

Сидит Пуся на балконе В
очень новом синем доме.
Пусе той-то неизвестно, Что
балкон Пусям не место.

Сидит Пуся на кладбище, На
кладбище нищий свищет.
Нищего гони ты в зад –
Слушай лучше "Зоосад"!

Сидит Пуся во креслах,
разодета так, что "Ах!" У нее
дивертисмент. Скажем Пусе
комплимент!

Сидит Пуся на полу, Говорит:
"Курлы-курлу". Пуся! Что ты
говоришь! ? Ты не голубь и
не шиш.

Сидит Пуся в именинах. Из
себя, как на картинах. Пуся
пальчик отставляет И
портвейну выпивает.

Сидит Пуся в Филармоньи: Не

причесана, спросонья. Пуся!
Пуся! Как так можно?! Выпей
кофе, съешь пирожное.

Сидит Пуся в Божьем храме,
Пуся дрыгает ногами. Браво,
Пуся! Бога нет! Некому
давать ответ!

Сидит Пуся в автобусе Рядом
с ней стоит бабуся. Место ей
не уступай! Лучше в жопу
посылай.

Когда я услышала впервые «Отель Под Названием «Брак» и «Песню
Простого Человека», сильно обиделась: вранье и гнусная клевета на всю
страну! За что?

- Это же не про нас! - оправдывался Майк. - Лирический герой
рассказывает.

- Я-то знаю, но все, кто услышит тебя, будут жалеть не лирического
героя, я бедного Майка и ругать истеричную супругу, устраивающую ему
разнообразные пакости?

- Ладно, я перед каждым концертом буду объявлять, что у меня лучшая
в мире жена, - пообещал Майк, улыбаясь.

Нет, не была наша жизнь похожа на жизнь героев «Отеля..»? Тем для
разговоров хватало вполне. Гости тоже не переводились. Иногда (к
примеру, в День Рождения Майкуши) в нашу комнату набивалось столько
народу, что просто непонятно, как все размещались.

Барабанщик Андрюша закончил институт и уехал в Петрозаводск.
Через некоторое время его с успехом заменил Валера Кириллов.

Стали приходить ребята из «Секрета». Всегда веселые, дружные,
симпатичные. Пели свои песенки, называли Майка папой. Помню, что
Майкуша настойчиво рекомендовал им написать песни про девушек
«Лидия» и «Изабелла».

Появились Паша Краев, Наиль, которого по его просьбе мы тоже
«усыновили». Майк мечтал о том, чтоб «Почта» стала знаменитой группой,
очень переживал за ребят.

Переехал на Пушкинскую Коля Васин, что, конечно же, прибавило

гостей (заглядывающих на огонек от нас) и хлопот Николаю Ивановичу.

С Костей Гребенкиным Майк менялся пластинками и пленками со старой (50-60 гг.) музыкой, вел содержательные музыкальные разговоры. А то и пулечку расписывали.

Не часто, но заходили Юра Ильченко, Костя Кинчев, Юра Шевчук, Рикошет, Дюша Михайлов, Дядя Федор, Глеб... Всех я, конечно, не в силах упомянуть (уж простите!).

Если перечислить тех, кто приезжал издалека - список получится очень длинным. Ограничусь названиями городов, особенно дорогих для нас с Майком по причине проживающих там замечательных людей: Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Казань, Великие Луки, Калининград, Нижний Новгород, Харьков, Верблюдогорка (это такое место на Северном Кавказе), Владивосток и, ясное дело, Москва. Спасибо всем! Ваши письма и визиты были настоящей радостью...

Путешествовал и «Зоопарк». Майк завел карту, на которой отмечал места, где они побывали на гастролях. Из поездок возвращались «усталые, но довольные». «Товарищ руководитель» рассказывал забавные истории про дороги и концерты, привозил всякие подарочки и новые слова, надолго входившие в лексикон группы.

Иногда они всей компанией вместе с Севой Грачом и Ильей Маркеловым (аппаратчиком) прямо с вокзала наезжали к нам. Отмечали возвращение, отдыхали, разъезжались. Майк радовался, что в «Зоопарке» такие отличные ребята. Никогда не устают от долгого и тесного общения - и это здорово! Интервью у Майка брали довольно часто. Он к ним относился нормально. Особенно, если журналист «подготовился к интервьюшке» и не задавал идиотских вопросов. «Почему ваша группа так называется?», «Что Вы раньше пишете - слова или музыку?», «Каковы Ваши творческие планы?».

Музыкантов всегда спрашивают про поклонниц. У «Зоопарка» на этот счет была поговорка: «У всех за кулисами красивые девушки, а у нас - одни мужики с бухлом». Письма Майку приходили тоже, в основном, от мужчин. Они благодарили за песни, рассказывали о жизни, присылали стихи на рецензию. Однажды пришло трогательное письмо от человека беспомощного, очевидно, инвалида. Писал, что песни Майка - единственное, что связывает его с жизнью, и что он под впечатлением сам стал сочинять. Миша должен был вынести приговор: если стихи плохие - жить этому человеку больше незачем. Вот так, ни больше, ни меньше!.. Нас эта категоричность просто потрясла. Майк ужасно мучился под бременем ответственности. Стихи слабые, а врать нельзя - рано или поздно правда

откроется... Так ничего и не смог написать - рука не поднялась.

Майк, человек сентиментальный (хоть и скрывал это, по возможности), категорически отказывался участвовать в благотворительных концертах в фонд чего-нибудь. Не доверял этим фондам. Не раз говорил, что будь у него возможность передать деньги из рук в руки конкретному, скажем, детдому, «Зоопарк» отработал бы сколько надо и с удовольствием. А дарить деньги наживающимся на чужом несчастье чиновникам что-то не хочется.

«Любой труд должен быть оплачен», - считал Майк и отличался в этом щепетильностью. Но рок-н-ролл был для него чем-то намного большим, чем способ зарабатывать деньги. Помню, долго удивлялся: «Я занимаюсь любимым делом, а мне еще и платят за это!»

Конечно, мечтал об аппаратуре для группы, о хорошей гитаре, о записях в студии, о съемках. Казалось, что еще чуть-чуть - и все будет. Но чуда не случалось. Деньги появлялись и исчезали, добрый дядя не показывался на горизонте, а как умудряются иметь хороший аппарат другие музыканты, Майк понимал с трудом.

«Я не люблю деньги, но я нуждаюсь в них». Порой нужда была острой. Но даже и тогда Майк оставался верен себе. Помню момент, когда стали приходить письма из ВААП. В них содержались настоятельные просьбы принести тексты и клавиры таких-то песен. Миня эти письма просто откладывал (правду написал в какой-то песне, что боится учреждений и очередей). Очень долго уговаривали его сходить туда, дабы потом спокойно получать авторские гонорары (отнюдь не лишние). Наконец Александр Петрович сам расписал клавиры и чуть ли не за руку отвел Майка в ВААЛ. Деньги же охотнее всего тратились на пластинки, книги, темные очки, пиво и встречи друзей.

К еде Майк был абсолютно равнодушен, а с соевым соусом мог съесть, наверное, любую гадость. Была у него странная привязанность к болгарским консервам, фасоли, бобам и котлетам за 12 копеек. «Сытость располагает к лени и нездоровому гуманизму», - цитата из Майка. Еще говорил, что его вполне бы устроили специальные таблетки: проглотил - и не надо отвлекаться на еду.

- Что подарить тебе на день рождения? - спрашивал Миня.

- Подари себе новые джинсы, и ты меня осчастливишь, - отвечала я и ни капельки не лукавила.

Редко случался такой праздник: Майк под нажимом семьи и общественности купил себе обновку! Долго привыкал к новой вещи, но старые не выбрасывал - в них чувствовал себя уютнее.

Даже ссорились. Я зудела, что пора бы обзавестись приличным концертным (хотя бы!) костюмом. Майк невозмутимо отвечал, что у «Зоопарка» имидж дворовой группы, и он ему вполне соответствует.

Украшений, колец не надевал никогда. С удовольствием носил только часы-напульсник - подарок любимого Демы.

И все-таки Майку временами хотелось походить во фраке, в чем-то таком черно-бархатном. Вальяжность ему к лицу, и в обстановку утонченной роскоши он прекрасно бы вписался.

Михаил Васильевич всерьез жалел, что сейчас не принято почтительное обращение на «вы» к членам семьи. Крошечного сына звал Евгением Михайловичем, передавал церемонные поклоны. Маму свою за глаза называл маменькой или матушкой, Таню - любезной сестрицей или по отчеству. Это все было очень органично. Тем более, родителей он искренне любил. А свою бабушку вспоминал с особенной нежностью...

Пока «Зоопарк» гастролировал, я принимала у себя подруг.

Они предпочитали заходить в отсутствие супруга. Не то чтобы Майк был слишком суров, но ему была заметно милее мужская компания, нежели дамское щебетание.

К некоторым моим знакомым девушкам Майк привыкал годами, только потом отношения налаживались. Я сердилась и обзывала Миню женоненавистником. Это зря - он просто не был дамским угодником. Мог стать идеальным другом, с которым легко говорить и которому легко плакаться в жилетку. Умел слушать, пытался помочь, вздыхал часто: «Бедные вы, бабы!» Старых боевых подруг уважал и братски любил «сестренку Оленку». Неправильно его обвиняли в цинизме. Вспомните песни «Мария», «Горький Ангел», «В Этот День», «Да Святится Имя Твое». В них поклонение Женщине и такая нежность!

Я знаю, что больше любят цитировать «Дрянь», «Прощай, Детка». Но ведь женщины бывают разные.

Еще важная деталь: Майк терпеть не мог, если подвыпившие мужички начинали сплетничать о дамах. Такие разговоры пресекались немедленно и в резкой форме.

Довольно своеобразно Майк относился к иностранцам. Словно боялся, что его могут заподозрить в корыстных интересах, и на всякий случай становился в позу.

Однажды наш приятель привел в гости барышень из Голландии. Майк читал, полеживая под одеялом. «Ты бы встал, дамы все-таки», - попросила я. «Пусть думают, что такие наши русские обычаи», - отвечал вредный Миня. Так и общался, и пиво из банок пил лежа. Только потому, что

иностранки!..

Другой случай. В наш «пенал» приехал американец - брат у Майка интервью. Разговор шел на английском, довольно долгий и, видимо, интересный. Но, прощаясь, корреспондент подарил Майку пачку дорогих сигарет. «Спасибо, я курю только «Беломор», - вежливо отказался Миша. Но в лице сильно изменился и долго возмущался тем, как его унизил, казалось бы, приятный человек.

Подобных историй много. Я не могу представить, чтоб Майк попросил привезти из-за границы гитару, «примочку» для гитары или какой-нибудь пустячок. Такая вот «у советских собственная гордость». Вернее, нормальное чувство собственного достоинства.

Зато Майкуша от души пообщался с первым менеджером «Beatles» и Сидом Шоу, председателем фан-клуба Элвиса Пресли. Поговорить им было о чем. Майк хорошо знал западную культуру и особенно музыку. Регулярно читал англоязычную музыкальную прессу и запоминал массу информации. Особо интересные статьи переводил для друзей.

Очень давно, когда в нашем доме появилась пишущая машинка, Майк с азартом взялся переводить и печатать всевозможные материалы о Марке Болане. Потом красиво оформлял это на больших листах, наклеивал иллюстрации - мечтал сделать книгу, где было бы все о Марке. Но машинка сломалась (или ее забрал хозяин), и глобальный труд остался незавершенным.

Аккуратным человеком Мишу назвать нельзя, но во всем, что касается музыки, у него был полный порядок. Коробочки с пленками и кассеты любовно оформлялись, данные с пластинок вносились в специальные большие тетради (их накопилось штук 11).

Причем, записывал он тем же шрифтом, какой был в оформлении пластинки. Я уверена, что Майк мог бы стать неплохим художником (рука твердая, идеи интересные, хороший вкус), дизайнером или режиссером рекламных роликов (его всегда поражала бездарность создателей рекламы). Даже его сны были похожи на фильмы: то с лихо закрученным сюжетом, то лирические и даже сказочные.

Еще несколько лет прошло. Женя подрос, и меня потянуло работать в д/сад, к маленьким. Майк был сильно недоволен, но смирился.

В нашей комнате сменилась некоторая мебель, даже завели небольшой холодильник.

«Зоопарк» продолжал концертную деятельность. Майкуша начал уставать от гастролей. Поседел, отяжелел. Я его поругивала за лень, но супруг заявлял невозмутимо: «Лень - прекрасное качество. Из-за нее я не

совершил массу плохих поступков». Может быть, он и прав...

Домашний стал Майк. Все норовил подольше поваляться на диване, TV посмотреть, кроссворд-другой разгадать, пивком оттянуться. Ну, и почитать, конечно.

В 83 году он составил мне специальную бумажку «Любимые поэты Майка: 1 - И.Бродский, 2 – А.Гинзберг, 3 - Б.Ахмадулина». Еще ему нравились Саша Соколов, Н.Алейников, В.Степанцов, Б.Гребенщиков, Киплинг, Б.Дилан. Любимые писатели: Тургенев, Чехов, Шергин, Булгаков, Вен.Ерофеев, Хармс, Довлатов, Оруэл, Кен Кизи, Хемингуэй, Ремарк, Кортасар, Гашек, Джером. В оригинале перечитывал постоянно Р.Баха, Керуака, Кенета Грэма.

К этим достойным именам могу добавить имена авторов хорошей фантастики и плохих детективов. Майк даже собирал самые тупые отечественные детективы 50-60 гг., где все стилиги - гады, а комсомольцы, как один красивые и смелые. Ему и из других городов присылали бандероли с потрепанными книжками Адамова и ему подобных.

Фильмы Майк тоже любил «с пальбой и погонями», еще - комедии, старые картины (все это смотрелось с соответствующими комментариями). На самом деле, в кино он прекрасно разбирался, просто ненавидел салонные разговоры «ах, Феллини! ах, Антониони!»

Спорт интересовал крайне мало. Разве что гонки «Формулы-1» - это святое. «Большой приз» смотрел раз десять.

Любовь детства - авиация. Про самолеты он знал все. Мог рассказывать о них часами. Собирал книги, склеивал модели. Иногда всю ночь делал какой-нибудь сложный самолет и утром будил меня совершенно счастливым...

А еще мы любили гулять. Правда, удавалось это не так часто, как хотелось бы. В конце концов осталась традиционная прогулка раз в году. Когда в Питере расцветала сирень, мы отправлялись на Марсово поле - по Фонтанке от мостика Ломоносова. Шли медленно, говорили мало, любовались себе летним вечером и окнами домов на набережной.

Майк очень любил Петербург, хорошо его знал, показывал мне красивые дворики, занятные парадные. Фонтанка была ему особенно дорога, поэтому наш маршрут не менялся.

Надышавшись сиренью на целый год, возвращались тоже пешком, но уже коротким путем - по Невскому. Возле дома заходили в маленькое кафе выпить чашечку кофе, а то и шампанского.

О своем городе Майк говорил с такой нежностью, с какой о редких людях мог отозваться. Видел, конечно, и грязь, и жуткую разруху, и

бронхитом болел из-за климата - но всегда любовался и гордился. «Петербург построен на болоте и засасывает, как болото. Только я отсюда выбираться не хочу».

К Москве ревновал, говорил о ней с легким презрением (что свойственно многим ленинградцам). (Для справки, «Bluess de Moscou» написан очень давно и по поводу конкретной обломной поездки). Это странно, ведь в столице к нему относились очень тепло, как родного принимали (я и сама имела возможность убедиться в этом в 83-м году).

Москвичей Майк приветчал, некоторых очень любил, но сам был типичным петербуржцем - таким немножечко cool...

Однажды, оборвав свой монолог, Майкуша неожиданно спросил:

- Ты никогда не воспринимала меня как звезду? Я, сильно удивившись такому повороту разговора, пожала плечами:

- Нет, никогда.

Как-то даже в голову не приходило. Может быть, для кого-то и звезда. А для меня, для своих друзей - талантливый, интересный, но просто Майк.

Честно говоря, я и на концерты его мало ходила. По двум причинам. Во-первых, меня, барышню абсолютно не светскую, музыкальные тусовки утомили довольно быстро. Во-вторых, всегда очень волновалась за «Зоопарк». Казалось, что без меня ребята отыграют лучше. Переживала дома - готовила ужин и с нетерпением ждала своего артиста.

Ну, не было в Майке высокомерия и вообще ничего такого звездного. Друзья остались прежние (Саша Самороднецкий - еще со школы). За 12 лет, что я знакома с Майком, он изменил отношение только к двум людям. И вовсе не потому, что сам стал другим.

Он ценил дружбу, пожалуй, больше, чем любовь. В отношениях был довольно сложен, но порядочен. Очень редко кого-то осуждал, справедливо считал, что каждый волен в своих поступках. Неприятные вещи предпочитал сказать в лицо, но отсутствующего человека перед другими за то же самое — оправдывал. В душе Майка совершенно отсутствовали мелочность, мстительность, злорадство. Разочаровывался - страдая. Прощал быстро и охотно. Всегда радовался успехам братков-музыкантов: «Мы занимаемся одним делом, нам нечего делить».

В семье Майку было сложнее. У меня - свои друзья (кроме наших общих), работа, какие-никакие интересы. Вкусы у нас не всегда совпадали, да и по жизни мы люди разные. Но взрослого человека на свой лад переделывать бесполезно. Да и какое право имеешь?..

Короче говоря, у нас обоих хватало ума уважать взгляды друг друга и не учить жить.

Но без ссор все-таки не обходилось. В старинном русском гороскопе про Овна сказано: «скорогневлив, но быстро отходчив». После каждого такого несправедливого гнева я намеревалась обижаться и злиться очень долго. Но Майк бурно выпускал пар - и почти сразу же начинались извинения, искреннее раскаянье, букеты и оправдания типа «что поделаешь: кого больше любишь, того и обижаешь чаще!» Вот и сердись на него после этого!

К тому же я сама не ангел - много было таких заскоков, что и вспоминать противно. Но вместо того, чтоб отругать как следует глупую жену, в угол поставить (и за дело), Майк неожиданно проявлял исключительное великодушие и благородство.

А еще он никогда не пытался представить себя лучше, чем есть. Честность - в словах, поступках, песнях - одно из самых главных достоинств Майка.

«Зовите меня, как вам угодно –
Я все равно останусь собой.
Самим собой - это сложно...»
У Майка получилось.

Изменилось все. Его друзья принимали новые правила игры, прекрасно вписывались в иную жизнь. А он посиживал на белой полосе и смотрел, как «каждый спешит по делам, все что-то продают, все что-то покупают, постоянно споря по пустякам...»

И только грустил иногда о других временах, о том, как все было 10 лет назад. Большой ребенок с чистой душой, но все о себе давно понявший, мудрый Майк.

БГ в воспоминаниях о Цое написал: «Мне хотелось бы избежать всего этого и не рассказывать о том, какие штаны он любил надевать с утра, и какой портвейн он предпочитал, потому что ничего к его песням не добавляет, это убавляет». Борис прав. Но песни Майка пусть анализируют Артем и Саша Старцев, рассуждает о важной функции в культуре еще кто-то, поумней меня. Я же хорошо помню, как приезжали из далеких городов, вообще неизвестно откуда (и к Боре, не сомневаюсь, тоже) просто посмотреть, как живет Майк. Значит, и про штаны нужно...

Все, что я рассказала - просто лирическая зарисовка на тему семейных отношений; одна сторона жизни хорошего человека Миши Науменко. Без (упаси, Боже!) психологических углублений и самокопаний. Все самое важное я оставила при себе - это только наше с Майком.

Мы не знали, что видимся в последний раз. Просто я уезжала надолго, вернее, насовсем.

В пустом купе обнялись, расцеловались, посмотрели друг другу в глаза.

- Прости меня, Майк. Спасибо тебе за все!
- Что ты! Все давно прощено. И тебе тоже спасибо!
- Ты все сделала правильно и честно. Главное, чтоб у тебя все было хорошо. Звонить будешь?
- Обязательно!
- Ну, побежал - Липницкий ждет...

Последний концерт. «Пригородный блюз» вместе с «Аквариумом». Ленинград, ДС «Юбилейный», 14 марта 1991 года. Фото Андрея Усова.

М НАУМЕНКО. ХРАНИТЕЛЬ ОГНЯ

Боже, как темно! Я никогда не видел столь глубокой ночи. Лес фантастичен. Деревья мрачные, немые надзиратели, обступили мою крохотную полянку. Ни Луна, ни звезды не видны сквозь их тесно сдвинутые спины. Я сижу на заросшем мохом камне и смотрю на свой Огонь. Я зажег его вчера на закате и буду жечь его всю ночь. Огонь не должен затухнуть ни на минуту. Иначе... Страшно подумать, что будет иначе...

Как хорошо, что нет дождя. Я подбрасываю в пламя очередное полено, встаю и направляюсь за последующей порцией дров.

Пожалуй, я совсем один в лесу. Вчера днем этот лес выглядел светлым и зеленым. Здесь были все мои друзья. Мы пели, танцевали и веселились на этой лужайке. А потом наступил вечер, и все куда-то исчезли. Куда они делись? Наверное, ушли в завтрашний день. Но почему остался я? Ах да, хранить Огонь. Лучше бы я ушел вместе со всеми...

Я рублю старую кривую осину. Иуда, должно быть, повесился на такой же. Нет, мне никогда не доводилось видеть такого жуткого леса. При свете Солнца он был ярким и прекрасным, он казался другом. А сейчас создается такое чувство, что у всех этих деревьев есть глаза, и что каждый раз, когда я поворачиваюсь к ним спиной, они смотрят на меня тяжелыми взглядами убийц.

Надо разжечь Огонь посильнее. Я кидаю в костер еще штук пять поленьев и огромную корягу. Коряги горят долго.

На огромной сосне висит телефонный аппарат. Совершенно непонятно, откуда он здесь взялся. Провода к нему не подведены, да и где вы видели, чтобы в лесу были телефоны? Я пытался было снять трубку, но динамик, конечно, молчит.

Который, интересно, сейчас час? Сколько осталось до рассвета? Главное - это не заснуть. Не спать, не спать, не смыкать глаз. Нужно погулять по полянке, побегать, спеть какую-нибудь веселую песенку. Впрочем, за полночи я исходил этот крохотный клочок леса вдоль и поперек, а петь... Я пробовал петь, но голос в этой напряженной тишине звучит так одиноко и беспомощно, что становится еще страшнее. Уж лучше молчать.

Вон там, в углу поляны, начинается дорога. По ней мы вчера пришли сюда. По ней ушли мои друзья. По ней уйду я, как только начнется утро. Но

сейчас она не ведет никуда. Сейчас - ночь.

Стоп! Что это значит? Откуда звонок? О, черт, это звонит телефон. Это кажется невероятным, но он продолжает звенеть. Я подхожу и снимаю трубку.

- Алло. - В ответ молчание.

- Алло. - В трубке опять тишина, но я уже знаю, что это звонишь ты.

- Кто это? - Спрашивает меня твой голос.

- Это я. Ты не узнала меня? Откуда ты говоришь?

- Кто это «я»?

- Это я. Я - хранитель Огня.

- Неправда, - отвечаешь ты и вешаешь трубку. Гудки. Я открываю глаза. О, Господи, я чуть было не заснул? Когда же начнет светать? Я, кажется, начинаю понимать людей, поклоняющихся Солнцу. Еще немного, и я, упав в траву лицом, стану молиться всем богам, которых только могу припомнить. Поток бессмысленных и беспомощных молитв. Скорей бы утро.

Надо принести еще дров. Этого запаса надолго не хватит. Интересно, из чего сделаны эти деревья? Рубить их топором не легче, чем ковырять бетон перочинным ножиком. Чем дальше в лес, тем меньше дров.

Ветра нет. Искры, вылетающие из костра, взлетают над поляной и медленно, как светляки, уплывают все дальше и дальше в лес сквозь сплетенные ветви деревьев.

В лесу никакого движения, наверное, более зловещей тишины не бывает. Она почти физически давит на меня, и гул пламени делает ее еще более невыносимой, страшно вымолвить слово. Я молчу. Молчу уже полночи Молчать можно. Нельзя только закрывать глаза.

Что это за туман? Откуда он взялся? Он ползет из леса, как кисель. Он заполнил уже всю поляну. Я не вижу ничего, даже своих рук. Только тени деревьев и дым костра. Я пробую кричать. Слова тонут в тумане, как слезы в подушке. Жуткая, жуткая ночь.

Ветер! Слава Богу, наконец-то ветер. Он отрывает клочья тумана и уносит их обратно в лес. Эта склизкая поляна становится все тоньше и тоньше. Но что это? Из-под последних сгустков тумана показывается краешек позолоченной рамы. Вот виден уже уголок картины. Я готов поклясться чем угодно, что еще полчаса назад ее здесь не было. Но завеса продолжает опускаться, и моему взору открывается все большая часть этого загадочного полотна. Я вижу странный чепец, верхнюю часть лба, сейчас я увижу глаза...

Меня трясет. Я закрываю глаза и прячу голову в колени, не знаю

почему, но мне кажется, что это лицо убьет меня. Все это похоже на ночной кошмар, но я же не сплю! И я заставляю себя открыть глаза и поднять голову.

Это... это портрет Королевы. Вдруг черты лица начинают расплываться. Они двигаются, двигаются, и вот - это уже твое лицо. Твои руки развязывают узел на странной-странной коробке, губы твои шевелятся, ты как будто что-то хочешь сказать мне. Я с трудом разбираю слова.

- Кто ты, кто ты? - повторяешь ты.

- Я - хранитель Огня, - объясняю я.

- Неправда

- Почему неправда? - удивляюсь я. Но краски начинают блекнуть. Картина растворяется в воздухе вместе с туманом. Остается одна рама. В огонь ее, в огонь...

Что за чертовщина! Неужели я опять чуть не заснул? Хорошенькое дельце. Вперед, за дровами! Их уже почти не осталось.

Странно, топор, казалось бы, острый, а рубить эти деревья ужасно трудно. Эхо от ударов разносится по всему лесу и звучит откуда-то из глубины чащи. Такое впечатление, что там вбивают гвозди в крышку гроба. Моего гроба.

Ну вот, в голову лезет уже чистой воды идиотизм. Осталось продержаться совсем немного. Рассвет уже скоро. Главное - это не заснуть.

Я ощущаю постороннее движение, я чувствую неслышный шелест шагов. Призрачный серебряный свет пронизывает небо. Свет этот исходит от мистической лестницы, простирающейся сквозь ночную темноту. Кто это? Это Она! Она спускается по лестнице. Шлейф ее платья подобен утреннему полю. Звезды горят в ее руках, как небесные изумруды.

Но Огонь, Огонь начинает гаснуть. Не отрывая глаз от ее лица, я пытаюсь встать, чтобы дотянуться до полена, лежащего в двух шагах от меня. Но ноги не слушаются, я не способен сделать ни шага, я падаю, но я не могу даже ползти. А Огонек становится все тоньше и тоньше, вот он уже совсем, как рождественская свеча на ветру. Она идет прямо ко мне.

- Кто ты? - спрашивает она.

Я пытаюсь ответить, но омертвевшие губы не в силах вымолвить ни слова.

- Кто ты? - повторяет Она свой вопрос.

Ты выходишь на поляну из леса.

- Он - Хранитель Огня, - улыбаясь, отвечаешь ты Ей. Слова твои разносятся эхом в предрассветном мраке.

